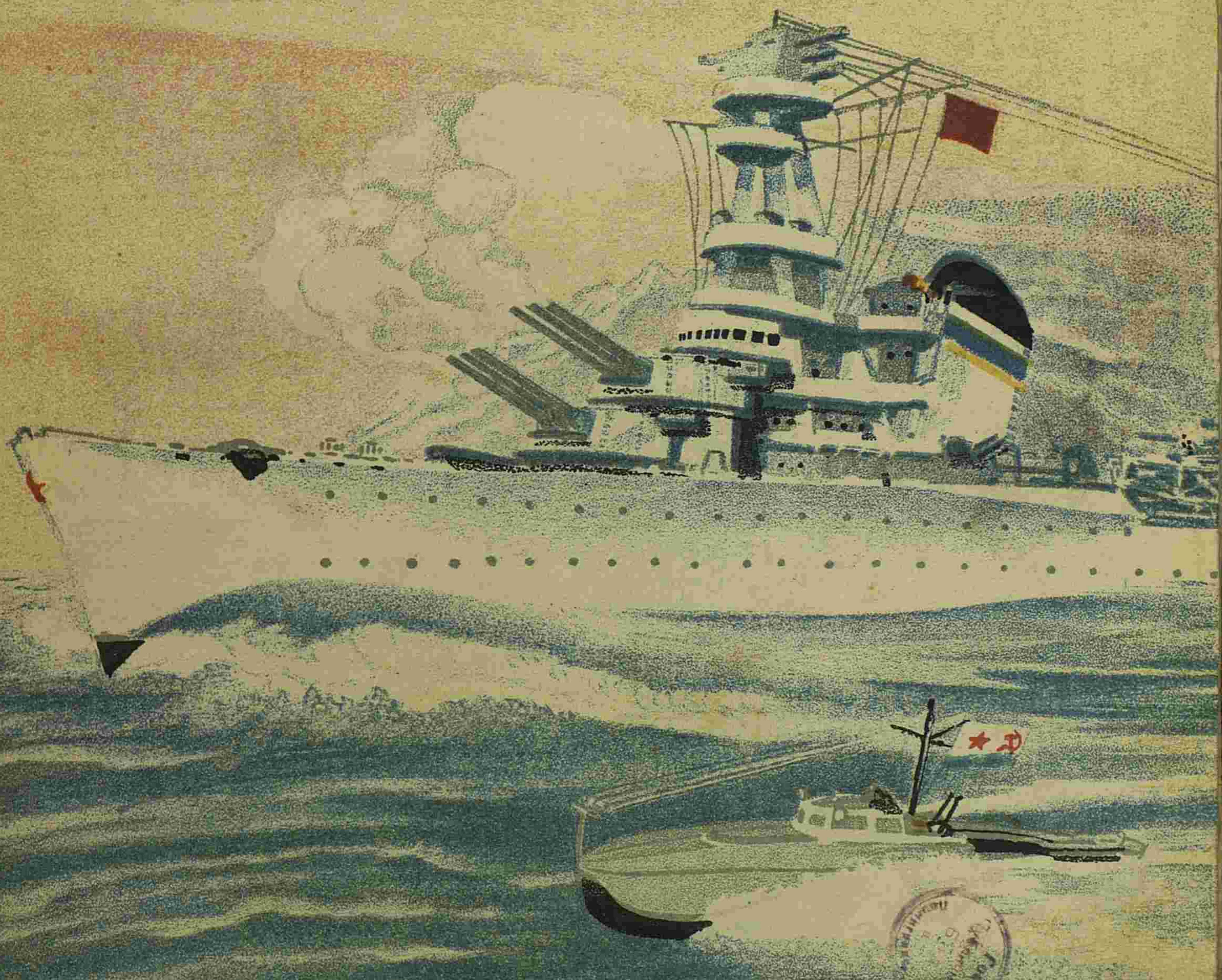


# КОСТЁР

ж у р н а л ц к в л н с м 1 9 4 1





## ОТЛИЧНО УЧИТЬСЯ, ПО-ВОЕННОМУ РАБОТАТЬ!

Наступило первое сентября — первый день нового учебного года, миллионы ребят принялись за учебу. Каждый день они будут узнавать новое, до сих пор неизвестное.

Нынешний учебный год не похож на все предыдущие. Родина наша переживает суровые дни. Советский народ ведет жестокую борьбу с коварным врагом, вероломно напавшим на нашу землю. У взрослых сейчас очень много забот, и ребята обязаны учиться так, как сражаются на фронте, как работают на заводах и полях наши отцы и братья. Будем учиться так, чтобы бойцы на фронте гордились нашими успехами.

В дни Великой Отечественной войны каждый из нас должен оказывать посильную помощь на фронте и в тылу. И каждый пионер и пионерка, каждый школьник должен это помнить. Но оказать помощь фронту и тылу сможет только тот, кто многое будет знать. А для этого нужно учиться, учиться упорно и отлично изо дня в день.

Многие ребята стремятся на фронт, хотят с оружием в руках защищать свою родину. Это — законное и благородное стремление. А знаете ли вы, какими должны быть бойцы Красной армии?

Бойцы Красной армии, люди нашей страны — советские патриоты. Они ненавидят иноземных захватчиков, врагов человеческой культуры и просвещения. И все мы должны знать прекрасные произведения, в которых писатели и поэты воспели смелость и отвагу русского народа, его силу и храбрость, его ненависть и презрение к поработителям родной страны.

Разве мужество Тараса Бульбы, доблесть героев Бородина, храбрость Пети Ростова, мудрость Суворова, Кутузова, Фрунзе Чапаева, Щорса — не учат нас беззаветно любить свою родину, жертвовать для блага ее своею жизнью? Да, учат! Вот почему мы должны знать литературу. Вот почему из литературы мы должны черпать мысли и силы, которые вдохновляли и вдохновляют людей наших на подвиги, ведут их в бой для победы над врагом.

Мы должны знать прошлое нашего народа. Оно учит нас мужественно и стойко отражать удары врагов, как это делали наши предки в битвах с Чингис-ханом, с псами-рыцарями, со всеми, кто осмеливался огнем и мечом угрожать нашему народу-богатырю. Обо всем этом рассказывает история, и мы обязаны знать ее.

История всех народов — это летопись борьбы человечества, всегда восстававшего против своих поработителей. И мы должны изучать историю, чтобы следовать примеру тех, кто поднимался на бой во имя своей

свободы и чести, во имя своей независимости.

Пионеры и школьники, будущие хозяева нашей страны, должны знать землю, на которой мы живем, ее природные богатства, ее скрытые сокровища. Этому учит нас география.

Карта — изображение земли. Как много может рассказать она тому, кто понял ее язык! Разведчику недр она покажет то, что скрыто от глаз человека, бойцу — поможет выбрать наилучший путь, легкий и короткий. Учитесь читать карту, изучайте географию!

Не зная законов физики, математики, химии, нельзя построить станок или дом, сконструировать двигатель или микроскоп, управлять автомобилем или самолетом. И в мирное время, и на войне надо знать законы природы, которые позволили человеку подчинить ее себе.

Выносливыми и сильными, ловкими и быстрыми должны быть бойцы Красной армии. Такими же должны быть каждый пионер и пионерка, каждый школьник. Учитесь бегать и плавать, стрелять и бросать гранату! Только тот, кто будет сильным и выносливым, выполнит любое поручение, которое дадут ему, защитнику родины.

Помни: учиться в нынешнем году будет не легко. Народ наш ведет Великую Отечественную войну с озверелыми немецко-фашистскими полчищами, вторгшимися на нашу землю. Война идет не на жизнь, а на смерть. Тысячи лучших сынов советского народа отдали уже свою жизнь за нашу честь и свободу, за ваше счастье, ребята. Мы принесем еще немало жертв, но разгромим и уничтожим врага. Мы не боимся трудностей. Мы готовы перенести их, потому что знаем: мы победим!

Ребята! Теперь больше, чем когда бы то ни было, вы должны делать все сами. Похозяйски берегите свою школу. Заботьтесь, чтобы в классах и коридорах было тепло и чисто, чтобы во-время были налиты чернила и у доски лежал мел.

Никто не имеет права сидеть сложа руки. У нас много дела, и работать должны все.

Помогайте старшим. Собирайте лом цветных металлов! Из этого лома наши заводы изготовят новые пушки, танки, самолеты, снаряды. Собирайте лекарственные растения! Из мяты и ромашки, полыни и шиповника наши фабрики изготовят медикаменты. Помогайте строить бомбоубежища, рыть траншеи, охранять железнодорожные пути и линии связи!

Отлично учиться, по-военному работать! Так общими усилиями мы быстрее разгромим ненавистного врага!



29  
41



ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ  
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ  
№ 8 АВГУСТ 1941

## ДАВИТЕ ГАДОВ-ФАШИСТОВ!

*Письмо на фронт*



*Дорогие товарищи бойцы!*

*Мы шлем вам пламенный привет!*

*Злой враг вторгся на нашу землю; он хочет отнять свободу, завоеванную нашими отцами и дедами, а нас, детей, оставить неграмотными и сделать своими рабами.*

*Но не бывает этому никогда!*

*Мы уверены в этом потому, что уверены в вашей силе, мужестве и отваге.*

*Ежедневно, слушая радио и читая газеты, мы восторгаемся вашими подвигами.*

*Бейте, наши дорогие, так врага, чтобы щепки летели от него. Мы же здесь, в тылу, в солнечном Ташкенте, будем учиться обязательно на „хорошо“ и „отлично“. Мы будем воспитываться так, чтобы стать такими же смелыми, как вы, чтобы так же, как вы, защищать свою родину.*

*Дорогие товарищи! Хоть мы и находимся далеко от фронта, мы все равно готовимся дать отпор ненавистному врагу: мы изучаем военное дело и ПВХО; мы собираем лекарственные травы и металлический лом. Из собранных нами трав будут изготовлены лекарства, а из металлического лома наши заводы изготовят для вас новые пушки и танки.*

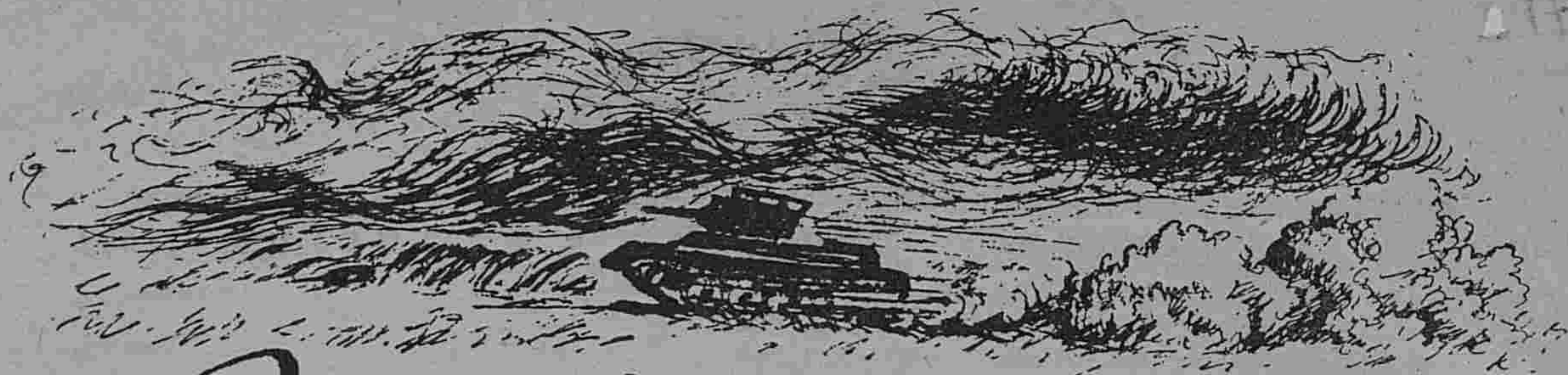
*Дорогие бойцы! Топчите гадов-фашистов, рубайте их клинками, давите танками. Бейте их в воздухе, на земле и на воде.*

*Пишите нам, мы будем вам отвечать, а сейчас примите наше пожелание самых лучших успехов.*

*Ляля Лебедева,  
Валя Царев,  
Лидя Антонова,  
Женя Крестовский.*

*Ташкент.*





## Из дневника танкиста

В. КАВЕРИН

Рисунки И. Королева

Темные, шаткие столбы дыма стояли над полем, ветер гнал их прямо на нас, и скоро дышать стало нечем.

Я посмотрел на Мейлицева — он сидел сторбившись, угрюмо поджав губы. И я не решился сказать ему, что я думаю насчет нашей затеи.

В сущности, она была не так уж сложна, если бы можно было дождаться ночи. Ночью, да еще под прикрытием «дымовой завесы», мы легко бы добрались до леса, а там... Но мы и не гадали так далеко: лес есть лес, в лесу можно спрятаться, выйти из окружения, вернуться к своим.

Но дождаться ночи — это была задача! С каждой минутой огонь приближался к нам. Он был легкий и стлался по земле так низко, что если бы не колосья, которые вдруг вспыхивали по временам, его можно было и совсем потерять из вида.

Он приближался к нам, и, следовательно, нужно было либо трогаться в путь при ясном свете дня, либо сгореть, что было бы, конечно, просто глупо.

Утро было проведено очень недурно: от артиллерийских батарей, которые нам приказано было уничтожить, осталось одно воспоминание. На обратном пути мы подбили два танка и один загнали в трясины. Мы вышли из этого дела без единой царапины — разве что от пуль на броне. А теперь, прикрывшись ветками, мы сидели тихо, как мыши, и старались даже не кашлять, хотя это было почти невозможно.

Накануне немцы заняли село Н., и жители, уходя, подожгли поле. К сожалению, они подожгли его немного раньше, чем бы нам хотелось. Сами того не зная, они выкуривали нас теперь из безопасного места.

Так или иначе, нужно было трогаться в путь. Мейлицев приказал заводить мотор, и мы пошли, держась «под дымом»: это была единственная возможность укрыться от немецких позиций. Мы пошли, хотя с каждой

минутой дым все больше душил нас и слезы застилали глаза.

По правую руку от нас скользил огонь, то подходя к машине так близко, что механик-водитель невольно поворачивал руль, то удаляясь в хлеба. Он вовсе не казался таким уж грозным и вообще не было видно разных страшных картин, о которых рассказывали в своих книгах Фенимор Купер и другие, писавшие про степные пожары.

Страшным было только небо — такое низкое, что стоило, кажется, только встать на ноги, чтобы достать до него головой. Оно было низкое и тяжелое, террасами стлался дым, там темно-красный, там золотисто-синий, и маленькое солнце без лучей висело среди окрашенных заревом туч.

Поминутно протирая слезящиеся глаза, я заметил, как несколько черных шариков выкатилось из горящей пшеницы. Это были ежи, удиравшие от огня, а за ежами, смешно подпрыгивая, пробежал длинноухий тушканчик...

Короче говоря, мы на полном ходу вошли в лес и укрылись в орешнике. Теперь можно было спокойно дожидаться ночи.

Механик-водитель дежурил в отделении управления, а мы с Мейлицевым пошли на разведку. Уж больно тихий был этот лес в пяти-шести километрах от немецких позиций! Но лес был как лес. Правда, он был сильно потрепан артиллерийским огнем, и в некоторых местах торчали лишь остовы осин и елей. Но я прополз, должно быть, с полкилометра и ничего не заметил. Пора было возвращаться назад.

Ручеек выбегал на лесную тропинку. Я выпил воды, умылся и стал наполнять флягу. И вот — только что я поставил флягу, как едва не выронил ее из рук: где-то очень близко от меня послышался стон.

Не меньше двадцати минут я, как мертвый, лежал под кустом, держа в руке открытую флягу. За кустом начиналась лужайка, покрытая густой, высокой, очень зеленой травой,—



такие места у нас в Курской называются «холодным покосом». Начинало темнеть, но по траве был виден след — точно поблескивало там, где она была примята. Что делать? Я подождал еще немного и осторожно пополз к примятому месту.

Раненый танкист лежал, раскинув ноги, уткнувшись лицом в траву.

Я узнал его еще прежде, чем перевернул на спину. Это был Векшин, комиссар нашей части.

Сперва мне показалось, что он тяжело ранен, потому что он был без сознания, и я напрасно старался, чтобы он проглотил хоть каплю воды, но потом он пришел в себя и даже стал помогать мне делать перевязку. У него была ранена левая рука, и он потерял много крови. Наверно, он еще был контужен, потому что у него были распухшие, налитые кровью глаза, и он сам сказал, что видит все как в тумане.

Спустя четверть часа мы с Мейлицевым доставили комиссара до танка. Мы доставили его со всей осторожностью и заботой, между прочим еще и потому, что это был — могу сказать без преувеличения — самый любимый и уважаемый человек в нашей части.

Мы устроили его сперва на земле под навесом, а потом перенесли в танк, потому что только ждали удобной минуты, чтобы двинуться дальше.

Рука мешала ему, и время от времени он смотрел на нее, скрипя зубами от боли. Но вместе с болью сознание все больше возвращалось к нему. Теперь это уже не был тот полугруп, который я нашел на «холодном покосе». Он спросил, что мы сделали, потом привстал и сказал, что хочет выйти из танка. Выходя, он спросил, как управление, и механик-водитель ответил ему:

— В порядке.

Мы снова устроили его под навесом, и некоторое время он лежал неподвижно.

— Мейлицев, — вдруг сказал он шопотом, — ну как я, а?

— По-моему, нормально, товарищ комиссар, — хмуро отвечал Мейлицев.

Они помолчали.

— Который час?

— Без двадцати десять.

— Послушай... Вы не ходили дальше того места, где меня подобрали?

— Нет, товарищ комиссар.

— Я был без сознания?

Мейлицев подозвал меня, и я объяснил, что без сознания.

— Ну, ладно, — сказал комиссар, помолчав. — Значит, это был сон.

Он не стал объяснять, что это был за сон,

но через несколько минут опять позвал меня и стал расспрашивать про местность.

— Товарищ комиссар, а вы скажите, что вам причудилось? Может быть, и я что-нибудь заметил.

— Мне, брат, причудился домик, — серьезно отвечал комиссар.

— Домик?

— Да. А вот во сне или наяву — никак не могу припомнить.

Мы собрались вокруг него, и он рассказал, что после ранения и контузии он некоторое время полз в лесу и вдруг наткнулся на домик. Немецкая речь послышалась ему, и он долго лежал в кустах, то приходя в себя и прислушиваясь, то теряя сознание от мучительной боли. Потом он увидел себя в другом месте — в зеленой ложине, среди высокой травы. Очень хотелось пить, и он стал копать землю, потому что ложина была сырая, и он надеялся, что ямка скоро наполнится водою. Это было последнее, что он еще помнил.

— Там я вас и нашел, товарищ комиссар, — сказал я.

Мы помолчали. Мейлицев сел на пенек и снял шлем, — точно без шлема было легче догадаться, что это за домик.

— Проверить? — спросил он.

— Надо проверить, — быстро отвечал комиссар.

Мейлицев обернулся ко мне.

— Слушаю, товарищ старший лейтенант, — сказал я.

Осторожно перебравшись через знакомую ложинку, я решил двигаться прямо: ведь этот домик, если он не приснился комиссару, должен быть от ложины в двух шагах.

Давно уже стемнело, и небо было лунное, ясное, даже слишком ясное. Приподнимаясь, чтобы подтянуться, я с тревогой замечал свою тень на кустах. Домика не было. Лес был тихий, пустынный, даже птицы умолкли, только где-то далеко еще куковала кукушка. Конечно, комиссару приснился сон, — недаром же у него были такие туманные глаза, когда я наткнулся на него в ложине. Я повернулся на спину, чтобы немного отдохнуть, и в эту минуту совершенно отчетливо услышал немецкую речь.

Надо полагать, что домик был недурно замаскирован, потому что, как я ни таращил глаза, я ничего не видел, кроме темной купы деревьев. Но это был домик, потому что я услышал, как ступенька скрипнула под ногою... Сонный голос еще раз сказал что-то по-немецки, и вдруг в темной листве, чуть заметный, мелькнул огонек.

Не запомню, когда еще я полз так старательно — ни один куст не шевельнулся, ни одна веточка не треснула подо мною. Месяц



стоял уже высоко, когда я вернулся и доложил командирам, что «домик — это не сон».

Не знаю, о чем они шептались, пока мы с механиком-водителем лежали на своих постах. Решение могло быть только одно — я в этом нисколько не сомневался. Но как же завести мотор, когда малейший шорох далеко слышен в ночной тишине? Как завести мотор и не привлечь внимание немцев?

Если бы не комиссар, не знаю, как бы мы решили эту задачу. А он решил ее очень просто.

— Дождаться бомбардировщиков, — сказал он, — и, воспользовавшись их гулом, быстро завести мотор.

Он сказал это Мейлицеву, и Мейлицев бесшумно хлопнул себя по лбу и сказал шопотом:

— Шляпа!

Никогда еще мы не ждали немецких бомбардировщиков с таким нетерпением. Наконец, в шестом часу, уже светало, они показались над лесом. Мейлицев приказал завести танк. Люк сразу же был закрыт, и, стараясь, хотя бы недолго, итти в зоне этого гула, мы двинулись по кустарникам по направлению к зеленой ложине, где я нашел комиссара.

С ходу мы врезались в этот загадочный домик, который уже больше никому не казался сном. Надо полагать, что фашисты не ожидали гостей, потому что вылетели из домика в одном белье, беспорядочно стреляя из револьверов.

Танк отошел, и комиссар с гранатой в руке прыгнул на землю. Мне показалось даже, что он не очень торопится, идя к домику, осевшему на бок. Мейлицев хотел прыгнуть вслед за ним, но он приказал ему остаться. Под огнем, который усиливался с каждым мгновением, он подошел к домику и открыл дверь ногою.

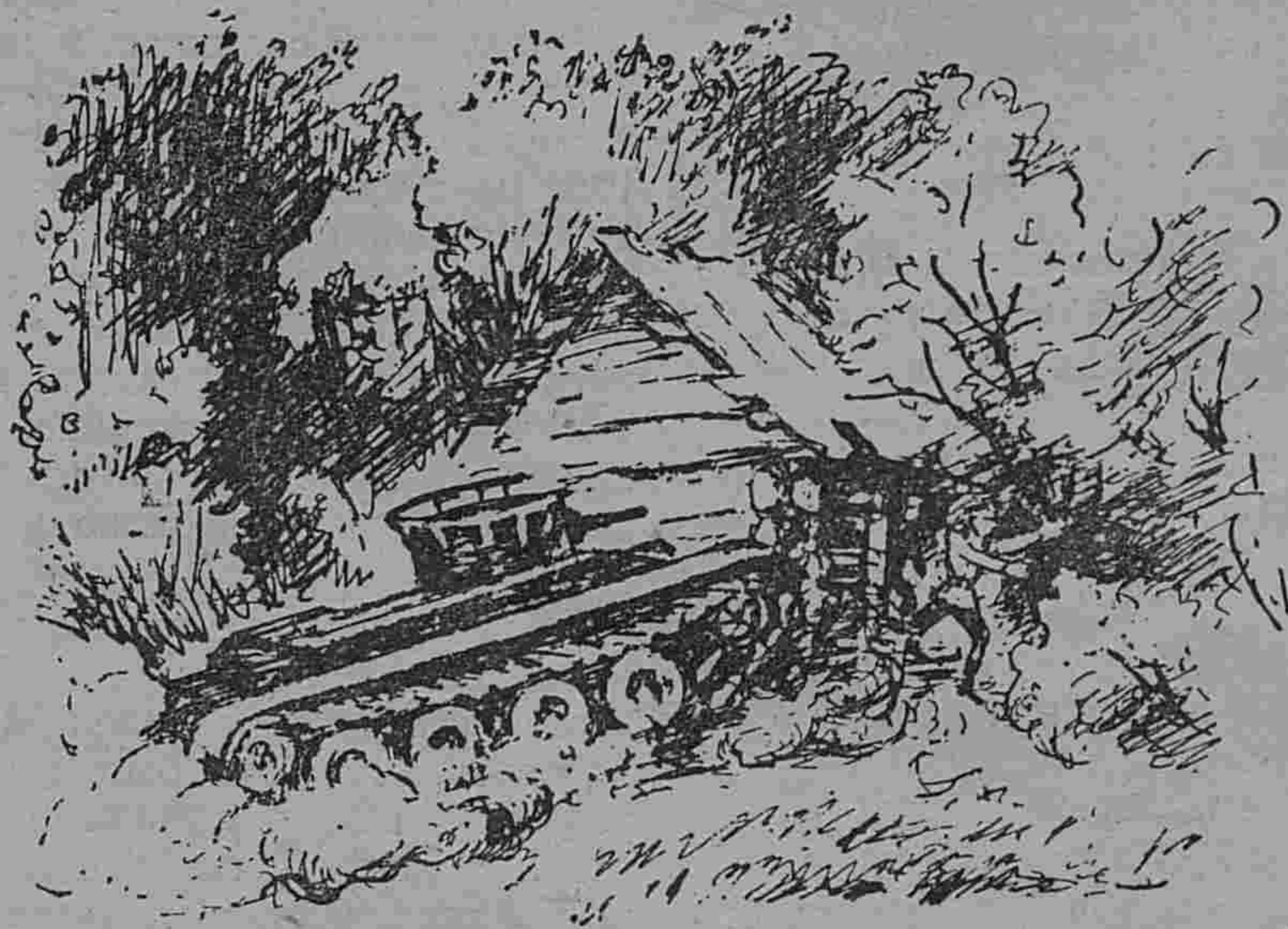
Не знаю, что произошло за этой дверью, но вдруг мы услышали отчаянный крик: «Не стреляйте, не стреляйте! Я хочу жить, не стреляйте!» — и глухой удар. Должно быть, комиссар бросил гранату. Огонь усилился. Немцы били теперь прямо по домику, точно догадываясь, что там происходит. Минута, вторая, третья...

Кажется, это были самые длинные минуты в моей жизни. Но вот дверь снова распахнулась, и комиссар появился на пороге. В здоровой руке он нес портфель и полевую офицерскую сумку. Бумаги и карты торчали отовсюду и даже под повязкой, на которой висела рука, была засунута карта.

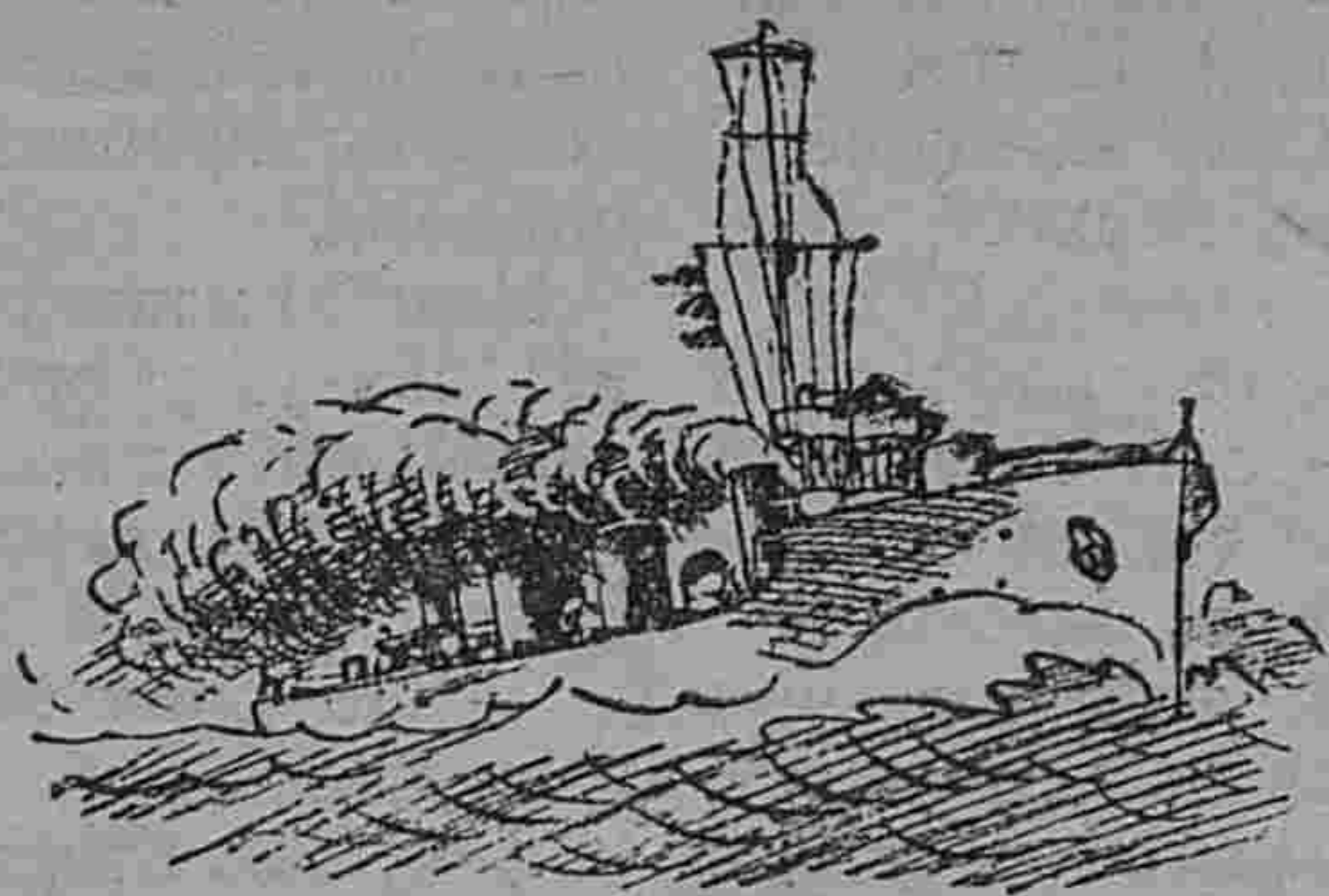
Конечно, и мы не зевали, но трудно было представить себе лучшую цель, чем наш комиссар с этими бумагами, торчавшими из всех его карманов.

Он прошел! Мейлицев помог ему вернуться в танк, и мы помчались вперед, прямо на пулеметы...

А к вечеру мы прорвались к своим. Нельзя было не прорваться! Мы везли всю переписку, все документы и карты штаба крупной немецкой части. Мы везли нашего комиссара.







## ДОМ НА ХОЛМЕ

В. КАВЕРИН

Рисунок В. Тамби

В «Боевом листке», вывешенном под полубаком, за час до начала похода я прочитал статью лейтенанта Апостоли; он писал: «Чего добивается враг? С откровенностью старого бандита он даже не скрывает своей цели. Он говорит: «Да, нам нужна ваша нефть и ваш хлеб. Зачем? Чтобы подчинить себе весь мир».

Я прежде не знал, что наш новый командир батареи может так хорошо писать. Но я бы не удивился, если бы оказалось, что Апостоли умеет петь или говорить по-турецки. Это был человек, которому все удавалось.

Лет двадцати четырех, а на вид двадцати, с розовым свежим лицом, немного толстый и, должно быть, поэтому особенно живой и подвижной, он был так полон жизни, что вы начинали чувствовать это с первой минуты знакомства. Можно сказать, что он был совершенно счастлив. Но была и еще одна, особенная, причина его полного счастья: не прошло и полугода, как он женился. Он много рассказывал о своей жене и при этом безбожно хвалил ее, что было, конечно, вполне простиительно. По его словам, она была умная, красивая и вообще замечательная во всех отношениях. И он показывал ее карточку и краснел, как мальчик.

Теперь он стоял рядом со мной на баке и называл места, мимо которых мы проходили. Он родился и вырос в этих местах и недавно, перед самой войной, ездил к своим старикам в К., что сравнительно недалеко от границы. Целый месяц он с молодой женой провел в К., и, должно быть, хорош же был этот месяц в колхозных садах, весной, на берегу моря!

Даже о жаре, когда и цикады переставали звенеть, Апостоли рассказывал с восторгом. А ночные купанья в такой тишине, что сам невольно начинаешь говорить шопотом... Потом он уехал, а жена осталась гостить у стариков. Забавно было бы на обратном пути нагрянуть к ней в гости. Впрочем, завтра, седьмого, она

уезжает в Сухуми. И старики уезжают: все-таки К. в сорока километрах от границы.

Начало темнеть, и полная луна поднялась и неторопливо устроила весь мир по-своему: на море вдоль тени, лежащей по горизонту, она поместила великолепную золотую полосу, небо сделало темнее и глубже, а берег — таинственнее. Это был еще наш берег. Чайки, стремительно падавшие вниз и срывавшие с волн белые клочья пены, — это были еще наши, советские чайки.

В полной тишине, нарушаемой лишь равномерным шумом турбины, вдруг заговорило радио, то есть заговорил, судя по голосу, наш политрук Толубеев: капитан третьего ранга приказывал командному составу корабля немедленно явиться в его каюту.

Апостоли ушел. Через четверть часа он вернулся и сказал, что в кают-компании в 0 часов 30 минут назначено партийное собрание. Мне показалось, что он чем-то взволнован. Я не курю, он это прекрасно знал — и вдруг попросил у меня папиросу. Я сказал, что он написал чудную статью для «Боевого листка», а он рассеянно спросил: «Какую статью?»

После собрания мы разошлись, чтобы разъяснить краснофлотцам задачу похода. Она была ясна: согласно приказу командования мы рано утром шестого августа должны были подойти к энскому берегу и принять участие в операции сухопутных частей.

Холмистый берег открылся перед нами, красиво расчерченный правильными линиями виноградников, табака и лаванды.

Кое-где в редких купах деревьев были разбросаны домики, и только один из них стоял отдельно от других на высоком холме, полускрытый от нас другим холмом, напоминавшим медведя. Это был белый домик с красной черепичной крышей. Я заметил, что Апостоли долго смотрел на него в бинокль, а когда он опустил бинокль, у него было уста-



лое и расстроенное лицо. Кажется, он хотел что-то сказать мне, но промолчал. Потом он стал смотреть налево — туда, где за каменным забором, тянувшимся вдоль верхней дороги, залегли румыны.

Берег лежал перед нами, как открытая книга, и мы видели с моря все — в том числе и то, что не могли видеть ни румыны, ни немцы. Мы видели, как под прикрытием жестокого пулеметного огня наши саперы поспешно чинили мост, должно быть, взорванный при отступлении, и как в глубине ущелья, над которым еще стояла нежная утренняя дымка, маленькие фигурки бегали, ложась и прячась за камни.

Это тоже были наши, обходившие румынские позиции слева, и румыны, без сомнения, не видели их, потому что били совсем в другую сторону — туда, где стягивались, готовясь переходить через восстановленный мост, наши части. Без сомнения, это и был главный план — подняться по крутому тупику ущелья и неожиданно ударить на румын с левого фланга...

Роем в шесть мы начали обстрел. С полчаса мы ходили вдоль берега, дразня «скрипачей» или, вернее, не столько дразня, сколько рассчитывая, что они первые откроют огонь и тем обнаружат свои батареи. Но они молчали. Тогда заговорили мы. Апостоли командовал:

— Пеленг сто тридцать. Прицел восемьдесят два.

И первый залп наших пушек ударил по «скрипачам». Наши в ущелье упрямо шли вперед — и даже отсюда, за милю, видно было, как это трудно!

Таща на руках пулеметы, почти по отвесной стене они поднимались все выше — туда, откуда падал маленький белый водопад, превращаясь внизу в блестящую на солнце горную речку. Это было здорово, что румыны не видели их! Впрочем, они и не могли ожидать, что наши полезут на эту стену, да еще потащут с собой пулеметы.

И вдруг что-то произошло. Заработали румынские минометы, и первые же мины стали рваться в ущелье. Недолет, перелет, опять недолет! Наконец мины ударили прямо в тупик и, должно быть, наделали немало беды, потому что большие осколки камней высоко полетели в воздух.

Я слышал, как кто-то на мостике сказал с досадой: «Заметили!»

И это слово мигом обошло весь корабль.

Да, заметили. Откуда-то корректировали стрельбу. Откуда?

Конечно, с крыши домика, который стоял так удобно для румын и так неудобно для

наших! Только с крыши домика можно было видеть, что делается в ущелье — и то не на дне, а приблизительно с трех четвертей подъема.

Наш командир подозвал Апостоли, и мы все внизу, у орудий, сразу поняли, что он сказал ему, показав на домик.

Апостоли вернулся. Твердо ступая, он подошел к нам и отдал команду:

— По дому на холме. Фугасным. Орудия зарядить.

Секунда, вторая, третья.

— Залп!

Первые снаряды легли немного правее, но Апостоли исправил прицел, и со второго залпа мы попали прямо в красную черепичную крышу. Все было кончено, но для верности Апостоли командовал еще один залп, и столб черного пламени поднялся над домом...

Я посмотрел на Апостоли: у него было бледное, нахмуренное лицо — лицо человека, который лишь мучительным усилием воли заставлял себя двигаться, говорить и думать. Прежний румын мальчик исчез — перед нами был человек, перенесший все самые смертные муки, самые горькие сомнения. Как будто десять лет прошло за немногие минуты боя — десять лет, полных труда, забот и страданий.

Это был дом, в котором он родился и вырос, в котором еще так недавно он был свободен и счастлив. Он не знал, успели ли покинуть этот дом его близкие — самые близкие люди на свете. Но высокое чувство владело им в эти минуты, чувство, которое поднимает душу и делает человека способным на подвиг. Это чувство — сознание воинского долга — решило в нем мгновенную трагическую борьбу и сделало его героем...

К полудню румыны были выбиты, и наши заняли верхнюю дорогу. Разумеется, от белого домика с черепичной крышей ничего не осталось. Но обитатели его оказались живы. С началом боя они тайком от румын выбрались через окно и спустились вниз, к морю.

Очень странно, но они были первые люди, которых мы встретили, высадившись на берег.

На другой день мы принимали стариков Апостоли на корабле. Это были прекрасные старики — папа, похожий на матроса времен севастопольской обороны, с густыми седыми усами и подусниками, и полная добродушная мама.

Жена тоже была симпатичная. Кстати, она успела за время своего плена узнать много интересного, и вечером мы слушали ее доклад «о румынской армии в моральном и материальном отношении».





## СЧЕТОВОД ПРОТАСЬЕВ

Б. КАЗАНСКИЙ

Рисунок Н. Быльева

Кажется, нет на свете скучнее профессии счетовода. Знай, сиди за канцелярским столом, составляй ведомости да щелкай на счетах. Цифры, цифры, и больше ничего! Сухое, унылое занятие. Оно может подавить самого пылкого, даже буйного человека. Ни наорать, кажется, человек не в состоянии, ни размахнуться, ни захохотать громко. А уж на войне что это за фигура — можно себе представить! Так рассуждали многие у нас в дивизионе.

И действительно, как пришел наш Протасьев на батарею, так все заулыбались. А наш дальномерщик сразу определил:

— Видать, что счетовод.

Такой он был несуразный на батарее. На орудия он как будто и смотрел-то со страхом, — глянет искоса и отвернется, и опять глядит, точно тянет его к ним против воли. И в разговорах также — слушает внимательно, даже вставит бывало свое замечание — и дельно, и кстати, и тут же словно устыдится и уйдет куда-то в сторону, а то и зевнет. И вообще был он как деревянный, неловкий, всегда как бы сконфуженный. В особенности, когда приходилось иметь дело с орудием или приборами. Лицо его тогда то краснело, то бледнело и принимало напряженное выражение. Боялся? Нет, страха в нем не

замечали. Ни пули, ни бомбы не производили на него видимого впечатления. То ли был он уже ко всему равнодушен, то ли нервничал, да держал себя крепко в руках.

— Скучает наш счетовод, — говорили у нас, — неловко ему на воздухе, под открытым небом, среди пушек, непривычно.

Понятно, его и взяли на батарею за математику — расчеты, вычисления делать. В этом он был мастер, работал быстро и точно.

— Сила профессии. Он и в разгаре боя не собьется со счета, — авторитетно говорил дальномерщик.

И когда заболел наш старший планшетист, все признали правильным, что Протасьева назначили заменить его у командирского планшета. Кажется, скажи ему в самом крепком сне высоту и угол, и он сейчас же, не просыпаясь, скажет скорость вражеского самолета.

— Цифры — это его стихия, — говорил дальномерщик.

И мы даже гордились нашим Протасьевым.

— Вот и счетоводство — уж на что канцелярское занятие, и то на войне преображается.

Батарея, особенно зенитная, в сущности, слепа, как гоголевский «Вий». И дальномерщик, и угломерщик



хоть и видят самолет, да не там, где его может встретить разрыв снаряда. Зенитная батарея должна не видеть, а предвидеть это место встречи, а это делается не глазом наблюдателя, а расчетом на планшете. И наш Протасьев тут делал чудеса. Прямо надо сказать, батарея наша получила свои отличия и была первой в дивизионе не только потому, что искусен был наш командир, — другие были не хуже, — а потому, что нигде, кроме как у нас, не был такой искусный планшетист.

Просто знаменитым стал наш планшетист. «Маг и волшебник, — говорили ему, — предсказатель будущего».

Он, видимо, смущался этим и хмурился. Казалось, ему бы радоваться, что так разворачивается скромное его занятие, а он как будто все силился сдерживать, подавить себя. Видно, такая уж профессия счетовода тихая.

Но какая в Протасьеве сила скрывалась, мы поняли, только когда шрапнель разбила планшет и оторвала ему два пальца. Всякий бы потерялся хоть на минуту, отскочил бы невольно, вскрикнул. А Протасьев лишь задержался с подачей высоты ровно на полторы секунды. Командир следил в это время за стрелкой секундомера и только успел оглянуться, не убит ли Протасьев наповал, как тот уже крикнул: «Сорок!»

— Bravo, Протасьев! — воскликнул командир и дал команду.

Все мы, если бы не дорога была каждая секунда, закричали бы ему «ура». Это умственное мужество восхитило нас больше, чем буйная отвага кавалериста, лихо рубящего врага на всем скаку, или героическая ярость летчика, таранящего вражеский самолет. Здесь не было того, что называется «геройством», не было «подвига», о котором пишут стихи и поют песни. — так просто, по-деловому все произошло.

К вечеру случилась катастрофа. Батарея наша была укрыта и замаскирована мастерски. Ни блеска выстрелов, ни дымка нельзя было разглядеть с воздуха. Даже звук залпов скрадывался и рассеивался расположенной впереди складкой поверхности, поросшей кустарником. Несмотря на все старания, неприятельским наблюдателям не удавалось обнаружить расположение нашей батареи. И в этот день артиллерия противника усиленно стреляла, обшаривая окрестности вслепую, чтобы нас уничтожить и открыть путь своим штурмовикам. Трижды уже летели грозные самолеты, за которыми стлались по земле, как их тени, темные танки. И трижды открывала губительный меткий огонь наша батарея, сбивая самолеты и калеча танки, сама оставаясь невидимой. И снова в бессильном бешенстве шарила снарядами слепая артиллерия вокруг батареи-невидимки.

Это не могло длиться без конца. Раньше или позже батарея попала бы под обстрел. Но такой слепой обстрел не обязательно означает разгром. А тут произошел просто несчастный случай. Немцы били тяжелыми снарядами методически, по квадратам. Подходила очередь и нашему квадрату. Командир, чтобы

сохранить людей от бесполезной гибели, отдал приказ — всем в укрытие. Вдруг раз за разом два снаряда попадают в наш дет. Командир батареи, помощник командира, четыре командира орудий — весь командный состав — выходят из строя — кто убит, кто ранен, кто оглушен. А самолеты и танки продолжают надвигаться.

Представьте же наше положение, наше отчаяние. Орудия целы, и люди есть, но некому командовать, некому направить залп.

А самолеты приближаются. Еще несколько минут, и они забросают бомбами наши части и проложат путь танками в тыл нашим войскам. Мы скрежетали зубами от бессильной ярости.

И вдруг голос, которого никто не узнал, дает команду:

— Батарея к бою! За родину! Не пройдут фашисты к нашей батарее! Слушай команду!

Что это? У планшета стоит Протасьев. Нет, не храбрый счетовод, не чудесный предсказатель, не скромный герой. Стоит совсем другой человек — лицо его дышит энергией, глаза сияют, рот полуоткрыт.

Полным, командирским голосом он дает схему стрельбы:

— Дальномер, угломер, давай отсчет по левому самолету! — командует он.

— Есть! — отвечают невольно-послушные, бодрые голоса.

— К орудиям!

А мы, вместо «есть», орем, как мальчишки: «Ура Протасьеву!»

— По левому самолету, высота двадцать четыре — пятьдесят, сорок влево, беглым огнем, два патрона! — командует он за командира батареи. И в голосе его звучит упоение, от которого грозным весельем закипает у нас душа.

— Есть! — радостно кричим мы.

А он уже продолжает:

— Давай отсчет по среднему!

У него нет секундомера, он следит за временем по собственному пульсу. И ровно через десять секунд командует: «Огонь». Это за командиров орудий.

Четыре выстрела сливаются в один. Через шесть секунд опять — «огонь» и залп.

Левый самолет вздрагивает, кренится, клюет носом и падает. Средний делает крутой вираж и медленно снижается. Начинают грохотать и наши противотанковые орудия. Вражеские штурмовики резко пикируют и рассеиваются. Лишенные поддержки, танки останавливаются и начинают отступать. Шесть из них, подбитые нами, ерзают на месте. Протасьев должен командовать «стоп». Вся батарея глядит на него, и вдруг, как один человек, бросается к нему. Он шатается и падает.

Он очнулся в госпитале — командиром батареи.

— Двадцать лет я спал, — сказал он. — И мне снилось, что я счетовод. А на самом деле я всегда был командиром батареи. Только понял я это, лишь когда командовал:

— К бою!





И. ВСЕВОЛОЖСКИЙ

Рассказ старшины Катышева

Рисунок Б. Семенова

Я — кок. На морском языке это означает повар. Служу на большом корабле. Должен я накормить всех: артиллеристов, сигнальщиков, рулевых, машинистов... Конечно, одному это не под силу. Я командую четырьмя камбузами (так у нас называется кухня) и девятью коками. И я ношу командирскую форму, потому что я — старшина.

В ученье, в бою не легка работа команды. Людей надо хорошо накормить рано утром после физкультурной зарядки. Их надо хорошо накормить в полдень, когда сыграет горнист на обед. Их надо накормить вкусным ужином после боевого дня.

У нас на флоте любят хорошо и разнообразно поесть. Если я в обед приготовлю борщ со сметаной и котлеты с гречневой кашей, то на ужин угощу вкусным картофельным супом и макаронами с мясом.

А на завтра придумаю что-нибудь новое...

И меня все уважают.

Когда я выхожу на бак покурить, каждый угостит меня самой лучшей папиросой.

— А, товарищ Катышев, — говорят, — как твои коки поживают?

А как мои коки поживают? Мои коки поживают хорошо. Они — отличники не только по поварскому делу. Они отличники и боевой подготовки. Ни один из них не ударит в грязь лицом, если его поставить к орудью. Я сам долгое время был приписан к первой батарее. И, как сыграют бывало боевую тревогу, скидываю куртку и колпак и спешу к третьему орудью. Был я установщиком прицела.

А теперь камбуз — мой боевой пост. Питание корабля — это тоже боевая часть. Когда наш корабль в бой с белофиннами шел, вызвал меня командир и сказал:

— Товарищ Катышев. Мы в бой идем. Приготовьте самый вкусный, сытный ужин!

— Есть, самый вкусный, самый сытный ужин!

Взял линкор курс к финским берегам, а я взял курс на камбуз. Пятеро из команды разошлись к орудиям угощать врага горячими зразами, ну, а нас на камбузе осталось всего четверо. Мы — давай нажимать. Картофель начистили, мясо вымыли, а сами думаем: как-то товарищи там? Погода наверху скверная: мороз, шторм; палубу ледяной водой заливают. И вот услышали мы грохот. Это наши начали стрелять. Очень хотелось выйти посмотреть, как там идут дела.

Но бросить свой боевой пост мы не имели права. Так весь бой — он продолжался час сорок минут — в камбузе ужин готовили да всё прислушивались, что наверху делается.

Зато как разгромили бойцы финскую батарею и пришли в кубрики — пожалуйста ужинать: тушеное мясо с жареным картофелем и сытные суточные щи!

Поблагодарили нас краснофлотцы, очень одобрили ужин.

Поблагодарил и командир корабля: за расторопность и приготовление ужина во время боя.

И служу я, старшина коков, теперь дальше. Мне смешно вспомнить, как пришел я в первый раз на корабль, всему удивлялся — и мачтам и пушкам, как первую вахту на камбузе стоял.

А прошло три года — приехал Ворошилов, с нами в поход пошел. Собрал я на поднос краснофлотский обед, понес к нему в каюту.

Ворошилов пожал мне руку, обо всем расспросил: кто я, откуда, давно ли служу, нравится ли служба? Пообедал и в книге записал:

«Коки линкора «Октябрьская Революция» свое дело знают и относятся к нему добросовестно. Спасибо кокам за отличное приготовление пищи!»

И народный комиссар товарищ Кузнецов тоже меня за обед хвалил.

Свою боевую часть — питание — я держу в полном порядке.



# 105-й разъезд

Д. БРОДСКАЯ и А. ГОЛУБЕВА

Рисунок В. Лебедева

Ранним утром Надюшка вышла на порог будки и, дожевывая кусок хлеба, оглянулась по сторонам. Солнце стояло уже высоко. Деревянные стены будки, недавно выкрашенные в серый цвет, блестели словно мокрые, и особенно резко выделялась на них большая белая цифра 105. Эту цифру девочка привыкла видеть с самых малых лет, и ей казалось, что она составляет такую же неотъемлемую часть ее жизни, как сама будка стрелочника, как это железнодорожное полотно со стальными рельсами, убегающими вдаль.

Надюшка подошла к огородным грядкам. Как хорошо у них нынче все растет! Темно-зеленые кустики картошки густо покрыты белым цветом; раскачиваются на солнце тугие, точно резиновые стрелы лука; огурцы расползлись во все концы, цепляясь нежно-зелеными усиками за тонкие стебли укропа.

Надюшка прогнала квочку с цыплятами, клевавшими салат, и, выдернув из грядки молодую морковку, присела на скамейку. Перед самым отъездом на фронт отец сколотил специально для нее эту низенькую сосновую скамейку.

Он поставил ее под яблоней и сказал:

— Вот тут, дочка, будешь сидеть в холодке и книжки читать.

Надюшка обтерла морковь ладонью и только собралась запустить в нее зубы, как из оконца выглянула мать.

— Чего ж ты сидишь? Я думала — ты уж полдороги прошла! Беги скорей! Коленка плачет, да и мне к поезду скоро выходить.

Надюшка засунула морковку в рот и поднялась со скамьи. Через минуту она уже шагала по шпалам. Откинутые назад светлые, легкие, как пух, волосенки развевались за ее плечами. Быстро мелькали маленькие босые пятки, испачканные смолой. В кармане выгоревшего ситцевого платья подпрыгивал стеклянный пузырек.

Не успела Надюшка дойти до маленького мостика, как до ее слуха донесся далекий, словно подземный гул. Идет поезд. Почтово-

му еще рано, скорый прошел полчаса назад, — значит, опять воинский эшелон.

Гул нарастал. Надюшка сбежала с насыпи вниз, на узкую тропку, где росло много ромашек. Только она нарвала букет, как показался поезд.

Сперва с ревом промчался паровоз. На миг мелькнули его огромные колеса с красными спицами и черное потное лицо кочегара. Потом потянулись вагоны-теплушки, где в раскрытых дверях, свесив ноги вниз, сидели красноармейцы. Одни из них играли на гармошке, другие пели. Прошло несколько вагонов с лошадьми. Промелькнули конские головы, лоснящиеся лошадиные спины, груды новых кожаных сидел, сложенных кучами на полу.

Надюшка стояла внизу, под насыпью, и, задржав голову, размахивала букетом. С таким же вот эшелонном уехал недавно ее отец. Он уже две недели воюет с фашистами, а эти едут ему помогать. Эх, добросить бы до них букет!

Бойцы улыбаясь махали светлоголовой девочке. Один из них что-то кинул. К ногам Надюшки упали четыре баранки, нанизанные на веревочку. Она подняла их, не успев даже заметить, кто бросил ей этот гостинец. Мимо, грохоча колесами по мостику, уже мчался последний вагон, на ступеньках которого стоял повар в белом колпаке.

Надюшка надела бечевку с баранками на руку. Они были сухие и шелкали, как каменные. Сгрызть одну? Нет, надо раньше показать маме.

Девочка свернула в лесок. Теперь только пройти холмы, а там на опушке домик дяди Гриши, лесничего. Она войдет в маленькую прохладную комнатку лесничего, где все стены завешаны пучками сушеных цветов и лекарственных трав, и скажет лесничему, как учила ее мать:

— Здравствуйте, Григорь Иваныч, мама просила — дайте нам немножко камфарного масла: у нас Колюнька животом мается.

Лесничий, высокий усатый старик в полотняной блузе, откроет свою аптечку, устроенную в голубом фанерном ящике, нальет пузырек и строго спросит:

— Ну как, Надежда, у вас на сто пятом? Справляетесь?

— Справляемся, — скажет она.

— То-то же! А меду хочешь?

Темой «105-го разъезда» послужил рассказ одного из железнодорожников о случае, бывшем на Псковском направлении.

Благодаря героическому поступку одиннадцатилетней девочки было предотвращено крушение и задержаны диверсанты, высадившиеся в этом месте.



И лесничий даст ей кусок хлеба, намазанный душистым липовым медом.

Так думала Надюшка, пробираясь лесом по чуть приметной тропинке между холмов, заросших вереском и брусникой. Было жарко. От горячего смолистого запаха хвои немного кружилась голова. Хорошо бы сейчас улечься на мягкий мох и лежать, закинув голову, глядя в далекое небо, туда, куда тянутся эти прямые, как свечи, красные стволы сосен.

Но некогда ей в лесу полеживать: дома больной братишка ждет.

Надюшка поднялась на холм. Вот внизу и домик лесничего. Блестит на солнце железная красная крыша, из трубы вьется дымок. Значит, Григорий Иванович дома.

Продравшись через заросли дикого шиповника, девочка услышала голоса. В маленьком дворике, отгороженном от леса жердями, стоял к ней спиной незнакомый человек в военной форме и в металлической каске. Он наклонился над большой бесформенной кучей светло-желтой материи и распутывал какие-то длинные веревки.

Рядом с ним у крыльца Надюшка увидела старика-лесничего, привязанного к стволу липы. Рубаха на нем была разорвана, один глаз запух, и по щеке струилась кровь.

«Немцы», подумала Надюшка.

У девочки от страха похолодели руки.

Немцев было трое. Тот, который складывал парашют, и еще два, разбиравших на крыльце какой-то странный черный ящик.

— Развяжите! Разбойники проклятые! — стоял лесничий.

«Что же я стою! — спохватилась Надюшка. — Надо скорее бежать за людьми».

И, раздвинув кусты, она бросилась бежать, не обращая внимания на колючки шиповника, царапавшие ее плечи.

Не переводя дыхания, она взлетела на высокий холм и здесь на минуту остановилась. Куда бежать? Домой? Нет, мама одна с немцами не справится, — лучше бежать на станцию: там людей много.

И Надюша помчалась во всю прыть, спотыкаясь о корни деревьев и скользя босыми пятками по сухой сосновой хвое.

Ей все еще виделся старик-лесничий с окровавленным лицом, со страшным запухшим глазом. Неужели он умрет, не дождавшись помощи?

Вот уже железнодорожное полотно. Нестерпимо блестят на солнце рельсы. Горячий песок обжигает босые ноги, деревянные шпалы накалены, как металл.

До станции еще добрых пять-шесть километров. Бежит Надюшка, жмурясь от солнца, которое слепит ей глаза. На левой руке раскачиваются и пощелкивают сухие баранки. Губы



пересохли, хочется пить, а полотно тянется без конца, и такое оно длинное, словно упирается прямо в горизонт. Кругом ни души. И вдруг среди тишины жаркого полдня — сглушительный взрыв.

Далеко впереди, где-то возле Спасова ручья, над полотном взметнулось облако черного дыма и во все стороны фонтаном разлетелись камни и песок.

Она остановилась. Дорогу взорвали! Первой мыслью было бежать домой, рассказать матери о всех событиях этого страшного дня. Надюшка повернула назад, сделала уже несколько шагов — и остановилась. В тринадцать двадцать пройдет скорый, а до него могут проследовать и воинские эшелоны. Могут погибнуть тысячи людей. Она снова повернула на станцию.

Вот уже совсем близко место взрыва. Развороченное полотно, изуродованная огромной воронкой насыпь, торчащие из земли обугленные шпалы. Здесь нельзя было пройти. Девочка сбегала на тропку и тут заметила удаляющуюся в ельник фигуру человека. Это был милиционер.

— Дяденька! Дорогу взорвали! — звонко крикнула Надюшка ему вслед. Человек оглянулся. Девочка увидела незнакомое искаженное злобой лицо. Прозвучал выстрел, и Надюша упала, чувствуя сильную боль в ноге.



Она лежала ничком на траве, плача от боли и от испуга. Нет, это не милиционер. Милиционер не мог в нее выстрелить! Это тот, кто взорвал путь!

Она долго не решалась взглянуть на свою правую ногу. От нее, наверно, уже остались одни обломки или вся нога в сплошных ранах.

Всхлипывая, она попробовала пошевелить пальцами и наконец осмелилась посмотреть. Пальцы шевелились, и нога была на своем месте. Только над коленкой темнела маленькая кровоточащая ранка, и подол платья был рассечен пулей.

Сможет ли она теперь добежать до станции? Она встала и, прихрамывая, сделала несколько шагов. Больно, но ходить можно. Надо бы только перевязать рану!

Надюшка стащила с себя платье, сняла рубашонку и, сложив ее втрое, обвязала ногу.

Теперь итти, скорей итти!

Она уже не думала о лесничем. Если она не успеет во-время на станцию, все поезда пойдут под откос. Надюшка представила себе, как, кренясь на бок, валится паровоз, а затем падают опрокинутые вагоны, кричат люди, стонут раненые лошади...

И она заковыляла так быстро, как только позволяла ее раненая нога. Но через полкилометра пришлось остановиться, чтобы перевернуть намокшую от крови повязку.

Тут Надюшка и обнаружила, что баранок нет. Очевидно, она обронила их там, у Спасова ручья, когда упала. Подумать только, что она не успела съесть еще ни одной баранки! Но возвращаться назад не было ни времени, ни сил.

Вздыхнув, она потащилась дальше. Теперь она шла все медленнее и медленнее, но все же подвигалась вперед, плача и оставляя за собой на песке темные пятна крови. Наконец она упала, в глазах мелькали красные круги, в ушах звенело. И вдруг ей послышалось, что где-то далеко-далеко идет поезд.

Надюшка собрала последние силы и поползла по шпалам на четвереньках. Теперь уже не только босые пятки ее, но и руки были испачканы смолой. Пот капал с ее лба и смешивался со слезами.

— Ой, мамонька! Не успею! Не успею... — повторяла она в отчаянье.

Ее подбородок чуть не касался земли, рот был полон песку, в глазах мелькали бесконечные шпалы.

— Девочка, что с тобой? — раздался совсем близко над нею крик.

Надюшка подняла голову.

Навстречу ей бежал смазчик Никаноров с куском грязной пакли в руках.

— Батюшка, да это никак Надюшка сто пятого.

Смазчик поднял ее с земли.

— Около Спасова ручья путь взорван. Дядю лесничего немцы к дереву привязали! — хрипло сказала Надюшка.

В маленькой, закопченной паровозным дымом комнатке блокпоста, куда принес Никаноров Надюшку, ее уложили на лавку, напоили, перевязали ногу. Сразу же позвонили на станцию. Поезда были задержаны, отряд железнодорожников и красноармейцев отправился прочесать лес.

Надюшка лежала на заботливо подостланной кем-то тужурке. Над головой ее висел плакат с большими, четкими буквами: «Транспорт — родной брат Красной армии».

Она дремала, слыша сквозь сон, как выйдут и входят люди, разговаривают, кричат по телефону: «Сортировочная!.. Депо!.. Эй, Сортировочная!..»

Весь этот шум прорезывался далекими гудками маневрирующих паровозов.

Вдруг дверь распахнулась, и девочка услышала встревоженный голос матери:

— Девчонка моя тут?

— Тут я! — закричала Надюшка, вскочив с лавки, но тут же, ахнув, подогнула больную ногу.

Мать присела на лавку и прижала к себе Надюшку.

— Я уж думала — ты под поезд попала! А ты во у меня какая...

Надюшка уткнулась носом в широкую материнскую кофту, в то место, где из кармана торчали свернутые трубкой цветные флажки, и смущенно пробормотала:

— Маманя! А я ведь камфарного масла не принесла. Там немцы были...

И, вздохнув, добавила:

— И баранки тоже потеряла.





## ПОДВОДНАЯ АТАКА

Рассказ Героя Советского Союза капитана 3-го ранга  
А. М. КОНЬЕВА

Суровое дыхание осени уже сковывало море. С каждым днем пленка, затягивавшая гавани и бухты, становилась толще. Только вдали от берегов рушились, сталкиваясь, тяжелые волны.

Наша подводная лодка получила приказ командования обследовать судоходный район Балтики и прекратить движение вражеских транспортов.

Мы шли под водой в районе маяка Б... Море здесь бурно и неприветливо.

Медленно поворачивая окуляр перископа, наблюдатель до боли в глазах всматривался в горизонт, но, кроме белых пятен льда и пены, на волнах ничего не мог заметить.

Вдруг в зеркале окуляра, разграфленного пунктиром (для штурманских расчетов), возникли узкие струйки, похожие на растекающуюся ртуть.

— Дым на горизонте! — закричал наблюдатель, и по отсекам побежало, передаваясь из уст в уста, долгожданное:

— Дым на горизонте!

Все мы не спали уже несколько ночей, ожидая встречи с противником. И вот сейчас, при скверной видимости, при большом сопротивлении волн, нам предстояла эта встреча.

Я быстро подошел к перископу.

— Не дым, а дымы на горизонте. Там несколько кораблей!

Немедленно я приказал итти на сближение.

Через несколько минут мы вышли на боевую дистанцию. Уже ясно был виден корпус головного корабля. В кильватер ему шли еще четыре, а несколько поодаль следовал и еще один — шестой.

Первый корабль — мелкосидящий и хорошо вооруженный — представлял плохую цель для торпедирования в штормовую погоду. Волна может приподнять его корпус на гребне, и тогда торпеда пройдет под килем

За мелкосидящим кораблем шли три до отказа нагруженных транспорта, потом небольшой сторожевик и, наконец, шестой...

Трудно было оторваться от окуляра, который начал затуманиваться от моего дыхания. Я внимательно изучал контуры всех кораблей, чтобы выбрать наиболее серьезного противника.

Шестой корабль был крупным, хорошо вооруженным судном. Несомненно, на борту его и в трюмах находился солидный груз.

Если потопить сторожевик, то этот корабль попытается таранить нашу лодку, а потом он и сам сможет довести караваны к месту назначения. Топить небольшие транспортные суда, — тогда в бой с нами вступят и сторожевик, и большое судно.

Я принял решение.

— Надо топить шестой, — сказал я своему помощнику Тархнишвили.

— Точно, — радостно сказал он.

— Боевую тревогу!

Мгновенно в отсеках задребезжали звонки.

Переборки задраены. Команда стоит на своих местах, и мы выходим на боевую позицию в нескольких кабельтовых от судна.

На секунду, не более, поднимаю перископ. Лишняя секунда под перископом может оказаться роковой: враг заметит лодку, и тогда...

Но этой секунды достаточно, чтобы определить хотя бы примерно размеры обреченного корабля. Его водоизмещение не меньше восьми тысяч тонн.

Дистанция хороша.

— Разворот на носовые аппараты!

— Есть!

Еще на какую-то долю секунды подымается перископ. Залп должен быть точным, несмотря на сильную волну. Перископ убран.





*Корабль стал медленно погружаться.*

— Залп!..

Отдав команду, я машинально взглядываю на судовые часы.

Толчок! Это из аппарата выскочила торпеда. Лодка от толчка зарывается носом. Силой волны ее выбрасывает на поверхность, рубка на мгновение показывается над водой; торпеда, чертя пенный след, скользит к цели.

Дальше я могу только предполагать. Перископ убран.

Торпеда, наверное, уже совсем близко, ее, несомненно, заметили, но поздно. Судно не успеет увильнуть.

Как медленно идут секунды после выпуска торпеды!.. По всем расчетам, взрыв должен произойти через три секунды. Неужели они успели переменить курс?

Я знаю, что это невозможно, но сомнения не оставляют ни меня, ни торпедистов.

Мы на большой глубине, и давление воды все увеличивается. Приготовлены клинья для заделки пробоин. Мало ли что может произойти, когда нас начнут забрасывать глубинными бомбами.

Прошли три секунды...

— Неужели? Неужели успели изменить?..

Но вот раздается глухой удар, словно кто-то швырнул в борт лодки булыжник.

— Товарищ командир, разрешите доложить: слышен взрыв торпеды.

— Есть! — отвечаю я и опять смотрю на судовые часы: четыре секунды. Ну да, ясно. Одна секунда на прохождение звука.

Хоть на мгновение поднять перископ, чтобы своими глазами увидеть, как погружается, черная рваным бортом воду, вражеский корабль. Но ведь всплыть сейчас — это значит обнаружить себя.

Над нами слышится шум винтов корабля.

Рубка нашей лодки показалась над поверхностью всего на момент. Мы тут же погрузились, но сторожевик успел обнаружить нас и погнался за нами.

Лодка вздрагивает от взрыва глубинной бомбы,

раздавшегося совсем близко. Неприятельский сторожевик начинает прочесывать глубину.

Стремительным маневром поворачиваем на юг, потом на ост, опять на юг, на зюйд!..

Лодка идет зигзагообразным курсом, кружится над водой, она не дает противнику настичь себя.

Бомбы взрываются на различных глубинах. И грохот раздается справа, слева, под лодкой, а временами где-то в стороне, ниже киля.

— Плохо бомбят, — язвит лейтенант Покровский, и белофинны, словно услышав его насмешку, бросают бомбы повышенного действия.

Лодка сотрясается. Лампочки, мигнув красноватым огоньком, гаснут. Включается вспомогательное аварийное освещение.

— Бомба! Еще бомба!

Лодка наклоняется (взрыв произошел совсем близко). С жалобным звоном осколки лопнувшего зеркала рассыпаются по полу.

Моторист рассеянно вытирает лицо грязной ветошью, потом проводит ею по рукоятке управления и снова вытирает пот.

Уходим на глубину. Легкий толчок. Коснулись грунта. Глухо слышится шум винтов кораблей, обыскивающих море. Но нас не так-то легко найти!

— Взрыв глубинной бомбы с правого борта! — поступает донесение из носового отсека.

— Не беспокоить по пустякам, — отзывается Тархнишвили, — докладывайте только о пробоинах!

Я сам обследую лодку. Воды нигде не видно. От сотрясения при взрывах глубинных бомб могли разойтись заклепки. Но нет, все в порядке. Нашу лодку можно повредить только метким прямым попаданием.

Приказываю выключить все шумы.

Теперь лодка лежит в подводной бухте на большой глубине. След ее потерян.

Бомбить наконец перестали.

Шум винтов над лодкой тоже постепенно стихает. Все-таки, потопили мы вражеский корабль или не потопили? Взрыв произошел своевременно, цель была



выверена, не могло быть более удачной цели... Но хочется своими глазами увидеть плавающие в море обломки.

Катера противника больше не дают о себе знать, но всплыть нам нельзя. Даже здесь, на глубине, можно составить некоторое представление о разыгравшемся шторме. Лодку болтает, как пустую жестянку.

Все же решили попробовать. Поднялись.

Когда краснофлотцам ценой невероятных усилий удалось наполовину раскрыть люк, в горловину хлынула вода и захлопнула крышку люка.

Пришлось снова опуститься и лечь на грунт.

Прошло еще несколько часов. Иссякла зарядка аккумуляторов, экипаж действовал в полной темноте. Выделяемая при дыхании углекислота стала ощутительнее. Усилилось сердцебиение.

— Нужно вверх, — решил я.

С двадцатиметровой глубины лодку вышвырнуло на поверхность. Дважды захлопывали волны отдраенный люк, и только в третий раз, поставив лодку наперерез волнам, мы убедились, что люк больше не захлопнется.

Пустынное разъяренное море! Грохот сталкивающихся волн, свист ветра, рваные облака, несущиеся по небу. Двадцать один градус мороза! Кипящие волны, рушась на палубу лодки, застывают.

Экипаж заряжает батареи. Еще неизвестно, что предстоит в ближайшие часы. Но внезапно работа прервана. Волна снова захлопнула люк. Теперь его открыть почти невозможно. Примерз. И чем дольше он будет оставаться закрытым, тем крепче будет примерзать.

Оттепшили его паяльными лампами и вновь открыли.

Стоять на мостике невозможно. Через рубку бьет волна, и одежда превращается в негнбаемый ледяной панцырь, который давит на плечи и на грудь, не давая дышать.



В перископ были видны корабли...

В поисках спокойной воды, проблуждали всю ночь.

Волнение сносило лодку на юг, поэтому мы сильно уклонились от первоначального курса.

Убедиться собственными глазами в том, что мы потопили врага, теперь уже не было никакой возможности. Слишком много миль пройдено от места боя. Каждое воспоминание об этом вызывало досаду. Но нужно было думать о дальнейшем продвижении вперед.

Кругом расстился блинчатый с разводьями лед, переходивший в сплошной.

Я посмотрел на приборы. Что за чертовщина! Лодка двигалась, но стрелки на циферблатах распределительного щита не вздрагивали. Непонятно!

Согнутым пальцем стукнул по стеклу. Стрелки не подвинулись ни на одно деление: они замерзли.

И опять краснофлотцы паяльными лампами отогревали приборы, смазывали соляром, обливали кипятком механизмы орудий и выбивали молотками куски льда из стволов.

Вскоре путь лодке преградил тяжелый сплошной лед.

Я решил идти подо льдом. Лодка, медленно форсирующая лед, представляла собою отличную мишень для самолетов.

Опустились под лед. Шли вслепую, определяя курс по приблизительным расчетам.

Так дошли до минных полей. Дальше под водой двигаться было нельзя. Мины плавали в нескольких сантиметрах от бортов.

Когда же понадобилось всплыть, то оказалось, что над нами прочный потолок льда.

Первая попытка проломить этот потолок не удалась. Вторая также.

Тогда освободили все балластные цистерны. Давление на потолок усилилось. Наверху захрустела, заскрежетала ледовая броня, затем что-то звякнуло, словно разбили огромную театральную люстру, и лодка вышла на поверхность.

Опять долго не могли рас



крыть люк, опять утеплили его и, надавив длинными брусками, распахнули.

Рубка оказалась заваленной льдинами, поднятыми лодкой. Толщина льдин доходила до двадцати сантиметров. Все штурманские приспособления погнуло льдом, а многие сорвало.

Радист Ступин устроил временную антенну из шеста и проволоки. Наверное, первая радиоустановка Попова была совершеннее этого походного сооружения.

Замерзший перископ больше походил на водосточную трубу, чем на оптическое приспособление...

Мы подходили к базе. В морозном воздухе уже слышно было гроыхание цепей на «Полярной звезде». Корабли, стоявшие в порту, приветствовали нас световыми сигналами.

Стоя в рубке, мы старались не смотреть друг на друга; каждый думал только об одном: а вдруг произошел промах! Вдруг наша торпеда прошла под килем судна в то время, как волна приподняла над морем подводную часть корабля!.. Да, да, это вполне возможно. Какими же глазами мы будем смотреть на товарищей! Хуже всего эта неизвестность. Скорей бы прийти. Командование, наверно, уже знает.

В порт входила, вернее вползала, гигантская ледяная ящерица, земноводное, покрытое толстой броней льда.

Вот уже осталось несколько метров до пловучей базы подлодок. Уже видны улыбающиеся лица товарищей.

Брошен трап. Я выхожу на палубу базы и рапортую о прибытии.

— Разрешите спросить, товарищ командир...

— Я знаю, о чем вы хотите спросить, — улыбаясь отвечает командир соединения.

Пауза. Как она долго длится!

— Вы потопили финский корабль водоизмещением в десять тысяч тонн. О его гибели мы получили известие от летчиков, а, кроме того, белофинны по радио передавали об этом своему командованию.

Мы вздохнули. Вздохнули все одновременно. Значит, попали. Ну, да иначе и не могло произойти: все было точно выверено!

В ту зиму мы еще не раз и не два отправлялись в такие походы. Не одна наша торпедная атака запомнилась белофиннам, но обо всем сразу не расскажешь.

*Записал Юрий Инге.*



## В бой пойдём!

Я не выйду вечером  
На зеленый луг.  
Я не буду песнями  
Веселить подруг.  
Спрятался за речкою  
Утомленный день.  
Закачалась по ветру  
Пыльная сирень.  
Облаками белыми  
Небосвод покрыт.  
По дороге слышится  
Перезвон копыт.  
С боевой винтовкою  
Я уйду на фронт,  
В край, где дымом стелется  
Черный горизонт!  
Я не выйду вечером  
На зеленый луг.  
Соберите, юноши,  
Девушек-подруг.  
В бой пойдём  
За светлые  
Пашни и луга,  
Разобьем по косточкам  
Лютого врага.

*Саша Соколовский.*



*Друзья*

Ты хочешь летать.  
Я плавать хочу.  
Но если надо,  
И я полечу.

С тобою мы вместе  
Отправимся в бой.  
С тобою мы вместе  
Вернемся домой.

Но если враги  
Самолет твой сшибут,  
То пушки линкора  
Врагов отобьют.

С тобою мы вместе  
Будем друзья.  
Да здравствует родина  
Твоя и моя!

*Воля Плащинский,  
г. Москва.*





## НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ



*Разведчики-артиллеристы в тылу врага корректируют огонь наших батарей.*



*Сбитый в воздушном бою фашистский бомбардировщик мессершмитт.*



*Захваченная нами немецкая штабная машина.*



*Прямой наводкой — по врагу!*



*В штабе. Допрос пленного немецкого солдата.*





# ЛАПОТНЫЙ МУЦИЙ СЦЕВОЛА

А. БЕЛЯЕВ

*Римлянин Кай из плебейского рода Муциев, прозванный Сцеволой (левой), сжег свою правую руку на огне жертвенника перед этрусским царем Порсеной, которого хотел убить, но был схвачен. Видя такую неустрашимость, Порсена отпустил Кая и снял осаду с Рима.*

*Этот подвиг обессмертил имя Муция Сцеволы.*

*(Из истории древнего Рима.)*

Свечей не зажигали: за окнами Петровского дворца ярко полыхало зарево горящей Москвы. Оно освещало половину лица Наполеона, неподвижно сидевшего возле письменного стола.

Адъютанты не узнавали своего императора. Куда девались его сверхчеловеческое самообладание, его молниеносная решительность? Великий Наполеон, человек без колебаний, казался растерявшимся. Вспышки былой энергии сменялись у него целыми часами апатии или тягостного раздумья. То он требовал от Франции подкреплений, писал Сенату грозные послания, приказывал заготавливать провиант в Варшаве, Смоленске, рассылал своих генералов наблюдать за русской армией и воевать с собственными войсками, разбредавшимися по Москве. То вдруг уходил в себя и погружался в мрачное раздумье. Иногда подолгу смотрел на портрет сына, присланный из Франции накануне Бородинского боя, словно желая узнать судьбу империи и короны.

Поздно вечером в нем вдруг вспыхнула былая энергия. Наполеон вызвал Даву и долго совещался с ним. Адъютанты, стоявшие за дверью, слышали, как он возбужденно говорил Даву:

— Мы много потеряли людей? Ну, что же? Навербуем русских. Они хорошо умеют драться и их много. Я уже отдал приказ о вербовке.

— Да, но русские... — возразил Даву.

— Что-о? — воскликнул Наполеон, не терпевший возражений.

В это время явился один из адъютантов.

— А вот и вы! — И, обратившись к Даву, Наполеон сказал:

— Он нам сейчас расскажет, как идет вербовка русских.

— Ваше величество... — начал смущенно адъютант.

— К делу! Как идет вербовка?

— Москва пуста. Русские бегут из сел и деревень.

— Ловить, расстреливать за отказ!

— Да, но...

— Никаких но! Страхом и обещаниями можно заставить людей делать все!

— Да, государь, но что они делают?..

— Что еще?..

— Наши вербовщики захватили в Москве нескольких крестьян, чтобы заставить сражаться в рядах наших войск... — начал адъютант.

— Ну, и?.. — нетерпеливо перебил Наполеон.

— А чтобы они не бежали, им ставили на руку клейма...

— Подобно тому, как на заводах клеймят лошадей? — улыбнулся Наполеон. — Глупо. И дальше?

— Один из крестьян спросил: что значит это клеймо? Ему ответили, что это знак того, что он теперь наполеоновский солдат. «Как! Я солдат Наполеона?!» воскликнул он, схватил топор, отрубил себе руку и, кинув ее к ногам присутствующих, сказал:

«— Нате вам ваше клеймо!»

Наполеон быстро отступил на шаг назад и даже посмотрел на пол, словно это к его ногам была брошена отрубленная рука, потом, чтобы скрыть свое волнение, круто повернулся, заложил руки назад и стал смотреть через окно на багровое небо.

Наступила зловещая пауза.

Чтобы смягчить впечатление от своего доклада, адъютант насмешливо промолвил:

— Тоже, нашелся лапотный Муций Сцевола!

— Как? — резко воскликнул Наполеон, повернувшись к адъютанту. И начал чеканить слова, как учитель перед бестолковым учеником:

— Этот безвестный мужик в лаптях, конечно, никогда не слышал о Муции Сцеволе. Но в нем тот же дух. И если они все таковы, то это не смешно... («а страшно», хотел сказать Наполеон, но удержался.)

— Вы свободны! — почти крикнул он адъютанту.

Вербовка русских была прекращена, а с «лапотными Муциями» Наполеону еще пришлось встретиться, и они победили его.



## Откуда взялось слово „паника“

Древние греки верили, что во мраке дремучих лесов их родины когда-то жил таинственный и грозный бог получеловек-полуживотное, великий Пан. Он не был злым, говорили греки, но стоило человеку внезапно увидеть козлоногого, косматого владыку лесных чащ, услышать его гулкий голос или звук семиствольной свирели, как им овладевал неодолимый страх. Человек превращался в неразумное животное и своим бессмысленным слепым ужасом заражал других людей. Целые отряды храбрых воинов, напуганные Паном, становились похожими на стадо овец. Никто не слушался старших; забывая об осторожности, они кидались врассыпную и погибали. «Их посетил Пан! — говорили греки. — Ими овладела паника, слепой, неразумный страх, свойственный стадам животных».

Никто не верит теперь в сказочного лешего старых преданий. Но слово «паника» осталось жить,

потому что живет еще способность людей предаваться порой заразительному животному страху.

Поступками человека управляет его разум, рассудок. Когда много людей собираются вместе для общего дела, они образуют коллектив, общество. И обществом руководит могучая сила, коллективный разум.

Но бывает, что собрание людей в силу тех или иных причин превращается в «толпу». Это случается тогда, когда каждый из людей этого коллектива перестает следить за собой, перестает владеть своими чувствами, контролировать свои поступки разумом.

В толпу как бы вселяется дух древнегреческого получеловека-полуживотного Пана, ею овладевает паника. Нет ничего более унижительного для человека, как подчинение этому животному паническому духу. А для общества нет ничего более страшного.

## „У страха глаза велики“

„У страха глаза велики», говорит старая пословица. Да и глаза, и уши. Это можно показать на примерах.

В погожий осенний день 1870 года, вскоре после начала франко-прусской войны, в Париже началась невероятная паника. Сотни и тысячи людей рассказывали друг другу, что только вот сейчас они читали наклеенное на Вандомской колонне объявление штаба французских армий, гласившее, что немцы одержали решительную победу в Лотарингии, что французы бегут, что Парижу грозит немедленная гибель. Это объявление своими глазами видел Пьер, Жан, Жозеф, Мари... Испуганные парижане бросились по домам упаковывать чемоданы. Лавки с грохотом закрывались. На вокзалы ринулись толпы отъезжающих... Вся жизнь многомиллионного города расстроилась. А день или два спустя полиции удалось установить, что во всем этом взрыве паники не было ни зерна смысла. Ни на Вандомской колонне, ни в других местах никакого объявления о поражении никто не вывешивал и никто его не видел. Сколько свидетелей ни допрашивали, неизменно выяснялось, что видели они эту прокламацию не сами. О ней им сказал Пьер, а Пьер узнал от Аннет, а Аннет сообщила мадам Жиро.

Так и осталось неясным, кто же пустил по столице Франции этот зловерный слух. Но так или

иначе он помог врагам, немцам. Сведения о нем дошли до армии, произвели там замешательство, ослабили волю к победе. И причиной всего этого была паника.

В 1914—1917 годах русские установили много минных заграждений в южной части Балтийского моря, между Германией и Швецией. Несколько немецких судов подорвались на них.

Немцам показалось маловероятным, чтобы слабый русский флот мог так далеко посылать свои заградители. Значит, не мины, а подводные лодки взрывают суда, решили они. Тотчас началась «подводная паника». Немецкие корабли стали ходить под охраной мощных конвоев. Подвоз руды, продовольствия затруднился. Стоило вахтенному заметить в волнах спину дельфина или осклизлый обрубок дерева, — раздавался панический вопль: «Unterseeboot» (подлодка), и в море летели десятки снарядов, выбрасывались сотни тысяч рублей, тратились драгоценные материалы. Русские же подводные лодки и не подозревали обо всем этом. Занятые совсем другими делами в совершенно других частях Балтики, они вовсе не показывались там, где вел по ним канонаду противник. Союзником русских и, значит, врагом немцев оказалась бессмысленная и непростительная паника германских моряков.

## О чем нельзя забывать

Трудно сказать, чем можно объяснить большинство поражений, известных из истории: военным искусством победителей или отсутствием выдержки и неумением владеть собою побежденных. И то и другое часто приводит к панике, а затем и к гибели, когда весы военной удачи еще колеблются.

Можно привести немало примеров сражений, исход которых решила внезапная паника. Уже потом, спустя некоторое время после окончания войны или битвы, многим становилось ясно: поражение вовсе не было неизбежным, оно явилось результатом паники. Лучшим доказательством этого служит то, что часто в одинаковых условиях одна воинская часть бежит, другая же стойко держится и наносит врагу поражения.

Так, закованные в бронзу легионеры Рима, перед которыми дрожала Европа, в ужасе разбежались при виде слонов Ганнибала, а голые нумидийцы

Африки, спокойно расступаясь перед знакомыми животными, подрезали им сухожилия и одерживали победу.

Часто панику рождает неожиданность, и она подобно пламени перекидывается по рядам бойцов. Именно такое чувство охватило немецких солдат, когда утром 8 августа 1918 года перед ними внезапно появились высоко поднятые носы английских танков. Они слышали про танки, но еще их не видели. Их обуяла паника.

Если бы командующий английским флотом Джон Джеликко панически не боялся немецких подводных лодок, бой у Скагеррака кончился бы не «вничью», а полной победой англичан, потому что ни одной подводной лодки в этот день у немцев здесь не было.

Нет надобности перечислять все случаи таких вызванных паникой поражений, — их немало знает история.

Б  
О  
Р  
И  
С  
Ь  
С  
П  
А  
Н  
И  
К  
О  
Й  
!



**Б**  
**О**  
**Р**  
**И**  
**С**  
**Ь**  
**С**  
**П**  
**А**  
**Н**  
**И**  
**К**  
**О**  
**Й**  
**!**

## На фронте и в тылу

Не следует думать, что паника — чисто военное явление, что она бывает только на фронте, в минуты смертельной опасности. Нет, в тылу, среди гражданского населения, почвы для паники куда больше. Это и понятно: среди гражданского населения часто нет той дисциплины, которая существует у бойцов на фронте. Так было раньше, когда фронт и тыл находились далеко друг от друга; так может быть и нередко бывает сейчас, когда почти не существует границы между фронтом и тылом.

Но ведь паника заразна, вредна для победы! Рожденная в стороне от военных действий, она не только вредит тылу, обязанному помогать армии, но подобно заразной болезни может проникнуть на фронт, и тогда последствия ее окажутся совсем губительными.

Именно так, из-за возникшей во время наступления немецких фашистов на северную Францию летом 1940 года паники, все дороги, ведущие на юг, были запружены многомиллионными толпами беженцев. Всюду создались страшные пробки, армия

не могла не только маневрировать, но даже и просто отступить в порядке.

Англичане же не испугались воздушных налетов немцев, бомбардировок, угрозы вторжения. Они не впади в панику. Население английских городов спокойно отражало удары. Английский тыл, современный боевой тыл, не подался ни слухам, ни прямому страху.

Такой же пример организованности и дисциплины показали и наши москвичи, и граждане других городов Советского Союза.

Ясно теперь: посеять панику в стане врага часто равносильно выигрышу сражения, а то и всей войны. Поэтому-то немецкие фашисты, очень часто бессильные в открытом бою, используют все способы, чтобы запугать противника на фронте неожиданными наскоками, в тылу — дикими, нелепыми слухами. Значит, защищаясь броней от вражеских пуль, уничтожая врагов на фронте, нужно укрыть себя другой броней, которая предохранит нас от губительных последствий паники, надо в тылу и на фронте уничтожить паникеров.

## Страхотушители

Каждый советский человек может и должен бороться с трусами, с людьми, сеющими панику. Даже один человек может, как ведро воды, потушить пламя в самом начале.

В одном из сражений Александр Васильевич Суворов заметил, как солдаты его дрогнули, стали отступать все быстрее и быстрее. Отступление переходило в бегство. Командиры растерялись. Паника уже охватила всех.

Тогда Суворов, подскочив к отступавшей части, прыгнул с лошади и, к общему изумлению, побежал в тыл впереди всех.

— Хорошо, помилуй бог! — покрикивал он на бегу. — Молодцы! Богатыри! Шибче, шибче! Заманивай их, заманивай!..

Затем, добежав до намеченного рубежа, он вдруг остановился, повернулся к солдатам и крикнул:

— Ну, а теперь — за мной! — и бросился назад на врага. Готовые разбежаться солдаты ринулись вслед за ним, и противник был разбит.

Суворов был гениальным полководцем. Но можно привести один из многих случаев, когда панику прекратил совсем незаметный ротмистр, старый кавалерист, маленький человечек с длиннейшими, как у таракана, усами.

Наша часть отступала по шоссе, и мне, двадцати-

летнему юнцу, пришлось впервые сопровождать отступающий обоз. Дорога была на десятки километров запружена повозками, шедшими в четыре ряда. От поля ее отделяли глубокие канавы. Сзади нажимал враг. Слышалась стрельба. Настроение обозников было очень тревожное. А тут еще внезапно над шоссе появился один вражеский самолет, потом второй. Загрохотали пулеметы сверху. Началась паника: кони вставали на дыбы, телеги падали в канавы.

Меня, еще совсем неопытного вояку, тоже начал охватывать страх, хотелось бросить все и бежать. В эту самую минуту кто-то очень спокойно окликнул меня по фамилии. Я обернулся. По полю, за канавой неторопливо ехал на огромном гнедом коне маленький ротмистр. В одной руке он держал повод, на другой висела корзинка.

— Эй! Жарко очень! — благодушно кричал он сквозь трескотню выстрелов. — Воды ищут, а ее нет! Хочешь яблок?

И он ловко метнул мне через канаву огромное румяное яблоко. Заметив ротмистра, окружающие меня обозники тоже уже кричали:

— Лови! Эх, ты!..

Острый миг прошел. Самолеты развернулись и ушли. В них стали стрелять вдогонку.

## Борись с паникой!

Никогда не верь никаким «страшным слухам». Верь в опасность только тогда, когда сам ее увидишь, или тебе о ней спокойно скажет сведущий человек.

Помни, что никакой опасности не избежишь глупой спешкой. Чем опаснее, тем обдуманней надо поступать. Никогда не кидайся от опасности «сломя голову» «куда глаза глядят». Это «лучший» способ погибнуть.

Знай, что из ста случаев, когда кричат: «спасайся!», настоящая опасность грозит только в двух или трех. Все остальное — паника.

Всегда подчиняйся дружному дисциплинированному коллективу. Поддавшихся панике старайся

повести за собой, подчинить себе. Для этого нужно лишь присутствие духа и хладнокровие.

Всегда и везде, каждый день и каждый час следи за своими собственными поступками. Вдумывайся, почему ты поступил так, а не иначе.

Старайся вокруг себя организовать еще несколько человек борцов с паникой. Усилия двух-трех из них могут оказаться достаточными, чтобы в нужный миг обуздать тысячную толпу и предотвратить катастрофу.

Борись с трусами и людьми, злобно сеющими панику. Помни: они помогают врагу. Разоблачай их и предавай в руки властей.

Всем этим ты поможешь нашей родине быстрее и успешней одержать победу над врагом.



## Хороший боксер — хороший боец

Бокс — безусловно один из самых замечательных видов спорта.

Занятия боксом укрепляют мышцы, закаляют волю.

Боксеры всегда умеют постоять за себя, знают, как надо обороняться. Они могут быстро принять решение и тут же его выполнить.

Хороший боксер всегда хороший боец.

В древней Элладе на олимпийских играх кулачный бой был одним из основных видов соревнований наряду с бегом, борьбой и метанием.

Кулачные бойцы надевали во время боя и упражнений перчатки из мягких ремней, а головы защищали маской. Для упражнений в быстрых ударах служил снаряд, называвшийся «кирикосом» — мешок из шкуры, наполненный финиковыми косточками. Он, также как груша в наше время, подвешивался на высоте головы.

Тренирующимся бойцам советовали для упражнений рыть землю и работать с мотыгой. Мотыга была эмблемой кулачных бойцов.

Кулаки обматывали длинными тонкими ремнями из бычьей сыромятной или пропитанной маслом кожи. Это делалось, как и при современном боксе, для защиты рук от повреждений. Ремни эти назывались «мейликой».

В начале четвертого столетия до нашей эры кожаные бинты «мейлика» были вытеснены перчатками — «сфайрой». Они были грозным оружием, так как суставы рук окружались крепкими кожаными кольцами, сделанными из трех полос грубой кожи, оплетенных тонкими ремешками. Наконец, в начале второго столетия до нашей эры появляются тяжелые перчатки со свинцом и железом — «цесты». Это было чисто римское изобретение, превратившее спортивное искусство бокса в один из способов убийства.

Бойцы в древней Греции не прикрывали своего корпуса, они наносили друг другу удары главным образом по голове.

Эта особенность резко отличает стойку античного бойца от современного. Удары по корпусу или не были известны, или запрещались. Их наносили только неискусные бойцы.

Обхваты, толчки, борьба, удары открытой рукой, удары ниже поясной линии и нападение на лежащего противника были запрещены. Бились без перерыва до тех пор, пока один из бойцов не поднимал руку, признавая свое поражение. Поэтому бои были очень продолжительными. Они растягивались часто на полдня и даже на целый день. Противника нужно было изнурить, не

получив самому больших повреждений. Место боя было очень обширно, никаких ограждений не было.

Разделения по весу тоже не было. Легковесу часто приходилось биться с тяжеловесом. Это заставляло его особенно упорно работать над техникой. Таким искусным бойцом был, например, молодой грек Гиппомах. Он в Олимпии в кулачном бою победил трех противников подряд, не получив ни одного удара, а Меланком мог, не уставая, сражаться два дня подряд. Меланком был единственным кулачным бойцом, не имевшим на своем лице обезображивающих следов полученных ударов.

\* \* \*

Мы ничего не знаем о кулачном бое, как о спорте, в средние века.

Бокс появился в Англии в начале семнадцатого века.

Джемс Фигг был первым известным боксером Англии. Он был преподавателем спорта, организатором призовых рингов.

Искусство английского кулачного боя в этот период было примитивно. Бойцы были малоподвижны, и все сводилось к тому, чтобы наносить сильные удары. Кто был сильнее и терпеливее, легче сносил удары, тот и оставался победителем и пользовался наибольшим успехом.

Вначале в боксе не существовало никаких ограничений и разрешалось применять в бою любые методы. Во время схваток пользовались подножками, приемами обычной борьбы, удары наносились и ногой и локтем. Однако бокс стал быстро совершенствоваться. Основатель современного направления в искусстве бокса Джемс Браутон, прямой наследник Фигга, был искуснее своего учителя. Он сделался первым чемпионом Англии по боксу.

Хотя Браутон и усовершенствовал технику защиты и контрударов, но все-таки это еще не был настоящий бокс. Браутон написал первые правила, которые были проверены и утверждены авторитетными спортсменами. Однако бой велся все-таки на голых кулаках, что делало его жестоким и грубым, негодным для широкого распространения.

Чемпион Англии 1792 года Даниэль Мендора считался первым после Браутона. Не было такого города в Англии, где бы он не выступал. Он имел тридцать два боя против первоклассных боксеров, а биться голыми руками было не легко.



Боевая стойка; левая рука немного вытянута вперед, кулак правой руки находится между подбородком и линией пояса, голова немного опущена.



Во времена Джексона боксом интересовались культурнейшие люди Англии: поэты, писатели, художники и ученые. Имя Джексона упоминается в произведениях и биографиях Байрона, Конан-Дойля и др. На картинах известных живописцев и в работах английских скульпторов конца XVIII и начала XIX столетий имеются изображения его. Ему приписывается изобретение прямого удара — основы старой английской школы. Он пытался широко ввести перчатки, чтобы уничтожить жестокий характер боя, однако они не были приняты боксерами того времени.

Только с 1866 года введены современные правила бокса: стали, наконец, обязательными перчатки, установлены весовые категории. Бокс начал больше походить на искусство, утратил свой исключительно грубый и жестокий характер и сделался доступным для всех.

Первым чемпионом мира современного бокса был американец Джон Суллеван, сохранявший это звание целых десять лет.

Медлительный в движениях, но обладавший страшной силой удара, Суллеван уступил свое место Джемсу Корбетту, победившему быстротой работы ног и техникой. Корбетт первый ввел упражнения с пенчинг-болом и скакалкой и применил дыхательную гимнастику. Первенство у Корбетта отнял удивительный боксер Боб Фицсимонс в 1897 году.

Имея всего семьдесят пять килограммов весу, Фицсимонс стал абсолютным чемпионом мира в возрасте тридцати шести лет. Сорока семи лет Фицсимонс бился в продолжение двенадцати раундов с чемпионом Австралии Биллем Лангом. Фицсимонс обладал своеобразной фигурой: он имел ноги легковеса, торс средневеса и руки тяжеловеса. Он обладал убийственно сильным ударом при великолепной технике и выносливости.

\* \* \*

В старой, дореволюционной России спорт был развит мало. Широкие массы спортом не занимались, и бокс не имел распространения. Несколько любителей этого вида спорта занимались им в Петербурге, Москве и Киеве. Только после Октябрьской социалистической революции бокс получил широкое развитие среди нашей молодежи.

Из чего же складывается искусство современного бокса?

Основными ударами бокса являются: прямой удар — хук, или крюк, апперкот и свинг (последний применяется довольно редко).

Из комбинаций этих ударов и парадов (защиты) и складывается техническая сторона боя.

Быстрый темп боя требует от боксера большой ловкости.

Овладеть техникой бокса и пользоваться ею в бою может только физически подготовленный боксер, вполне владеющий своим телом.

В раздел техники бокса входят: боевая стойка (боковая, с немного вытянутой вперед левой рукой), передвижение, удары и защита.

Ударное место на кулаке — это плоскость, образуемая сжатыми в кулак пальцами (большие фаланги).

Положение кулака при ударе следующее:

Четыре пальца зажимаются в ладонь, и большой палец накладывается сверху между средним и указательным пальцем.

Кулак держат прямо по отношению к предплечью, не сгибая в запястье во избежание подвывиха и растяжения связок.

Тренировка включает в себя ходьбу, бег и

упражнения на снарядах для выработки силы и быстроты удара (мешок, груша, пенчинг-бол, скакалка для развития легкости и подвижности ног). Тяжелый мяч (медицин-бол) применяется как снаряд отягощения при бросковых движениях, в которых привлекаются к участию все мышцы тела (развитие мускулатуры, развитие гибкости и т. д.). Гимнастику проводят в конце урока как заключительное упражнение, и она состоит из вольных движений, выполняемых стоя, сидя и лежа.

Байрон был учеником Джексона, и в его дневнике мы читаем: «Этим утром я делал для упражнения спарринг (легкий бой) с Джексоном и думаю продолжить и возобновить мое знакомство с боксерскими перчатками. Моя грудь, руки и дыхание в очень хорошем состоянии, и у меня нет лишнего мяса. Что касается состояния моего духа, то оно превосходно».

Можно ли, прочитав эти написанные Байроном слова, не начать заниматься боксом?

\* \* \*

Немало людей совершенно неправильно представляют себе бокс, считают его весьма опасным занятием.

Особенно пугает их нокаут, то есть удар, иногда вызывающий кратковременную потерю сознания. Это явление сравнительно очень редкое, и бояться его не следует. В любительском боксе, в отличие от профессионального, цель заключается не в победе над своим противником путем нокаута, а в выигрыше по очкам.

Нужно также помнить, что занятия боксом обычно ведутся под руководством опытных тренеров, утвержденных Комитетом по делам физкультуры и спорта.

Новички изучают приемы в строгой последовательности. Преподаватель никогда не допустит тренировочного боя двух учеников, если их силы и опыт не одинаковы.

Не нужно также забывать, что боксеры разделены на восемь весовых категорий и на ринге встречаются бойцы только одной и той же весовой категории.

Соревнования проводятся на ринге. Ринг строго квадратной формы, размер каждой стороны квадрата от пяти до шести метров; его огораживают канаты, туго натянутые между четырьмя угловыми столбами. По всему полу ринга расстилают войлок не тоньше полутора сантиметров. Войлок покрывают брезентом.

Соревнованиями руководит судейская коллегия, хорошо сведущая в вопросах бокса.

Бокс помогает готовить стойких, упорных, сильных и смелых бойцов Красной армии и флота. Парашютисту, летчику, танкисту так же необходимо хорошо владеть собой, как и боксеру. Наши бойцы должны уметь молниеносно принимать решения и выполнять их. Они должны быть смелыми, решительными, у них в совершенстве должна быть развита воля к победе, то есть все те качества, которые так хорошо развиваются у боксера.

Мы знаем, как пригодилось снайперу Медведеву, участвовавшему в боях у озера Хасан, знание бокса. Медведев был ранен в тот момент, когда у него вышли последние патроны. Истекая кровью, он все же сумел бросить пять гранат в ряды врагов и пробраться к озеру. Тут на него бросился враг с палашом. Но Медведев был боксером и, подождав, когда тот приблизится, нанес ему страшный удар кулаком, свалил его и пополз к озеру, где перевязал рану и поплыл.

В тех же боях разведчик Борисенко, выполнив с пятью товарищами боевое задание, наткнулся





*Прямой (левый). Вес тела переносится на левую ногу.*



*Хук, или крюк (левый). Удар наносится с шагом вперед левой ногой с переносом веса тела на эту ногу. Бьющая рука несколько согнута в локте. Удар идет от плеча.*



*Апперкот (правый). Наносится согнутой рукой снизу вверх. Вес тела переносится на левую ногу, при одновременном вращении корпуса в тазобедренном суставе (опорной) ноги.*



*Крюк (левый) в корпус, „шиф-пойнт“, знаменитый удар Фицци и Монса. Удар наносится с сильным поворотом корпуса вправо (ноги не только согнуты в коленях).*



на окоп с шестьюдесятью противниками. Желая захватить одного из них в плен, чтобы получить необходимые сведения, Борисенко спустился вниз и оглушил врага ударом приклада. Но тут загрел выстрел. Враги обнаружили разведку, набросились на храброго разведчика и вырвали у него ружье. Тогда он применил свои боксерские навыки и, расчистив себе путь ударами кулаков, одним прыжком выскочил из окопа и присоединился к своим товарищам.

Подвиги наших боксеров в боях с белофиннами и на фронтах Великой Отечественной войны против немецких фашистов еще убедительнее доказали, что бокс воспитывает не только смелых,

решительных и сильных волей к победе. людей, но и преданных социалистической родине граждан, готовых защищать ее до последней капли крови.

Таким примером может служить неоднократный чемпион нашей страны в легком весе Николай Штей, недавно награжденный орденом Красной Звезды.

Укрепляйте же свой организм, вырабатывайте в себе смелость, решительность, волю к победе. Занимайтесь боксом, и тогда вы лучше сумеете помочь нашей родине сокрушить врага.

*Г. Мейер.*

## СПАСИБО, ТОВАРИЩИ ШОФЕРЫ!

*А. ГИТОВИЧ*

Минуя рощи и равнины,  
Через поля, наискосок  
Идут трехтонные машины  
В пыли проселочных дорог.

Ночная тьма полна тревоги,  
Враг по тылам огонь ведет,  
И непрерывно по дороге  
Долбит немецкий миномет.

И бой жестокий быть грозит...  
Но рвутся к славе боевой,  
В район передовых позиций  
Одна машина за другой.

Их славный путь лежит  
на запад,  
Где над равниной бой шумит.  
И пусть пикирует внезапно  
Ночной разбойник  
мессершмитт.

И пусть в дыму ночных  
просторов  
Разрывы бомб гремят во мгле, —  
Рука советского шофера  
Лежит спокойно на руле.

Гудят моторы ровным басом,  
И точно — в срок,  
И точно — в срок  
Придут к бойцам боеприпасы  
Сквозь пыль проселочных  
дорог.

И враг не в силах дать отпора,  
Когда ему «гостинцы» шлют.  
Спасибо вам, друзья шоферы,  
За честный и геройский труд!

*Действующая армия.*



# О КРЫСЕ ГОЛОДНОЙ И СИЛЕ НАРОДНОЙ

Рисунки Н. Муратова

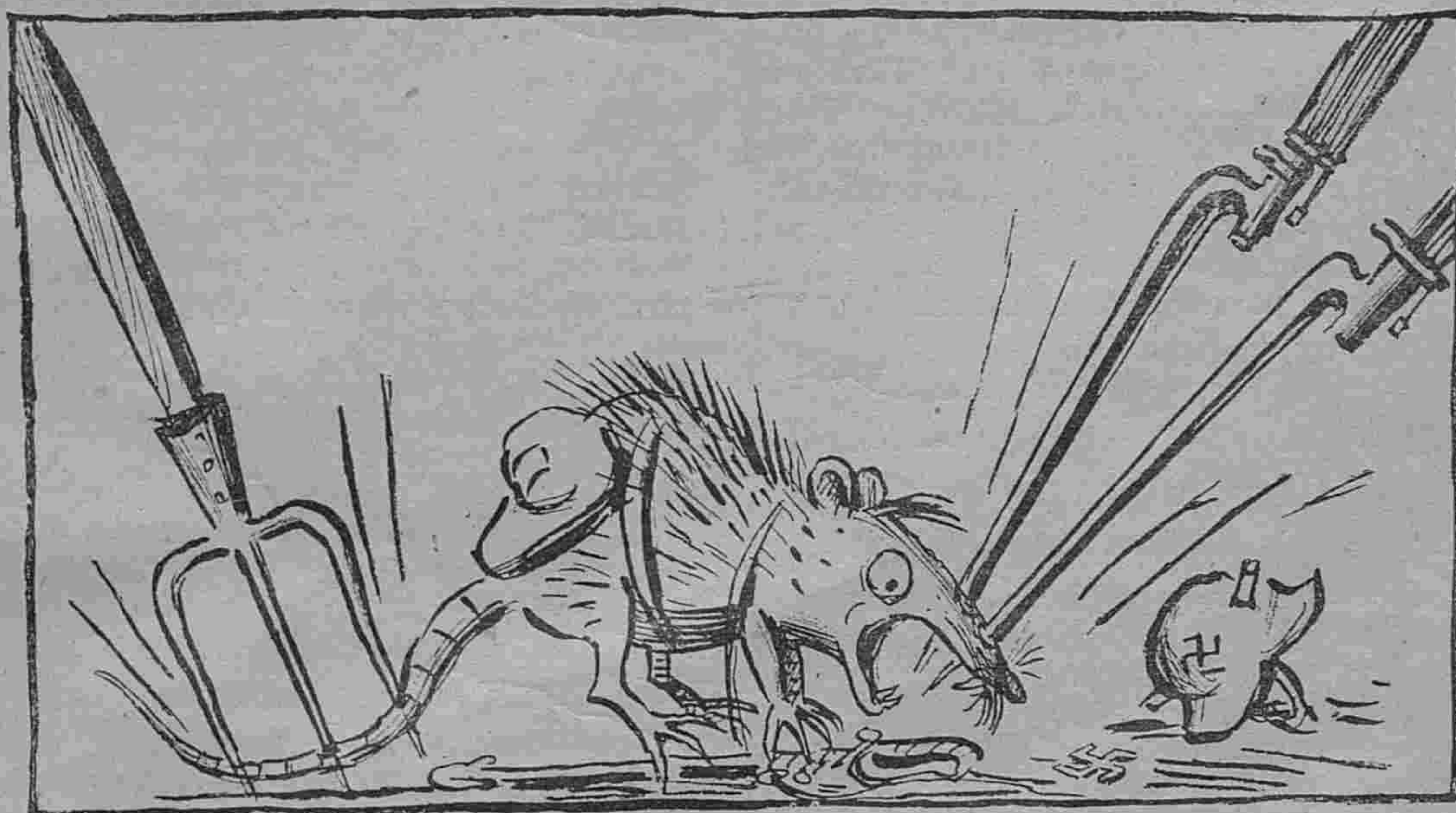
Текст Б. Тимофеева



СМОТРИТ КРЫСА НА ЗЕРНО,  
ОЧЕНЬ НРАВИТСЯ ОНО.



УХВАТИТЬ ХОТЕЛА КОЛОС,  
ДА ЖЕСТОКО УКОЛОЛАСЬ.



БЫЛ КОНЕЦ ДЛЯ КРЫСЫ ПРОСТ:  
БИЛИ КРЫСУ В НОС И ХВОСТ.



# Город в плену

РУТ ШТЕРН

*Рут Штерн — польская артистка, певица, бежавшая в 1939 году из насильно захваченной Гитлером Польши к нам, в Советский Союз.*

*Все, что рассказано здесь, Рут или видела своими глазами, или слышала от родных. Сейчас она живет в Ленинграде, учится и думает стать хорошей советской артисткой.*

## ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Отставной учитель истории пан Владислав Отоцкий, из разорившихся шляхтичей, часто заходил к нам до войны. Подтянув на коленях короткие полосатые брюки, он садился на старый, продавленный стул из плетеной соломы, ставил тросточку между ног и, грызя набалдашник, неизменно спрашивал у отца:

— Ну, премудрый Иосиф, что ты скажешь: будет нынче война или нет?

Отец отвечал:

— То не моя печаль, то вам, панам, надо знать, будет она, аль бо нет. Мне она так нужна, как покойнику лялечка.

Пан смеялся и говорил:

— А едва ли германец посмеет итти на нас. Знает, чортов батрак: уж и Польша не та, уж и войска собрано много. Ой, я видел в Варшаве полки. Вот народ! Ну и brave люди!

Отец хмурил левую бровь по привычке держать в глазной впадине лупу и, конаясь пинцетом в часах, возражал:

— Они так не посмеют, как хлопчик не смеет рвать яблоки в панском саду.

Старый шляхтич таращил глаза и кричал:

— Врешь, Иосиф! Посмеют — побьем. Разве мы не били тевтонов? Разве Витольд и Зигмунд бежали от них? А француз-то за нас, англичане за нас! Врешь, Иосиф, — не супутся к нам фашисты.

Отец принимался скрести напильником стрелку, захваченную в пинцет, и ворчал про себя:

— То все правда: англичанину нет на свете дру-

гой заботы, как только думать о нас. А француз — он вояка: он стал к немцу задом и кричит: я готов!

Пан Отоцкий прищурясь смотрел на отца и в раздумье тянул:

— А скажи-ка, Иосиф, как думаешь ты, что такое за штука фашизм?

Отец отвечал:

— А я думаю так: в Палестине была проказа, на Востоке холера с чумой, а у нас в Европе — фашизм. Ну, так это такая зараза: кто жив, тот не умер. Так он завтра умрет.

Пан вставал, и худые колени его при этом трещали, и он говорил:

— А ты хитрый, Иосиф, ты знаешь, что говоришь. Ну-с, пойду покурить, до свиданья. — И он исчезал.

А мы, молодежь, — брат Иосиф, Ирена, Стасик Лещинский и я — хохотали бывало до слез над такими беседами стариков и не чуяли в них ни тревоги за жизнь, ни правды, ни старческой мудрости. Но теперь, когда я через несколько лет вспоминаю об этих беседах, мне вдруг начинает казаться, что пан Отоцкий на своих подагрических ножках и с треском в коленях — это и есть сама ветхая панская Польша, развалившаяся, как мумия, под напором фашистских дивизий. А отец — это польский народ, бедный польский народ, не сознанием, но инстинктом понимавший, где плохо и где хорошо.

## ПЕРВЫЕ БОМБЫ

Стась Лещинский сказал:

— Слушай, Рут, каждый делает сам свою долю. Если б я имел такой слух, такой голос, как ты, я не стал бы и думать о том, ехать ли в Варшаву, или здесь прозябать на эстрадных подмостках.

— А старики? — спросила я.

— А что старики? Старики проживут без тебя, — отвечал Стась.

— А Ира, а ты, а Иосиф?

Он задумался и, коснувшись меня, умиленно про-  
бормотал:

— Ну и что ж? Если мне повезет, я к тебе проберусь и в Варшаву.

Я спросила еще раз:

— Так, значит, советуешь ехать?

Он ответил, сердито отворотясь:

— Разумеется, да, — помолчал и прибавил с насмешкой: — Ну, решила ты, оперная певица?

Я наверное знала, что он не меньше меня самой хочет, чтобы я ответила: «нет», но сказала:

— Да, я поеду. Ведь ты мне советуешь, Стась.



— Ну и что ж, поезжай! Каждый делает сам свою долю.

Это сказано было в аллее на городском бульваре в первый день сентября 1939 года. Возле выхода из аллеи толпились люди, они стояли у репродуктора в глубоком молчании. Он давно перестал говорить, а они всё стояли потупясь, точно ждали чего-то. Ирена схватила меня за рукав.

— Послушайте, что-то случилось.

Вдруг голос по радио захрипел: «Тревога, тревога, тревога». Все бросились врассыпную, а мы побежали домой.

Так началась война. Последняя фраза мирного времени была уже сказана Стасем: «Ну что ж, каждый делает сам свою долю». Уже через час эта фраза утратила всякий смысл. Нашу долю ковали германцы.

Люди сидели на корточках в коридорах и на кухнях нижнего этажа. Свет от грошовой свечи раскачивал по стене огромные тени. Дети плакали, матери старались не плакать. Пани Зборовская, из четвертой квартиры, не зная, как ей утешить кричащую дочь, накрыла ее и себя ковровым платком, как в кибитке. Девочка успокоилась и затихла. Безногий старик-паралитик, лежа на грязном полу, монотонно мычал и быстро махал перед носом здоровой рукой. Ему чудилась муха. Из всех нас, собравшихся здесь, он был самый ненужный, почти неживой человек, но старуха его причитала:

— О боже мой, боже мой! Только бы моего не убили. Куда я пойду без него?

И мы понимали ее.

Каждый раз, когда там, за стеной, слышался низкий рокочущий рев разорвавшейся бомбы, нам казалось, что кровля качнулась и рушится прямо на нас. Толстуха-соседка кричала:

— Держат ли двери? Поставьте к дверям молодых. Пусть они держат крепче.

Это было бессмысленно, глупо, но мы понимали ее.

Вдруг настала мгновенная тишина, точно все мы оглохли, но сейчас же до нас долетел гнусный, воющий голос немецкого самолета. Он стремительно рос, этот звук, становился все ниже, все больше, все ближе к земле. Он заполнил и небо, и воздух, и всю пустоту. Он ревел над самой крышей, пока напряжение звука не лопнуло взрывом, потрясшим весь дом. И сейчас же ворвался к нам запах удушливой гари. Кто-то крикнул, что немцы, наверное, пустили газы. Эта догадка свела нас с ума. Все смешалось, и женщины завизжали. Люди бросились кто куда, а толстуха орала:

— Дайте зеленого мыла, оно помогает от газа!

И все матери повторяли за ней:

— Дайте мыла хоть детям!

В такие мгновения память работает быстро. Я побежала по лестнице на четвертый этаж еще прежде, чем поняла, что мне припомнилась банка из-под зеленого мыла у матери на шкафу.

Мне казалось, что сердце мое рвется где здесь, не

## ФАШИЗМ — ЭТО СМЕРТЬ И РАЗРУШЕНИЕ



*Польские граждане, расстрелянные германскими фашистами. Роющих яму ожидает та же участь.*



*Арестованные немцами поляки на улице одного из городов Силезии.*



*Голодающее население Польши, оккупированной германскими фашистами, в ожидании нищенского пайка хлеба.*



в груди, а тут и вот тут: в плечах, в голове, во всем теле. Это было какое-то страшное и вместе с тем сладкое ощущение. Я нашарила банку и кинулась вниз. Но удержалась, увидев клочок открытого неба в окне сквозь щель занавески.

Вдруг стало пусто и горько и как-то легко. Сделалось ясно, что детство прошло и юность прошла, что все уже кончилось, все пропало. Припомнились и Варшава, и Стась, и я сказала себе: «Ах да, это было тогда, еще до войны». Как будто не восемь часов, и не вечность прошли с той поры, а просто ее навсегда отчеркнули чертой.

Внизу меня ждали и вырвали банку из рук. Но мыла в ней было немного, и что делать с мылом — никто не знал. Матери плакали, дети кричали, а юрист из девятого номера, бледный, как смерть, повторял:

— Мне худо. Я отравился. Я умираю.

Тогда наш сосед, ювелир, вышлепнул мыло в лоханку с холодной водой и, разболтав его пальцем, сказал:

— Давайте сюда носовые платки и тампоны.

Тампоны и жалкие маски из марли многие сшили себе еще до войны. Противогазы в Польше стоили дорого, их покупали только богатые люди. С масками и платками в руках жильцы обступили лохань, и ювелир макал эти тряпки в холодную воду. Счастливицы, уже получившие маски обратно, не отжимая, накладывали их на лицо. Вместе с другими подкрадывалась к лохани и тихая, белобрысая девушка, нянька ребят ювелира. Она тоже, держа тряпицу в руке, хотела, как все, сделать маску от газов. Но старик-ювелир оттолкнул ее локтем и грубо сказал:

— А ты зачем? Ты батрачка, тебе не надо.

Девушка покраснела до слез, съежилась вся, отошла в уголок и заплакала. Я не выдержала и закричала:

— Как вам не стыдно! Дайте ей маску сейчас же. Это мое зеленое мыло.

Ювелир растерянно посмотрел на меня и сказал, пожимая плечами:

— Ну, если ваше, пускай подойдет, мне не жалко.

Когда я вспоминаю теперь все эти дикие сцены: животный, панический страх перед газом, которого вовсе и не было в городе, растерянность, маски, зеленое мыло, — мне и смешно, и противно, и стыдно.

Утро настало. Неясные полосы света пробились сквозь ставни. А люди все так же сидели вдоль стен, серые, мятые, как бумага, с пустыми глазами.

Но грохот разрывов затих, и воющий гул самолетов умолк вдаль. Тогда молодежь рискнула выйти на улицу. Трудно представить себе, как изменился весь город в одну эту ночь. В нашем квартале, где вчера еще была электростанция и вокзал, торчали теперь кирпичные трубы в руинах разбитых домов. Обломки дымилась и тлели. Владельцы разрушенных зданий копались на их пепелище. Они разгребали кирпич и золу, стараясь спасти уцелевшее в погребах и в подвалах добро.

На углу фугасная бомба разворотила большой трехэтажный дом, обнажив неприглядную внутренность комнат, но во втором этаже каким-то таинственным образом уцелела детская спальня. Она повисла над улицей без передней стены, на прогнувшихся балках, как декорация к фантастической пьесе. Над самым провалом стояла кровать, в ней спал ребенок. Он сунул правую ручку себе под подушку и мирно лежал на боку. Он был убит до того, как проснулся, осколком или воздушной струей.

По главной улице уходила войска. Они уходили угрюмо и торопливо. За ними нестройной толпой тащились беженцы из пограничных поветов. Многие были в рубашках, в платках, накинутых прямо на голые плечи, без шапок и без сапог. Все они в панике убежали из дома в том, в чем застала их первая бомба. Мы их спросили:

— Куда ж вы идете?

Они отвечали вразброд:

— Не знаем. Идем до Варшавы...

## ВОЙНА ПРОТИВ ЖЕНЩИН И СТАРИКОВ

Отец говорил: «Сегодня война — завтра голод».

И он оказался прав. На третьи сутки вчера еще полные магазины и лавки вдруг опустели. Ставни, как бельма, покрыли зеркальные окна, а на дверях зачернели замки. У продовольственных лавок и у пекарен толпились голодный люд. Давали по двести граммов на человека. Но многие не успели его получить. Толпы стояли у лавок всю ночь, не расходились и днем. Немецкие самолеты кружились над ними с утра.

Я видела из окна, как на площади у костела женщины, дети и старики с любопытством смотрели на самолет, летавший над самыми крышами низких домов. Описав над площадью круг, он улетел и опять возвратился. Люди в толпе совсем осмелели: они кри-

чали, махали руками, не то грозили, не то приветствовали его. А он летел как-то странно и страшно. Падал как будто бы прямо на них, и вдруг короткий строчащий, отрывистый звук вырвался из-за рева мотора. Летчик пустил пулеметную очередь по толпе и взмыл над домами. Помню, как я закричала, сдавив ладонями уши. Как люди на площади заматались, шарахаясь от упавших. Одни убегали визжа, другие бросались на землю, третьи ползли на карачках. Но хищник уже улетел, и снова рассеянная толпа кинулась к лавке.

Так повторялось не раз. Самолеты с бреющего полета расстреливали толпу. Она разбегалась и вновь становилась у входа. Пользуясь бегством других, те, кто стоял далеко позади, ложились на землю и под



пулями проползали вперед, занимая места поближе к входу. Ценою крови и смерти матери и отцы добывали хлеб для детей.

### „ЧЕЛОВЕК-МЯЧ“

Мы с Иреною грустные шли через площадь без хлеба, которого ждали напрасно с утра. Стась ушел на войну. Нам было тоскливо и одиноко. У костела, на том самом месте, где фашистские самолеты недавно расстреливали толпу, снова сгрудились люди; их печальные лица морщились как от боли. Они отводили глаза, отворачивались от зрелища, за которым следили, но, видимо, не могли от него оторваться. Повинуясь какому-то смутному чувству, и мы подошли посмотреть.

Пять здоровенных штурмовиков играли с измученным человеком в очках, как кошка играет с мышью.

Четыре из них стояли квадратом, а пятый был в центре, и этот последний ударом сзади, в то место, где начинаются шейные позвонки, отбрасывал человека в очках прочь от себя, в один из углов квадрата. Стоявший в этом углу штурмовик встречал кулаками летящего на него человека и бил его по зубам. Тот навзничь откидывался назад, по направлению к центру и вновь отлетал — в другой угол. Удар по зубам — и опять он у центра. Удар по спине — и снова он в третьем углу. Несчастный вертелся, спотыкался и падал, и снова летел, как тряпичная кукла с подогнутыми ногами, из которых высыпалась пробка. Ирена ногтями вцепилась мне в руку, а у меня рот раскрылся без крика. Вырвавшись из толпы, мы бросились прочь, спрашивая друг друга: за что? Кто-то ответил, услышав этот вопрос и не глядя на нас:

— За то, что поляк.

### КОСТЕР ИНКВИЗИЦИИ

Ночью к нам в дверь постучали. Пока я накидывала халат, стук повторился. Я, замирая, спросила:

— Кто там?

Мне коротко отвечали:

— Откройте!

Пальцы не слушались. За спиной у меня, обжигая плечи дыханием, стояли отец и младший брат Юзик. Наконец замок отскочил, и вступивший в комнату человек сердито сказал по-немецки:

— Надо скорей открывать.

Мы в страхе понялись от него. Он оглядел нас при свете свечи, вытянув руку, схватил меня за плечо, обернулся назад и сказал в темноту:

— Годится.

Потом, обращаясь ко мне:

— Одевайтесь быстрее, нам некогда ждать.

Мать, понимавшая по-немецки, заговорила:

— Нет, нет, лучше возьмите меня.

А Юзик кричал:

— Оставьте сестру, я пойду за нее. Вы не имеете права.

Штурмовик рассмеялся.

### ФАШИЗМ — ЭТО СМЕРТЬ И РАЗРУШЕНИЕ



Такиими картинами пестрят города и села Югославии, порабощенной фашистскими захватчиками.



В Румынии сейчас тысячи голодных и нищих.



Гитлеровцы снимают мемориальную доску, установленную в Сараеве (Югославия) как символ национального освобождения сербов.



— Ого, какой петушок. Пустяки. Вы нам не нужны, нам нужна проворная девушка.

Я схватила жакет, а мать только крикнула:

— Рут!

Этот крик и сегодня я слышу с такой же тоской, как тогда. Я плелась, точно скованная, по лестнице вниз.

Штурмовик держал меня за плечо как клещами.

Мы спустились во двор. Там стояло несколько женщин и двое мужчин — под конвоем. Мне стало гораздо спокойнее. Я сказала чужим, неестественным голосом:

— Ну, куда ж мы пойдём?

Мне никто не ответил.

Нас построили и погнали прочь со двора. Юзик видел, что я не одна, что со мною пошли и мужчины. В темноте добрались мы до здания библиотеки.

Дверь открылась, на лестнице было светло. Нашу партию привели в полутемные залы книгохранилищ. Полки, прежде набитые до отказа, были на половину пусты. Груды книг громоздились на пыльном полу. Посреди них сидел за столом какой-то толстяк в коричневой куртке штурмовика. Ему подавали снятые с полок брошюры, журналы, собрания сочинений. Он брезгливо оглядывал их сквозь большие очки и ворчал по-немецки:

— Не стоит и просматривать такую дрянь. Все в огонь!

Увидев нас, только что приведенных, он крикнул:

— Чего вы стоите? Работайте вместе с другими!

Мы стали брать книги из штабелей и носить их по лестнице вниз. В первой же пачке попались мне в руки Красинский, Мицкевич, лорд Байрон и томик Гюго «Осенние листья». Нагруженная доверху, я спускалась по лестнице вниз, а солдаты, стоявшие на

площадке, покрикивали на нас: «Ну, ну, шевелитесь, проклятые свиньи!»

Вместе с другими я втиснулась в узкий проход подвального этажа. Оттуда несло нестерпимым жаром. Мы шли в кочегарку центрального отопления дома. Багровая топка пылала. Полуголые люди с каплями пота на лбу, с почерневшими волосами, с опаленными жаром бровями швыряли в нее том за томом. Книжки топорщились, раскрывались, страницы их наливались, как кровью, огнем и шевелились, ожив от движения воздуха.

Мне было трудно сообразить, что здесь происходит, в этой камере Дантова ада. Я сложила свой штабель на пол. Я видела, как Гюго, Мицкевич и Байрон полетели в огонь. Но я еще не успела осознать этого странного варварства: какой-то седой человек в одних брюках, с жирной голой грудью и круглыми, как у рака, глазами, одурев от жары, прислонился к стене. Он больше не мог работать у топки, он задыхался, его тошнило, его душила астма. Надсмотрщик-фашист с обычной бранью занес над ним толстую плеть. Он рванул по голому телу с оттяжкой, и красный рубец опоясал больного. Я бросилась прочь, спотыкаясь о книги и налетая на встречных.

Там, наверху, в пыли было легче дышать. Перед толстым распорядителем у стола стоял наш учитель истории пан Владислав Отоцкий. Он говорил, убеждая брезгливого толстяка, по-немецки:

— Герр оберс, остановитесь, одумайтесь. Ведь это же цвет нашей польской литературы. Это прекрасные книги. Это лучшие польские переводы английских, французских, немецких поэтов. Не можно бросать их в огонь.

Тот отвечал, подымая широкие брови:

— Да, но все эти книги на польском, а польский язык — собачий язык. Если бы вы их печатали по-немецки, о, тогда бы я их пощадил.

## „НОВЫЙ ПОРЯДОК“

Отец мне сказал:

— Сходи-ка, дочка, до пана Собаньского и получи с него деньги. Задолжал, вражий сын, за починку карманных часов.

Мать закричала из кухни:

— Ой, Рут, только будь осторожней. Опять заберут на работу. Вон Зося Отоцкую взяли вчера и посейчас ее нет. На пани Отоцкую смотреть тяжело.

Я отвечала:

— Не бойся, милая мама, я не пойду мимо них, проберусь стороной.

Достала из шкафа жакет и пошла.

Но мне было не суждено добраться до пана Собаньского. Возле универсального магазина стояла застава штурмовиков. Несколько женщин и человек пятнадцать мужчин, как мухи, уже попались в их сеть.

При виде этого зрелища ноги мои ослабели. Я по-

пыталась свернуть, обойти эту цепь, но мне засвистали и крикнули неизменное: «Хальт!»

Я приблизилась к кучке захваченных женщин точно на деревянных ногах. Штурмовик втолкнул меня в круг, проворчав: «Эта черная прямо как мертвая». Нас погнали за город, ни слова не проронив, куда и зачем.

Путь был длинен и скучен. Мы жались друг к другу и всё не решались заговорить.

Кудрявая девушка, шедшая рядом, сказала мне тихо:

— При первой возможности убегу.

Я удивилась, что мы в одно время подумали об одном, и отвечала:

— Только куда? Ведь так или иначе, а работы не миновать.

Она прошептала:

— Ты знаешь, мой брат совсем убежал. Понимаешь, совсем.



— Не понимаю. Куда?

Она приложила губами к моему уху и сказала чуть слышно:

— В Советский Союз.

Я вздрогнула и оглянулась. Очевидно, движение мое заметил один из конвойных. Он крикнул мне:

— Эй, вы, черномазая и снегурка, шептаться запрещено!

Наконец нас довели до усадьбы богатого фабриканта, где помещалось какое-то их учреждение.

В усадьбе был сад с запущенным прудом. Осенние листья покрыли дорожки, замусорили траву и засыпали пруд. Нам, женщинам, дали мешки и корзинки, мужчинам же — метлы. Нам было приказано подобрать все листья, опавшие на дорожки и на траву. Мы робко спросили: «Где грабли?» Нам отвечали: «К чему? Уберете и так».

Утром шел дождь. Мы согнувшись бродили по саду и подбирали листья руками. Если мы распрямляли усталые спины, надсмотрщики подымали дубинки, они говорили: «Ну, ну, лениться нельзя. Здесь Германия, а не Польша».

Мужчин всех направили к пруду и приказали:

— Все в воду!

А пруд был довольно глубокий. Стоя по грудь и по подбородок в студеной осенней воде, они были обязаны вымести метлами листья и ряску из пруда на берег. Работать руками мужчинам не позволялось. Они бороздили тяжелую грязную воду, а листья тонули, скользили из-под метлы и снова всплывали за ней на поверхность. Метлы, набухшие от воды, с каждой минутой делались тяжелее, а сил становилось все меньше. Тем, кто хотел отдохнуть, орали:

— Ныряй!

И приходилось нырять, потому что фашисты стреляли из револьверов вдоль по воде рикошетом.

В обеденный перерыв, на двадцать минут, мы, женщины, подошли к мужчинам. Они стояли шеренгой на берегу, дрожая с головы до ног, мокрые, как водяные, в раскисших и грязных ботинках. Заметив, что мы подходим, один из фашистов весело заорал:

— Взгляните-ка только на этих послушных ребят: они готовы в огонь и в воду по первому слову.

И он командовал, чтобы нас позабавить:

— Олухи, в воду.

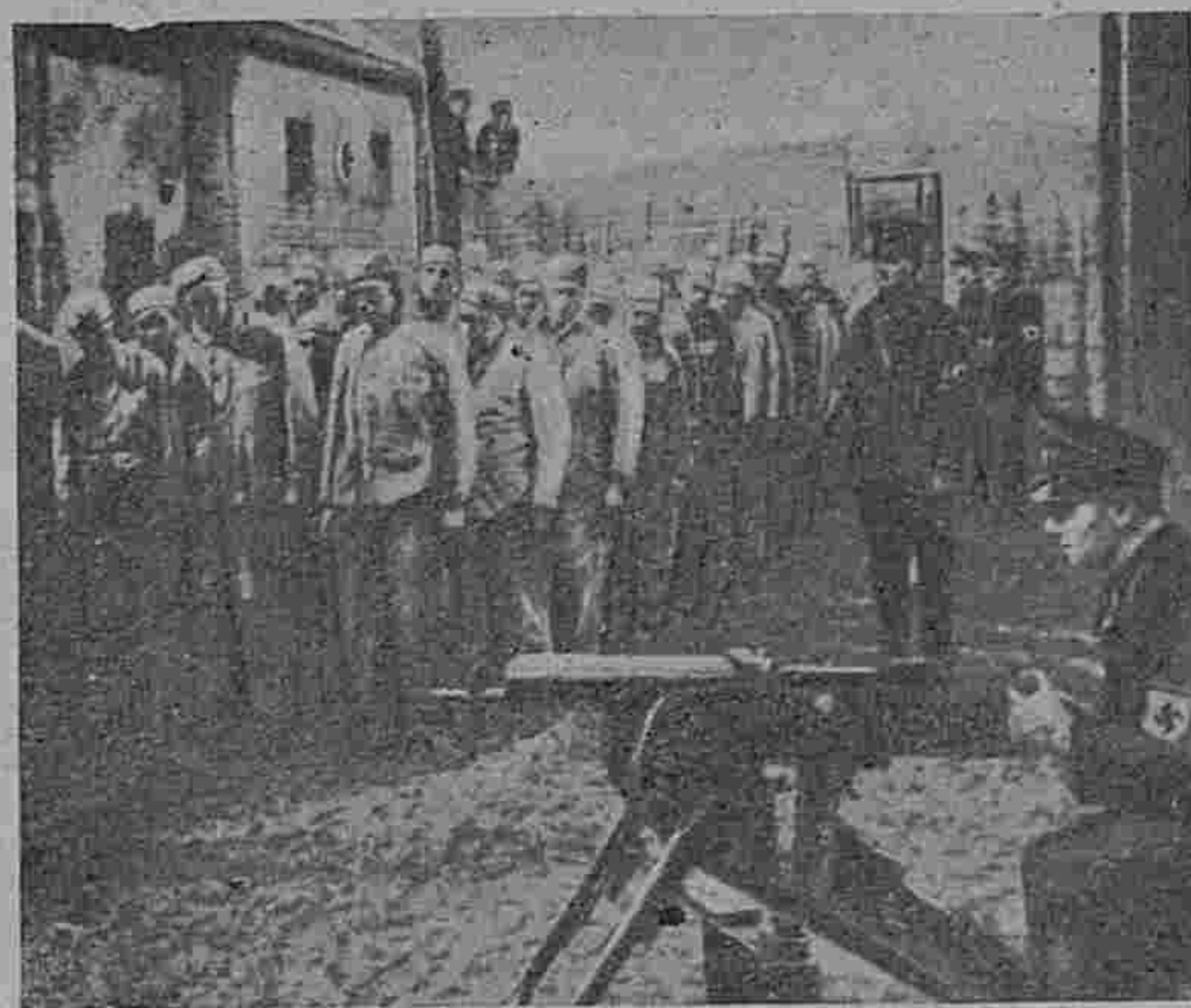
Мужчины все разом прыгнули в пруд под наведенными дулами револьверов.

По возвращении домой половина из нас свалилась от воспаления легких, от гриппа. Кое-кто умер, и многие подхватили чахотку.

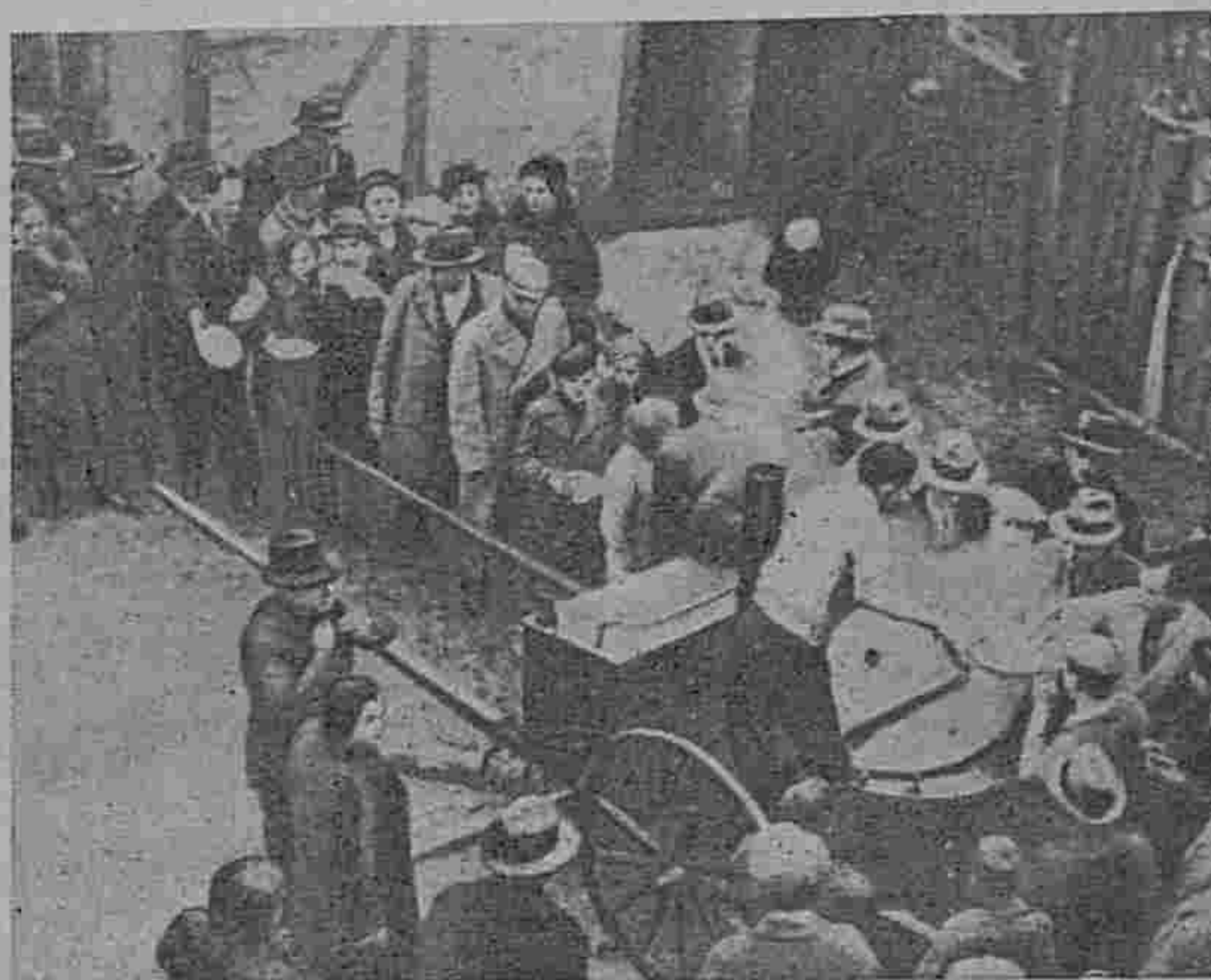
\* \* \*

Больше я не могу вспоминать. Когда-нибудь после я доскажу до конца. Я напишу огромную книгу, я предъявлю колоссальное обвинение германским фашистам, не пропущу ничего, ни одной материнской слезы, ни одной капли крови. Будет время — они нам ответят за все!

Записал В. Успенский.



*Заклученные в концентрационных лагерях фашистской Германии отправляются на работу.*



*Очередь за супом в оккупированной немецкими фашистами Бельгии.*



*Так выглядит одна из улиц поселка в Западной Белоруссии после кратковременного хозяйничанья штлоровских бандитов.*





## К ю - ш и п

С. КРЕНИЦИН

Рисунки В. Тамби

Говорят, что война — это расчет! Здесь все надо предвидеть, все предугадать заранее, никогда не теряться, не попадаться врасплох. План на войне — это все!

И те, кто говорят так, правы.

Но другие отвечают им: «На войне все — случайность! Крейсер «Эмден», например, избежал гибели, скрытый внезапным дождевым шквалом. «Адмирал Шпее» погиб, случайно завернув к Фалькландским островам. Ютландский бой разыгрался 31 мая 1916 года только потому, что разведчики обоих противников заметили в одно и то же время дым маленького грузового суденышка на горизонте... На войне ничего нельзя предвидеть!...»

Правы ли говорящие так?

Да, это тоже верно — случайности на войне неизбежны.

Иногда много раз обдуманная операция неожиданно ведет к гибели. И наоборот: быстро принятое решение дарует победу. А из умения учитывать все, использовать каждый случай, не теряться при любой неожиданности вырастает удивительное искусство войны. Искусство, где мудрая голова и хладнокровие нужны в такой же степени, как и отважное сердце.

На войне расчет и хитрость, хладнокровие и отвага соперничают друг с другом.

Чтобы показать все это на живом примере, мы сейчас расскажем вам о работе самых скромных участников морской войны 1914—1918 годов, английских судов «кью-шипов».

\* \* \*

13 апреля 1917 года новая германская подводная лодка «U-93», только два месяца назад законченная постройкой, вышла в первый свой боевой поход из

порта Эмден. Командир лодки барон Шпигель-Пекельсгейм, плававший раньше на «U-32», намеревался пройти в Атлантику. Действуя на путях, по которым двигались через океан на помощь Англии бесчисленные корабли Соединенных Штатов Америки, он хотел принять посильное участие в «неограниченной подводной войне».

Наступила весна, третья весна войны. Германия решила отчаянным усилием задушить своего главного врага, Англию. Сорок подводных лодок устремились по приказу командования на торные морские дороги. Одни из них выходили из гаваней, другие, расстреляв торпеды и снаряды, крадучись возвращались обратно, третьи крейсеровали за Британскими островами, четвертые пересекали Средиземное море. Отовсюду поступали уже хорошие для немцев известия: британские грузовые корабли гибли один за другим.

Командующий английским флотом, адмирал Джелико, хмуро говорил представителю США, адмиралу Симсу: «Как это ни странно, но приходится признать: германские подводные лодки выигрывают войну!» Американский посол в Лондоне Вальтер Пейдж вторил ему: «Мы присутствуем при ужасной трагедии: имя ей — поражение Британии!»

Настроение командира «U-93» и его экипажа было отличным. Да и сама лодка радовала барона Шпигеля. Новенькие механизмы работали безотказно, не так, как на старушке «U-32», давно отслужившей тяжелый двухлетний срок. Два мощных дизеля, по тысяче восьмисот лошадиных сил каждый, уверенно двигали в надводном положении отличное судно со скоростью семнадцати узлов. Два электромотора позволяли под водой получать половину этого хода. Тридцать пять матросов знали свое дело, четверо офицеров не в первый раз шли в море, а шестнадцать торпед калибра



50 сантиметров только и ждали минуты, чтобы скользнуть в широкое горло торпедного аппарата, точно тюлени, поджавшие лапы перед прыжком.

Погода казалась благоприятной. Недавняя зима еще лежала там и сям широкими полями тумана, но солнце все чаще проглядывало сквозь облака, все больше птиц тянулось над волнами на север, все сильнее слепили глаза наблюдателей веселые, быстрые блики, играющие на волнах.

Грустно было только то, что море на первых порах оказалось неожиданно безлюдным. Ни одного паруса вдали! Ни одного дымка на мгlistом горизонте!

18 апреля произошла радостная встреча. На волне внезапно вынырнул длинный корпус. Свои! Это возвращалась из похода «U-43». Командир Юрст и тридцать девять боевых товарищей на борту...

Командиры поговорили, задержавшись на короткий срок друг подле друга. Юрст советовал Шпигелю взять миль на триста к зюйд-весту: там есть чем поживиться! «Они» проложили новый путь для конвоев и идут по нему голова в голову! Торопитесь, приятели, пока не поздно! Лейтенант Шпигель последовал совету товарища.

Две недели вслед за этим были заполнены повседневной работой...

На горизонте появляется дым. Иногда несколько дымов. «U-93» погружается под воду, крадется к ничему не подозревающей добыче. Перископ, точно око циклона, вращается туда и сюда, озирая горизонт. Ага! Это — большой американский транспорт, повидимому, с войсками. Тяжелое судно разламывает воду могучим форштевнем. Черный дым клубом валит из трех широких труб. На палубах мелькают фигурки в хаки.

Толчок. Лодка мотнула носом, точно стремясь выпрыгнуть из воды. Торпеды ушли. Две белесоватые полосы тянутся от перископа все дальше, дальше к судну. О!

Тяжелый удар. Второй. Громадный корабль неторопливо переворачивается на бок, потом килем вверх. Он облеплен сотнями людей. Они карабкаются, цепляются, срываются...

День спустя — другая встреча: маленький чумазый угольщик. Нет смысла тратить на него торпеду — она стоит чуть ли не столько же, сколько и он сам. «U-93» всплывает. Предупредительный выстрел. Угольщик стопорит. Команда сама знает, что делать: она уже плывет в шлюпках, уходя от корабля. Теперь пять или десять снарядов в ватерлинию. Кончено! Угольщика больше нет.

— Ну, Циглер, — говорит Шпигель своему помощнику, — если так пойдет и дальше, то... Что они могут с нами сделать?...

К вечеру 30 апреля на горизонте показалась совсем маленькая потрепанная трехмачтовая шхуна — типичный марселец со старенькими парусами, с матросским бельем, развешанным между мачтами, с грязным флагом над кормой. Погружаться не было надобности. Дав сигнальный

выстрел, Шпигель вышел на палубу. В бинокль можно было разглядеть все, что творится на суденышке. Команда в панике покидала шхуну: матросы торопливо спускали шлюпки, бросали в них какие-то вещи, ругались, спорили. Отвалив от борта, они — чудачки! — видимо, еще надеясь на спасение, остановились на некотором расстоянии от покинутого судна, не решаясь уходить в открытое, негостеприимное море.

Как только лодки были спущены, «U-93» открыла огонь по своему призу. Двадцать, тридцать, сорок минут снаряды один за другим ложились точно в цель. С каждым из них маленькая опустелая шхуна разрушалась все сильнее. Но Шпигель еще опасался подходить к ней вплотную: где-нибудь вблизи могла скрываться английская подводная лодка.

Однако скоро стало ясно: никакой лодки нет.

Барон Шпигель опустил бинокль и, нагнувшись к люку, приказал, подойдя на сотню метров к шхуне, потопить ее выстрелами в упор.

«U-93», оставив шлюпки с перепуганной командой далеко в стороне, медленно развернулась, подошла с кормы к опустелому, брошенному среди моря, пылающему суденышку и начала вдоль его левого борта проходить на удобную огневую позицию. Барон Шпигель, стоя снаружи возле боевой рубки, смотрел на упорно не желающий тонуть корабль. Двое из матросов были рядом с ним.

— Эй, Циглер! — позвал командир.

В ту же секунду он выпрямился и вздрогнул. Сквозь плеск волн и шипенье огня на шхуне он услышал резкий переливчатый свист. Что такое?

Брошенная шхуна внезапно ожила. На ней, среди огня пожара и обломков рангоута, были люди.

С грохотом упали щиты там, на борту горящего корабля. Взлетел на мачту английский военный флаг. «Орудие! Оно было спрятано за щитами! Да как же они выдержали наш огонь?»

Выстрел. Другой. Третий! Передняя пушка «U-93» сбита за борт. Снаряд ударил возле самой левой рубки. Барон Шпигель видел только, как взрывом был сброшен внутрь изумленный неожиданной развязкой Циглер.

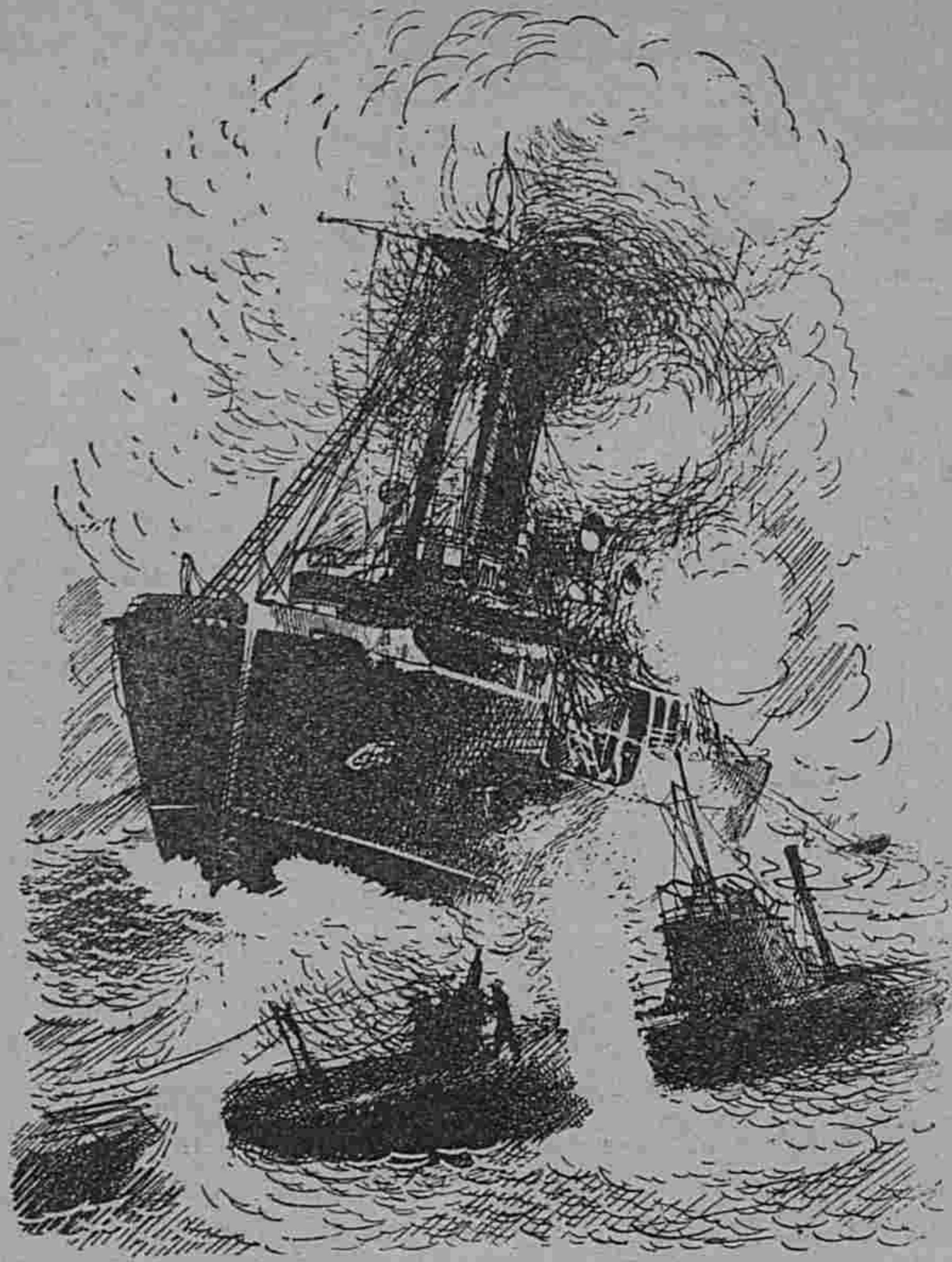
Второй снаряд пробил корпус. Рыжевато-красная пламя вырвалось изнутри. Две минуты, три, четыре... И вот уже «U-93» нет на поверхности моря. В воде барахтается теперь только сам барон Шпигель да два его матроса.

Их выуживают из волн. Они поднимаются по исковерканному трапу на борт судна, где все еще бушует пламя. Шлюпки с командой шхуны торопливо гребут назад. Рыжеватый моряк, совсем не похожий на морского офицера, встречает пленников.

— Чорт возьми! — удивленно и растерянно восклицает барон. — Что это за дьявольская посудина? Как вы не пошли ко дну до сих пор? Это, очевидно, не шхуна?

— Это — кью-шип! — отвечает ему командир. — Кью-шип — судно-ловушка. Нам не так легко потопить даже от взрыва торпеды: мы доверху набиты всяческой древесиной. Ну-с, на этот раз попались вы!





Лодка обогнула нос судна...

Эй! — Он оборачивается к прибывающей команде: — Все на помпы да поживее! Иначе нам не добраться до Гинсея!

\* \* \*

Командир «U-93» барон Шпигель фон Пекельсхейм немало удивлялся выдержке экипажа «Прайза», маленькой «марсельской» шхуны, и её командира Сандерса. Сорок минут под губительным огнем противника они скрывались на борту, готовясь нанести удар и ничем не выдавая своего присутствия.

История кью-шипов, маленьких мирных суденышек, «взятых на военную службу» и брошенных на страшного подводного врага, изобилует примерами еще более необычной твердости духа. Да это и не удивительно! Если подводная лодка могла до того, как ей представлялась возможность нанести удар, скрываться под волнами, прятаться в глубине, то кью-шип, ловушка, знала только один способ борьбы: она должна была какой угодно ценой заставить врага подойти к ней вплотную.

Гордон Кэмпбэлл! Вот имя, которое мало кто слышал во время войны.

Капитан второго ранга Гордон Кэмпбэлл командовал ловушкой «Q-5» («кью-файф») в три тысячи тонн

водоизмещением. Ее переделали из старенького угольщика. В распоряжении капитана были пять трехдюймовых орудий, две пушки меньшего калибра и пулемет. Вот и все. Экипаж судна состоял из моряков торгового флота, никогда не учившихся воевать. Но капитан Кэмпбэлл не избегал встреч с подводными лодками врага. Вот как он описывает одно из своих столкновений с противником: «Мы увидели торпеду, которая шла прямо в середину нашего правого борта так удачно, что даже не понадобилось подставлять себя под нее. Торпеда не слишком испугала нас: мы видели это уже в пятый раз».

Тактика Кэмпбэлла заключалась в том, чтобы быть сначала взорванным, а затем, когда лодка увидит, что судно гибнет, появиться на поверхности и уничтожить ее.

Так он и действовал.

17 февраля утром Кэмпбэлл лежал на животе за обвесом мостика и внимательно следил в бинокль за морем. В каком-нибудь кабельтове от его борта медленно двигался среди легкой ряби перископ подводной лодки. Под перископом прильнул к окуляру капитан-лейтенант Гоппе. Он с месяц назад вышел в плавание и еще ничего не подозревал о тактике Кэмпбэлла. Медленно, осторожно, оставаясь в полуподводном положении, он вел свою «U-83» к подорванному угольщику, двигаясь вдоль его правого борта.

«Странно, что они не тонут! — думал Гоппе, вращая штурвал перископа. — В то же время они подорваны бесспорно...»

— Ну, ну! Смелее, дружок, смелее! А ну-ка, всплывай! — бормотал про себя Кэмпбэлл. Руки его дрожали от нетерпения. Он положил бинокль: и так все видно!

И верно. Лодка прошла (все еще под водой) в каких-нибудь десяти метрах от «Q-5». Кэмпбэлл отлично рассмотрел длинное рыбье тело врага.

Удостоверившись в близкой гибели судна, лодка всплыла, обогнула его нос, развернулась, и направилась к плюпкам. Гоппе вышел из рубки.

В ту же секунду Кэмпбэлл на мостике кью-шипа вскочил на ноги.

— Огонь!

Флаг взлетел на мачту, щиты с орудий упали. Сорок пять выстрелов в упор изрешетили «U-83». Капитан-лейтенант Гоппе был убит на месте. Послышался глухой взрыв. Лодка быстро пошла ко дну, а из люка рубки один за другим выскакивали люди, кидаясь в воду, покрытую слоем машинного масла.

Сутки спустя, вызванные по радио суда с трудом прибуксировали «кью-файф» в Бункрану. Судно шло с креном в 20°. Корма его была на восемь футов под водой. Но дело было сделано!





Л. УСПЕНСКИЙ

Рисунок И. Харкевича

Из всех тех случаев, которые я видел сам и о которых слышал, участвуя в гражданской войне, мне больше всего запомнился один. Не знаю, как можно назвать этот случай — то ли подвигом, то ли просто удивительным и забавным приключением. Об этом судите сами. Могу сказать только, что летчик, рассказывавший мне конец этой истории (а начало ее я видел своими глазами), и сердился, и смеялся сразу.

Красная армия, хотя она и успела к тому времени разбить дюжину белогвардейских генералов, была все же еще очень молодой армией. Еще не все красноармейцы и не все командиры успели стать опытными бойцами. Поэтому всем нам приходилось порой попадать в довольно трудные положения — в такие, что не сразу бывало и придумаешь, как из беды выкрутиться. Но ничего, все устраивалось — понемногу! Я служил тогда в штабе одной стрелковой дивизии: был военным землемером — топографом. Вместе со мною в штабе работало немало товарищей, и среди них было много замечательных людей. Но знаменитей всех были у нас в штабе двое: ламповщик Подмостко и посыльный Васыль.

Ламповщику Подмостке перекаатило к тому времени уже далеко за шестьдесят. У него была большая круглая и лысая голова с одним единственным седым чубом волос, седая щетина на щеках и необыкновенно длинные усы, которые всегда висели вниз, как у моржа или у Тараса Бульбы. Он был на вид самый настоящий «глубокий» старик, и все же во всем штабе у нас не было, не считая разве Васыля, более воинственного человека.

Нельзя себе представить, где только за свою долгую жизнь не побывал и с кем не повоевал этот самый Подмостко.

Как только ему стукнуло двадцать два года, он прикинул — что к чему, да и отправился добровольцем в Сербию защищать сербов от угнетателей-турок.

В сорок с небольшим ему не понравилось, что сильная Америка напала на слабую Испанию. Он сразу же сел на корабль, чтобы

плыть в жаркие края, драться там с Америкой. Но пароходы тогда ходили плохо, и, пока Подмостку везли, война кончилась, Америка победила. Что тут делать? Хоть домой поезжай!

Однако как раз в это время Англия стала обижать в далекой Африке мирных буров. Подмостко немедленно решил заступиться за них. Два года воевал он в Африке, и говорил нам теперь: «Я эту самую Африку всю, как свою деревню, знаю».

А после Африки сражался он и в Китае, и в Южной Америке, но везде и всюду он проливал кровь только за справедливое дело. Так удивительно ли, что, едва на Советскую страну надели белые, Подмостко тут как тут. Бросил старуху в родной деревне и явился куда следует:

«Разрешите доложить: Григорий Подмостко. Ветеран всевозможных войн. Имею отроду шестьдесят пять лет. Награжден бурской медалью за осаду Кептоуна. И сербской медалью за храбрость. И французским орденом Почетного легиона. И китайским почетным значком. И...»

Но ему даже договорить не дали, а прямо сказали:

«Эге, — говорят, — сразу видно, что ты — малый боевой и с мозгами. Что рассусоливать-то? Валяй служи!» И тотчас же назначили его в наш штаб ламповщиком.

Подмостку у нас все любили, и не удивительно. Как только он сядет про свою жизнь рассказывать — оторваться нельзя, все бы слушал. И он со всеми штабными был в самых лучших отношениях, но в Васыле прямо души не чаял.

И опять-таки в этом не было ничего удивительного: он сам этого Васыля нашел. Дело было так: ехал Подмостко ночью ранней весной по полям в штаб. Ехал на своем насквозь пропитанном керосином тарантасике, вез из тыла железную бочку с «горючим» да ящик фитилей для штабных ламп. Смотрит — над оврагом у лесной опушки стоит брошенный фургон, без людей, без лошади. Никого



кругом нет, в стороне дымится догорающий костерик. Ночь холодная, и волки вдали подвывают.

Подмостко остановил лошадь, заглянул в фургон и покачал головой: там, на соломе, метался в бреду, в жару большой черноголовый мальчишка лет тринадцати или, может быть, четырнадцати.

Подмостко заворчал, заходил кругом, попробовал окликнуть больного, — не тут-то было. Что же осталось делать? Взял его, положил поперек сиденья, закутал конской тряпочной попоной и привез в штаб. Там доктора есть, вылечат! И — вылечили. Когда же мальчуган оправился и у него спросили, кто он таков, как его звать, он ответил очень коротко: «Васыль!» Сколько ему лет в точности — он не знал; из каких он — украинец, молдаванин, цыган или, может, татарчонок — тоже осталось неясным. Да ведь, по правде сказать, ничего это и не меняло. Так он и жил да поживал в нашем штабе; Васыль и Васыль...

Сперва он помогал старику Подмостке возиться с его лампами: протирал стекла, заправлял, чистил и делал все это очень хорошо. Потом все мало-помалу заметили, что парнишка он неразговорчивый, зато сообразительный и на ногу крутой: что ни поручи, делает быстро и, пока дела не закончит, от него не отстанет, хоть убей. А таких в армии любят. Полюбили и Васыля, и повысили его в чине: перевели от ламп в рассыльные носить пакеты по ближним адресам: на радиостанцию, коменданту, в телеграфную контору — мало ли куда еще.

Конечно, далеко его старались не посылать и особенно важных поручений не давали: мальчишка как ни как! А вдруг что-нибудь потеряет или спутает? А ведь на войне иной раз лучше пусть вражеская бомба в батарею угодит, чем какая-нибудь важная бумажка потеряется. А если в ней записан самый главный секрет, какая-либо тайна, которую надо беречь как собственный глаз? И вдруг этот секрет в руки неприятеля попадет? Тут тогда такие дела выйдут — лучше не родись на свет.

Но война — сложное, запутанное дело. На войне хочешь сделать так, а получается порою совсем иначе. Вот не хотели Васылю больших дел доверять, а пришлось. И судите сами, что из этого вышло.

Получилось однажды, что нашу дивизию почти совсем окружил противник.

Как всегда в таких случаях, в штабе сейчас же началась горячая работа. Ночами никто не спал. Днем все были в разгоне. А особенно доставалось посыльным: не успеет кто-нибудь из них отнести телеграмму с почты в

штаб, как уже — готово: его гонят с вызовом к начальнику артиллерии. А потом — в инженерный батальон. А там еще куда-нибудь. И нередко получалось так, что в штабе совсем не оставалось свободных посыльных.

Между тем дела на фронте шли все тревожней. Враг зашел очень глубоко нам в тыл, окружая с обеих сторон тот городок, где стоял штаб. Артиллерийские выстрелы доносились теперь к нам то спереди, то сзади. Неприятельские передовые части одни за другими перерезали все телефонные и телеграфные кабели, которые до сих пор соединяли нас со штабом нашей армии. Штаб остался без связи с командованием. Плохо дело!

Что положение трудное, знали все штабные работники. Знал об этом и Васыль, и летал он поэтому с теми поручениями, которые ему теперь давали, как молния. Да и старику Подмостке приходилось то и дело заменять сбившихся с ног посыльных; все были в разгоне.

Однажды, часов около десяти утра, Васыль был послан с какой-то срочной бумажкой на аэродром, находившийся в километре от штаба. Там у него было немало друзей, и, пока бумагу записывали в книги, пока давали на нее ответ, он узнал новости, которые еще не дошли до нашего штаба: летчики Зернов и Слепень ушли на разведку, — назад уже не вернутся — полетят в тыл. Летчик Тернов на самолете бреге-17 готовится к вылету в штаб армии; отправится в 11 часов 30 минут. Получен приказ: складывать все имущество и грузить его на платформы, неизвестно только — удастся ли проскочить. Не перерезали бы поляки дорогу!

В половине одиннадцатого Васыль явился в штаб, и тотчас же его вызвал к себе дежурный помощник начальника.

— Слушай-ка, друг! — сказал он ему, протягивая большой запечатанный пакет. — Парень ты толковый. Вот эту вещь надо как можно скорее отослать в штаб армии. Значит, ее надо сейчас же снести в батальон связи. Знаешь, где он стоит? Вот-вот — около моста... Оттуда в одиннадцать часов в армию идет машина. Надо этот пакет во что бы то ни стало передать им. Лопнуть надо, а передать связистам. До того, как машина уйдет. Понял?.. Не успеем, тогда... — И он махнул рукой. — Конечно, надо было бы взрослого послать, да где я его возьму, взрослого? Подмостко, тому не поспеть на старых ногах...

В этот миг из соседней комнаты выглянула круглая седая голова Подмостки.

— Товарищ начальник! — проговорил он. — Не извольте тревожиться. Он лучше большого сделает. — Донесешь, Васыль? — Васыль кивнул головой.



— Смотри, брат! На копытах лети, духом! Помни военное правило: получил приказ — разбейся, да сделай! Это — большое доверие тебе...

Василь насупился, сунул пакет в сумку и пустился в путь. Он ни на миг не сомневался, что выполнит поручение: полчаса — время большое. Но с первой же минуты он сделал ужасную ошибку.

Надо сказать, что с утра Василь проголодался. Ему давно уже хотелось есть. А теперь вышел на крыльцо, в глаза ему бросилась удивительно привлекательная вещь: походная кухня, стоявшая около дома комендантской команды; там готовили обед. Пахло вкусно: перловым супом с воблой. Знакомый кашевар Байков закричал из ворот дома ему:

— Эй, цыганок, хочешь — плесну котелок супца? — Василь и тут все знали.

И вот Василь заколебался. Батальон связи стоял на другом конце города. Если сейчас зайти к Байкову?.. Нет. Пожалуй, не опоздать бы!

Он сошел с крыльца и двинулся уже было вдоль по улице в город. Но вдруг ему представился полный котелок супа. Да еще хороший кусок хлеба. Да еще картошка в супе... А супа в те дни на фронте было — ох, как мало!

И Василь не выдержал. Он повернул обратно, рысью забежал в комендантскую каптерку, быстро-быстро выхлебал котелок, захватил хлеб с собой и как пуля понесся по улицам.

Теперь в желудке у него было приятно, тепло, набито. Зато на сердце было не спокойно. Часов у него никогда не водилось. Времени он не знал. А что если он?.. Что скажет дежурный, если он опоздает? Что скажет начальник штаба, товарищ Юрэ? Что скажет Подмостко?!

Он мчался стрелой, но напрасно. Так оно и вышло. Он опоздал. Машина ушла минуты за три до него, последняя машина. «Чтоб тебе пораньше явиться?» сказали ему.

Василь едва не взвыл. Что же делать? Как же быть? Он отлично помнил слова старого друга своего: «есть приказ — разбейся, а выполни».

Он превосходно понимал: надо, чтобы пакет непременно попал в штаб армии! Это — дело нужное, важное. От него, может быть, все зависит! А он? Променил дело на обед, проел свою добрую славу! Как он теперь явится в свой штаб? Какими глазами посмотрит на своих, на Подмостку?

Вдруг неожиданная мысль пришла ему в голову. На секунду Василь замер, а потом как вихрь помчался через город на аэродром.

На аэродроме летчик Тернов готовился

стартовать на город Могилев. Большой зеленый самолет бреге-17 стоял на земле. Мотор работал не спеша, на малом газу. Самолет был двухместный разведчик, но задняя кабина была пустая: Тернов летел один.

Кругом машины, дожидаясь отлета, двигались красноармейцы из стартовой команды. Летчик, сидя на своем месте, делал последние приготовления: говорил с механиком, покачивал, для пробы, элеронами — маленькими плавничками на концах крыльев, шевелил рулем. Наконец он поднял руку — на взлет. Красноармейцы взялись за крылья, чтобы машина набрала силы еще на месте.

В это время некоторые из провожающих увидели стремглаз бегущего к ним от дороги Василья. Правда, никто не обратил на него внимания: ну, бежит малый, кричит что-то, машет руками. На то он и мальчишка! Наверное, захотел в сотый раз посмотреть, как взлетает самолет.

И вот, задыхающийся, еле живой от усталости, Василь увидел, подбегая, как летчик Тернов в кабине решительно махнул рукой. Красноармейцы отпустили крылья. Машина тронулась. Все кончено. Не остановить! Не передать пакета. Улетит!

Света не взвидел Василь. Как бешеный прорвался между красноармейцами. Самолет только что двинулся с места. Василь совсем около себя увидел убегающий прочь от него темно-зеленый хвост с красными звездами.

— Эй! Куда, куда, парень? — испуганно и сердито закричали ему, но голоса утонули в реве мотора. А Василь догнал бегущий на траве хвост, плашмя, не понимая, что делает, бросился на него, судорожно вцепился в скользкое, гладко окрашенное полотно руками, изо всех сил пополз по хвосту вперед, к кабине.

Летчику Тернову что угодно могло прийти в голову во время полета, но подумать, что ему на хвост вскарабкался посторонний мальчишка, он никак не мог. И все же, как только машина стала отделяться от земли, летчик наморщил лоб. Он почувствовал что-то неправильное во взлете: хвост почему-то внезапно перетяжелился.

«Что за шут! — недовольно подумал Тернов. — Опять не отрегулировали как следует стабилизатор!»

Он с сердцем потянул ручку на себя, но назад не взглянул. Не посмотрел он и вниз, на землю, где махали руками, кричали, из себя выходили люди. Путь был не длинный, время дорого... Чего там смотреть? Бреге выровнялся, набрал высоту и лег на курс к Могилеву.

А за эти минуты Василь на хвосте машины



тоже набрал высоту. Поползнем он долез до задней кабины с пулеметной турелью. Ужас охватил его: а вдруг летчик обернется? Тогда он рассердится, не захочет лететь, сядет на землю и — пропал пакет! Дрожа от страха, Васыль съежился на дне кабины, замер, даже дыхание затаил.

Мотор ревел. Впереди спокойно распевал летчик, но расслышать, что он поет, было немислимо. Над головой Васыля, наверху плыли облака, совсем близко плыли. Прямо под ногами сама по себе ходила какая-то перекладина — то вперед, то назад. Другая палка — запасная ручка управления — тоже двигалась перед ним, точно намереваясь ударить его по лбу. А под этой ручкой, сквозь небольшую, закрытую стеклышком дырку в полу Васыль увидел глубоко под собою землю, леса, какие-то постройки. Вон железная дорога, и крошечный поезд дымит на ней. Вон блестящая, точно полоска жести, река. А там что? Так впервые в жизни Васыль увидел землю сверху, с птичьего полета.

Как ни был он взволнован, испуган, обеспокоен, он так и впился в застекленное окошечко. Он не чувствовал ни холода, хотя на высоте было прохладно, ни качки, хотя в тот день в воздухе изрядно потряхивало. Он смотрел не отрываясь, забыв про все до тех самых пор, пока внезапно смолк рев мотора, машина наклонилась носом вперед, засвистел воздух в крыльях и проволочных расчалках...

И вот тут Васыль совершенно забыл, где он находится, как он сюда попал, как тихо ему надо вести себя. Он вскочил на месте и закричал в великой радости:

— Товарищ Тернов! Уже? Приехали?

В ту же секунду самолет чуть не перекувырнулся.

Летчик Тернов сам потом рассказывал мне: «Ты понимаешь? Воздух. Белый день. Высотенка — полторы версты. Лечу один. Никого кругом нет и быть не может. Выключил мотор. И вдруг мне в самое ухо: «Приехали?» Поверь, друг, — я завизжал от страха!

«Я с тремя поляками один бился. Я два раза горел в воздухе. Мне шасси снарядом оторвало, я без шасси на сосновый лес садился и — ничего — не пугался. Ну, а тут сдрейфил совершенно. Говорю тебе — завизжал. Еще хорошо, что машину в штопор не упустил, тогда бы этот дуралей вылетел из нее как пробка...»

Одним словом, летчик Тернов (и этому можно поверить!) был буквально потрясен. Первые секунды он просто не мог сообразить ничего. Что за крик? Чья это рожа? Как она сюда попала? Ему подумалось, что он сам спятил, сошел с ума. Он очень испугался.

Но затем испуг прошел. Он понял и сразу же рассердился до невозможности. Весь дрожа от ярости и негодования, он спланировал на могилевский аэродром и, едва машина стала, как пробка из бутылки, вылетел из кабины. Точно тигр ринулся он на Васыля, схватил его за шиворот.

— Ты это что же, черномазый? — вопил он, к изумлению встречающих. — Шуточки шутить вздумал? Да ты меня... Да я тебя...

Но теперь Васылю было уже все равно. Теперь он знал: пакет будет доставлен по адресу.

Так и вышло. Все разъяснилось очень быстро. Все уладилось. Но летчик Тернов был все еще страшно зол. Он всюду таскал Васыля за собою, всюду рассказывал, как он его, Тернова, заставил визжать на высоте в полторы тысячи метров, и все грозился выпороть его дома. Он то и дело подходил к зеркалам, разглядывал в них свои черные как смоль волосы и уверял с досадой: «Видите? Седые волосы. Пять седых! Это из-за него. Да он меня... Да я его... Убью!»

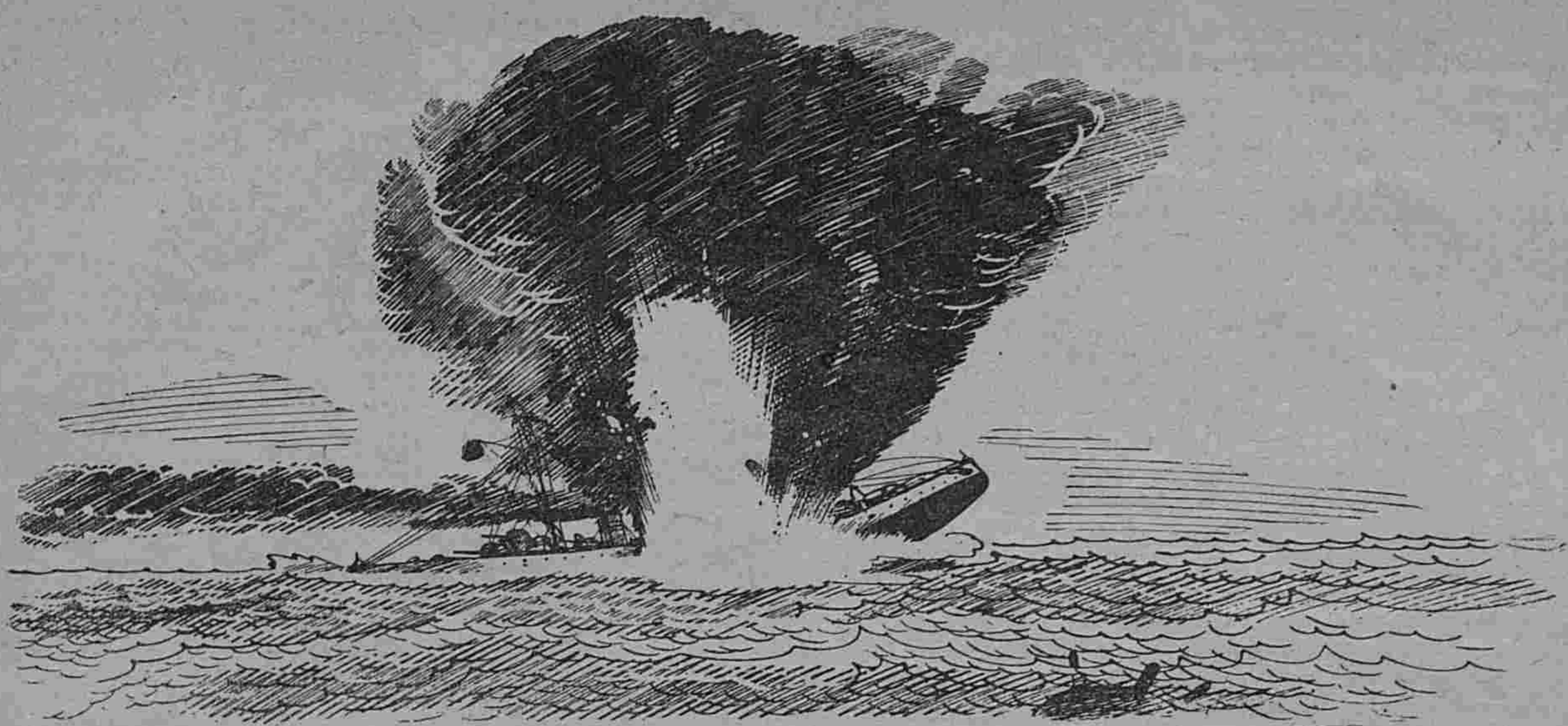
Через два дня они прилетели обратно — Тернов и Васыль.

В штабе их ждали. Из Могилева сразу же сообщили все, что произошло. В штабе Васыля чуть не на руках стали носить — какой герой, молодчина! Но он не очень-то задавался. Он знал, что не все было чисто в его истории. И старый Подмостко, единственный, кому он рассказал все без утайки, — и про голод, и про котелок супа, все, — старый Подмостко сказал, прищурив один глаз:

— Ага, хлопец! Вот видишь, хлопче? Герой-то герой, да не совсем... Ты сам подумай: ведь если мы все так будем дело наполовину делать, — хорошего не жди! Да ты постой... Вот я тебе сейчас расскажу историю поинтересней этой... Было у нас один раз в Африке, — около такого бурского сельца Мпунгубург...

Но истории Подмостки, хотя они и в самом деле были очень интересны, всегда отличались такой длиной, что у меня нехватит времени их пересказывать.





## ПЛОВУЧАЯ СМЕРТЬ

С. ЖИЛИН

Рисунки В. Тамби

### Суп с клецками

Десятки тысяч мин самых разнообразных конструкций расставлены сейчас в районах военных действий. Их можно встретить на огромном пространстве пути от льдов Гренландии до мыса Доброй Надежды. Они появляются сегодня там, где вчера еще плавание считалось безопасным.

В мировую войну 1914—1918 гг. постановкой мин занимались не только воюющие державы. Стремясь лучше организовать оборону своих берегов, мины ставили и нейтральные государства. В минную войну было вовлечено тогда четырнадцать стран, поставивших в общей сложности за четыре года около трехсот десяти тысяч мин.

За это время на минах погибло 207 военных кораблей, 9 линкоров, 10 крейсеров, 106 миноносцев, 58 подводных лодок. Это огромная цифра! Стоит вспомнить, что во всех трех флотах царской России в 1914 году числилось всего около 350 судов, включая даже самые слабые. К декабрю 1940 года весь военный флот США имел 369 кораблей, считая эсминцы и подлодки. Значит, мины в ту войну пустили на дно полностью целый флот сильной морской державы.

В некоторых местах мин было столько, что мо-

ряки в шутку называли такое море «супом с клецками».

Ни одно самое крупное морское сражение не взяло столько жертв. А ведь сюда надо прибавить еще торговые суда, — их было потеряно свыше 600, общим тоннажем больше одного миллиона ста тысяч тонн! Это превосходило коммерческие флоты Китая, Португалии, Чили, Аргентины, Бельгии, Бразилии, Турции и Греции, вместе взятых.

Пока идет нынешняя война, нельзя еще определить, какие потери понесут сражающиеся на этот раз. Но вероятней всего ущерб будет не меньше, а больше, чем четверть века назад.

За это время минное дело так же усовершенствовалось, как и другие области военного искусства. Первые результаты уже сказались: за один год нынешней войны на минах погибло двести шестьдесят торговых и сорок шесть военных кораблей. Но, как и в ту войну, мины бьют не только по тому, кто воюет: выброшенные волнами на берег нейтральных стран, «беспризорные миннобродяги», взрываясь, убивают мирных граждан, разрушают дома, заплывают в гавани, мешают судоходству.

Как же устроены и как действуют мины? Как бороться с ними?

### Мина обыкновенная

С потушенными огнями, переваливаясь на легкой зыби, идет небольшое судно. Густая облачность делает ночь совсем черной. На корме судна кипит работа. Вдоль бортов протянулись рельсы, на которых гуськом стоят низкие вагонетки. На них в особых чашах покоятся большие металлические шары с торчащими вверх короткими отростками, напоминающими не то пальцы, не то рукоятки. Это и есть мины.

С командирского мостика раздается команда, и большой шар вместе с вагонеткой, подкатившись по рельсам к самой корме, с громким всплеском исчезает в воде. Через короткие

промежутки один за другим шлепаются в воду остальные грузные шары.

Теперь они будут плавать под водой, прикрепленные якорями ко дну, плавно покачиваясь, или слегка наклоняясь по течению, точно гигантские головки мака без лепестков. Тонкий стальной трос (минреп), соединяющий мину с якорем, заставит ее держаться на глубине, примерно равной осадке судна в трех-пяти метрах от поверхности.

Мина осталась качаться в зеленоватом сумраке под водой. Но какая мина? Вероятнее всего — «обыкновенная гальвано-ударная мина».

Корпус ее — шар, сделанный из листовой стали.



Внутри — зарядная камера с сильно взрывчатым веществом. Его в современных минах помещают до одной четверти тонны. На корпусе торчат вверх пять свинцовых колпачков, в которых помещены склянки со специальной жидкостью Грене. Как только судно ударится о мину, свинцовые колпачки сплющиваются, жидкость Грене выливается в батарейки, батарейки дают ток, ток взрывает запал, а с его помощью и весь заряд мины.

Свинцовые колпачки — очень нежная деталь мины. Малейшая неосторожность может привести к взрыву мины. Поэтому на свинцовые колпачки в свою очередь надевают железные колпачки, которые снимают в последний момент. Но ведь как раз в этот последний момент, перед сбрасыванием мины в воду, особенно на волне да еще ночью, совсем легко смять свинцовый колпачок. А уж если мина разорвется на палубе, то все судно взлетит на воздух: от детонации взорвутся и все остальные мины.

Чтобы этого не случилось, «заботится» сама мина. В каждой из мин есть предохранительный прибор. Само давление воды на глубине замыкает электрическую цепь от батарейки к запалу. Тогда страшный шар готов к взрыву. Мины, в которых взрыв происходит благодаря действию гальванической батарейки, и называются гальваноударными.

Но мины бывают еще ударно-механическими. Эти мины впервые разработаны в русском флоте и введены на вооружение перед самой войной 1914—1918 гг. Такая мина не может «испортиться» под водой и удобна в обращении: она не имеет никаких свинцовых колпачков, никаких хрупких батареек. Она прикреплена к своему якорю. И вместе с ним падает на дно, где лежит до тех пор, пока под действием морской воды не растает кусок самого обыкновенного сахара в особо-хитром приборчике — «сахарном разъединителе». После этого якорь останется лежать, а мина, разматывая трос, всплывет и станет на боевом посту.

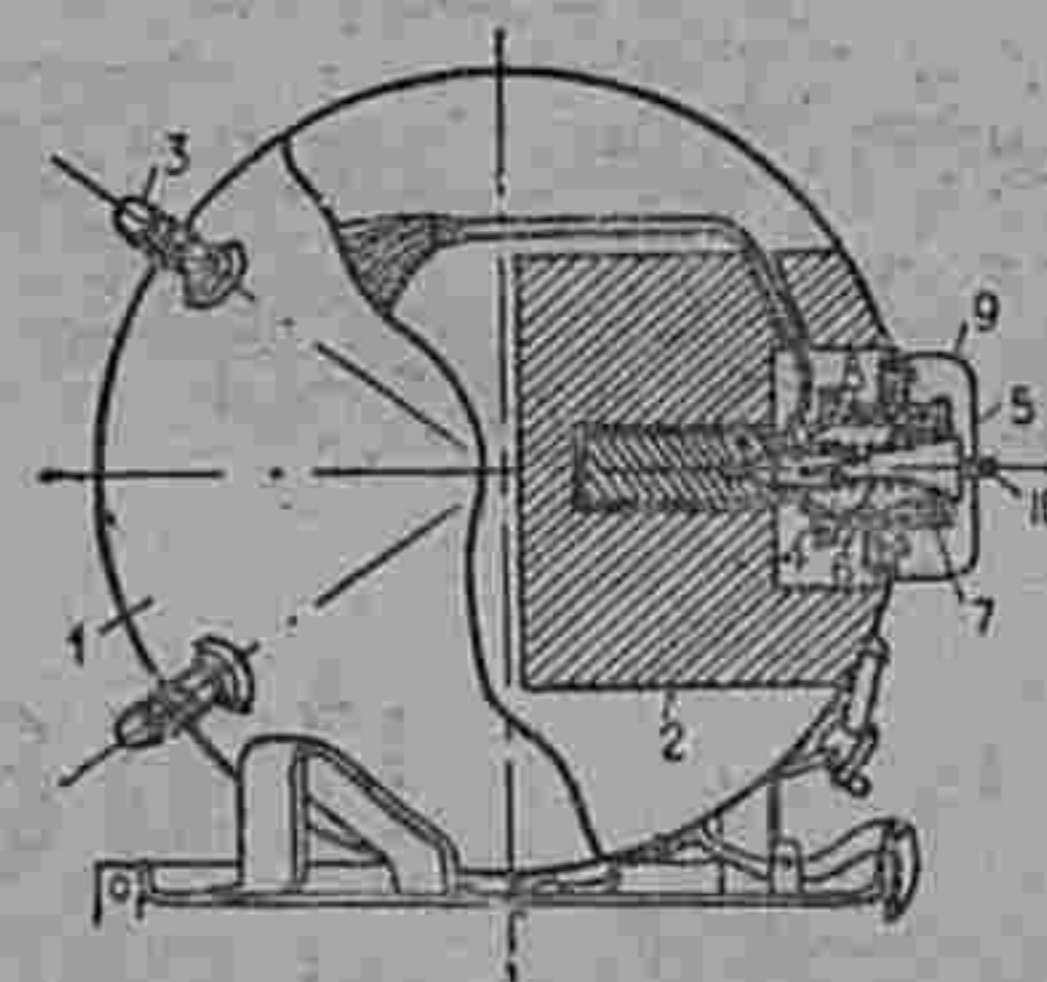
Как же заставить мину держаться на нужной глубине? Это делает особый гидростатический прибор. На один и тот же диск давят изнутри мины пружина, а снаружи — вода. На дне пересиливает вода. Ближе к поверхности распрямляется пружина и прекращает разматывание минрепа.

Ударная мина взрывается от толчка, приводяще-

го в действие специальное приспособление, боёк, помещенный внутри мины. И опять-таки взрыв может произойти только под водой.

В войне 1914—1918 гг. русский военный флот был значительно слабее флота своего противника. Поэтому с самого начала он повел энергичную «минную войну» и добился очень неплохих результатов.

Как только война стала неизбежной, за четыре с половиной часа минные заградители России «Ладога», «Нарова», «Амур» и «Енисей» перегородили вход в Финский залив поясом в 2119 мин. Всего же русским Балтийским флотом за время войны было выставлено 38932 мины. Германский военный флот потерял на этих минах сорок восемь кораблей. Двадцать одно судно было сильно повреждено.



Устройство английской гальвано-ударной мины.

1—корпус мины. 2—зарядная камера. 3—свинцовые колпачки (обычно 4—5 штук). 4—запал, вставленный в запальный стакан. 5, 7, 8, 9—части предохранительного прибора. 10—предохранительная шпилька, удерживающая движение запала.

Германское командование и во время войны и после нее давало самую высокую оценку русским заграждениям Балтийского флота. «В начале войны лишь одна мина представляла опасность — мина русская, — писал командир германской подводной лодки Эрнст Хасхаген, автор книги «На подводной лодке».

#### Антенные мины

Надводным судам обилие мин страшнее, чем подводным. Ведь подводные лодки способны подныривать под них. Невозможно всю глубину моря заполнить рядами мин до дна! Англичане, борясь с немецким подводным флотом, загородили в 1916—1918 гг. узкие проливы особыми сетями. Ну, а что было делать с широкими проходами, скажем — между севером Шотландии и Скандинавией? Здесь дело казалось безнадежным.

На помощь пришел новый тип мины, изобретенной американским инженером Брауном, — антенная мина.

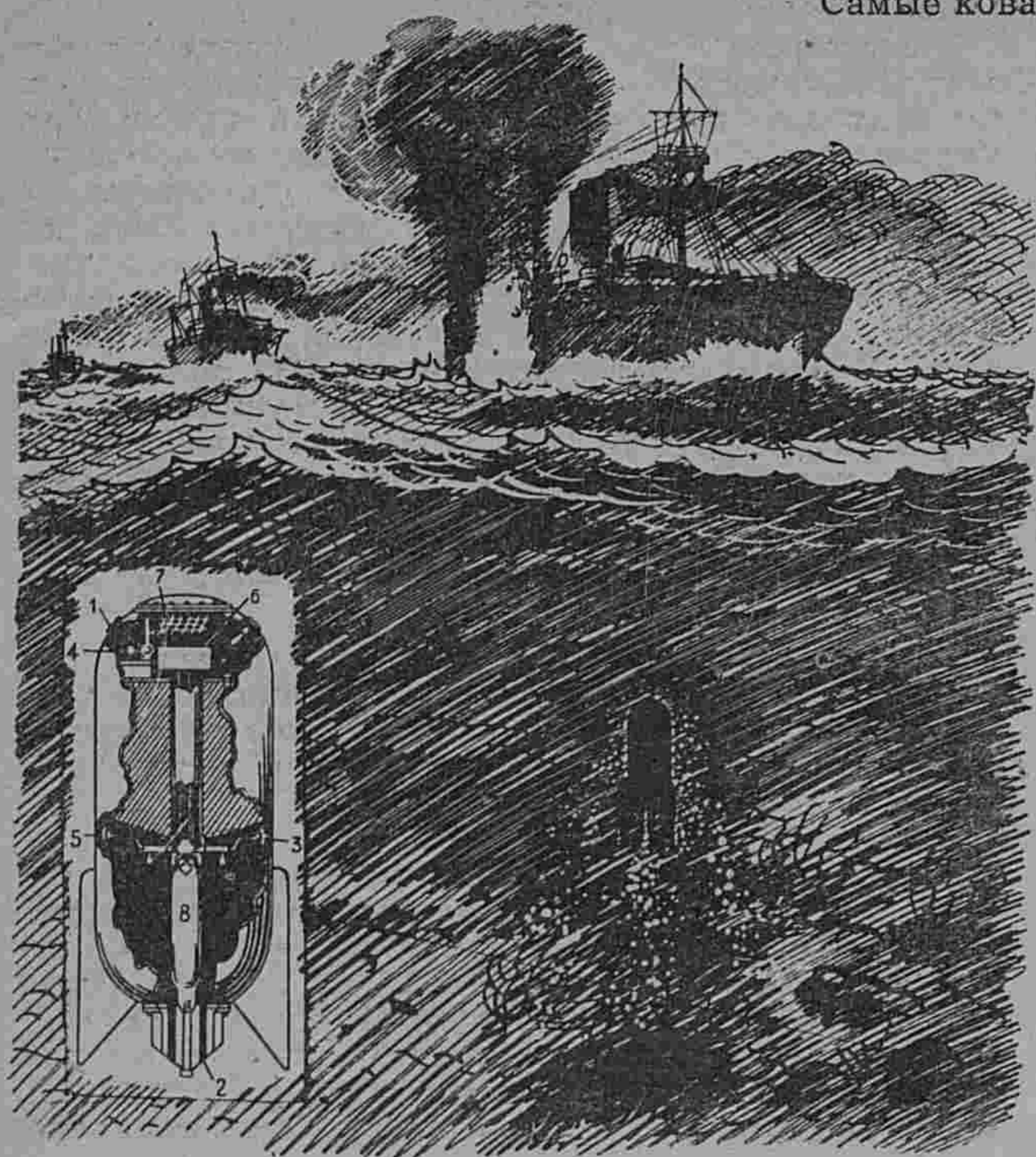
Ее действие основано на явлении, которое хорошо знает каждый, изучивший физику. Когда два разных металла, погруженные в соленую морскую воду, соприкасаются, возникает электрический ток. У антенной мины есть два медных провода — антенны. Один идет вверх и поддерживается поплавком; нижняя же антенна является частью обычного минрепа. Кроме того, из корпуса такой мины выдается медная пластинка, изолированная от него.

Корпус подводной лодки сооружен из железа. Поэтому лодка и мина вместе составляют то, что физики зовут гальванической парой, а самая бездна морская, в которой они плавают, становится как бы величайшей в мире гальванической батареей.

При каждом прикосновении железного корпуса лодки к медному проводу-антенне возникает ток. Он включает запальную батарейку, и мина взрывается. Лодка может дотронуться до троса на двадцать один метр выше или на столько же ниже самой мины — взрыв все равно произойдет. Одна мина охраняет сразу сорок метров морской толщи.

Понятно, что антенных мин надо ставить меньше, чем гальвано-ударных или ударно-механических. И все-таки для того, чтобы перегородить Северное море, таких мин понадобилось сто тысяч. Немецкие подводники называли это заграждение «барьером смерти».





Глубоководная магнитная мина.

1—прибор, удерживающий мину в безопасном положении в момент падения в воду. 2, 3—отверстия и клапаны, через которые внутрь мины проникает вода. 4—поршень, вскрывающий пробочку в небольшой металлической трубке, содержащей ртуть (5); ртуть выливается и замыкает контакты. 6—батарея, дающая ток. 7—магнитная стрелка. 8—баллон со сжатым воздухом.

Для каждого яда, говорят, можно найти противоядие. Воюющие страны тоже по мере возможно-

сти старались найти и уничтожить минные заграждения противника. Делали это специальные суда-тральщики. Поэтому скоро начали придумывать мины, которые нельзя было бы ни обнаружить, ни выловить. Так, к концу войны 1914—1918 гг. появились магнитные мины. На первых порах они действительно показались и невидимыми, и неуязвимыми.

Сейчас воюющими державами разработаны два образца магнитных мин: глубоководные, всплывающие со дна, и донные, применяемые на небольших глубинах.

Глубоководная магнитная мина не имеет ни якоря, ни минрепа. Это очень облегчает ее общий вес и позволяет сбрасывать такую мину с самолета. Самолет может поднять дюжину мин и сбросить их как бомбы без всяких парашютов.

В море нижняя часть мины заполнится водой через особые незакрывающиеся отверстия. Мина переворачивается и камнем идет на дно хвостом вниз. На глубине в двадцать метров давление воды приведет мину в боевую готовность. Чтобы грянул взрыв, остается только замкнуть контакт электровзрывателя.

Таким образом, дойдя до дна, мина как бы спряталась там в засаде, чтобы в удобный миг «прыгнуть» на врага. Приказ «Прыгай!» отдаст мине сам противник. Железная масса корабля еще на расстоянии пяти кабельтовых (925 метров) начнет влиять на магнитную стрелку, установленную в мине. Корабль приближается, и стрелка медленно поднимается вверх. Вот она стала под прямым углом. Замкнулась электрическая цепь, ток пробежал через ряд приборов, открыл баллон со сжатым воздухом, воздух вытеснил воду через хвостовые отверстия... Облегченная мина быстро всплывает и словно кидается навстречу кораблю. На глубине десяти-пятнадцати метров гремит взрыв. Судно гибнет.

Донная мина, сбрасываемая с самолета на парашюте, рвется, лежа на дне на мелководье. Этого достаточно, чтобы повредить корабль.

#### Поставщики мин

Тридцать лет назад мины развозили и сбрасывали в море главным образом специальные подводные суда—минные заградители.

Во время войны выяснилось, что безоружные и громоздкие заградители далеко не всюду могут удачно делать свое дело. Часть этой работы начали возлагать на миноносцы.

Немцы стали поручать постановку мин также и другим военным судам, особенно вспомогательным крейсерам-рейдерам. Наконец и подводным лодкам пришлось принять участие в минном деле. К концу войны более сотни немецких подводных заградителей, незримых для врага, развозили свой страшный груз, сбрасывая его в самых неожиданных местах, под носом у противника.

Однако готовясь к следующим войнам, все страны не остановились на этом. Подводные лодки, правда, расставляли мины скрыто, однако нужно было научиться ставить их быстро, почти мгновенно. Сделать это помогла авиация.

Эскадрилья самолетов, груженных магнитными минами, разбрасывает их в устьях рек, внутри защищенных с моря гаваней. Начиная с сентября 1939 года, десятки тысяч таких мин рассеяны с воздуха у побережий всех воюющих стран. Магнитные мины при этом теперь устраиваются так, что, случайно упав не на воду, а на сушу или на палубу идущего корабля, они мгновенно превращаются в мощные бомбы. Кроме того, сейчас придуманы также такие торпеды, которые, не попав почему-либо в цель, утрачивают свою самоходность и становятся пловучими минами заграждения. Эти торпеды также сбрасываются с самолетов.

Надо сказать, что старые способы постановки мин с кораблей тоже не забыты, минным делом заняты сейчас попрежнему и подводные лодки, и надводные достаточно быстроходные суда, вооруженные артиллерией.

#### Борцы с минами

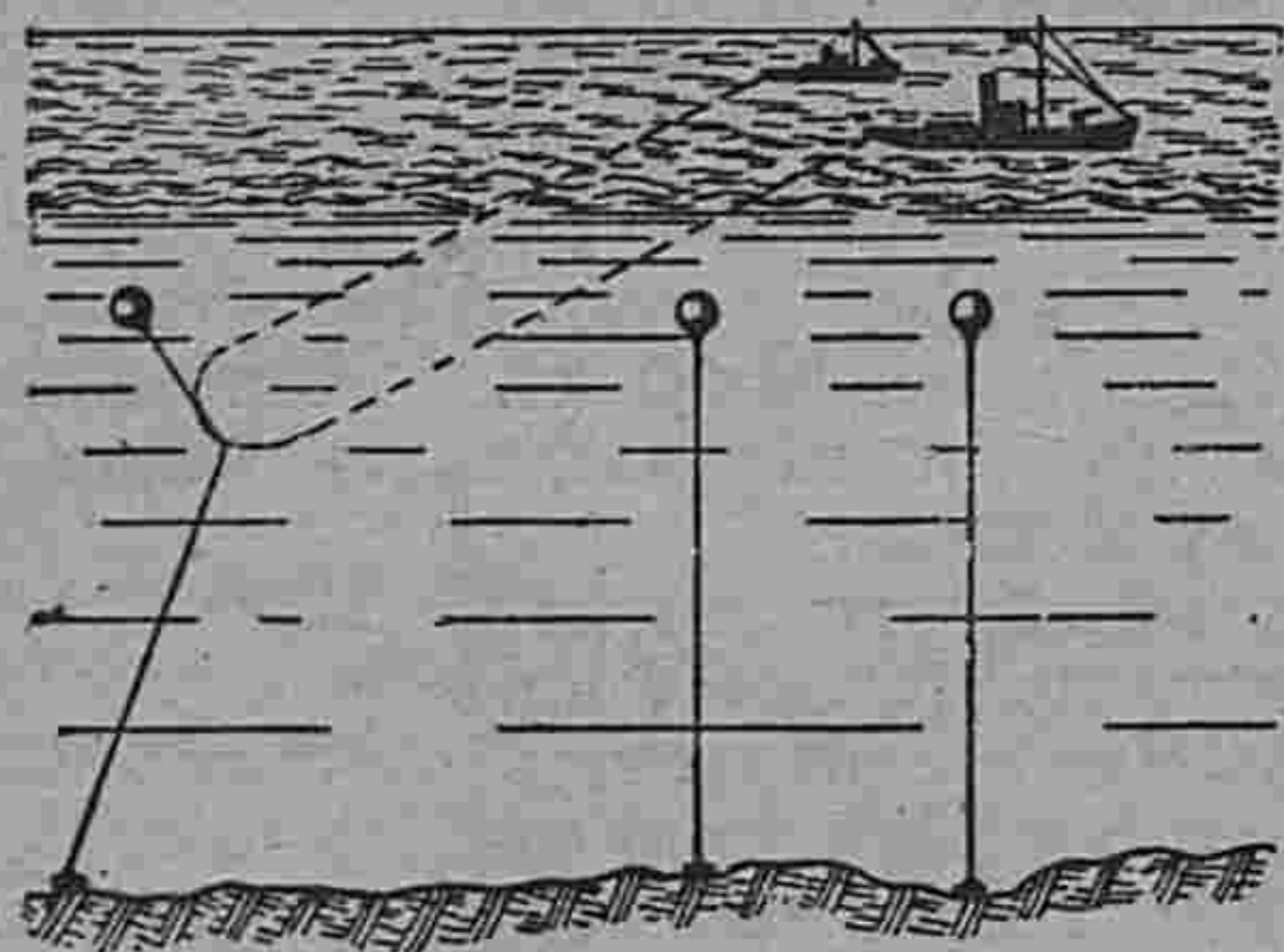
Как же бороться с таким опасным врагом, как мина?

Мина скрывается под водой, она невидима, сле-

довательно, прежде чем уничтожить, нужно ее обнаружить и выловить. Эта задача разрешается специальными приспособлениями—тралами.



Вначале тралы делались из обыкновенного стального троса, который тащили сзади себя два судна, взяв его за оба конца. Трос выгибался дугой между судами-тральщиками и подхватывал встречающиеся на пути якорные мины. Но такой трал работал плохо. Ведь мины ставились на разных



Тральщики тралят мины.

глубинах. Значит, нужно было устроить такой трал, который мог бы пойти на любой нужной глубине. Это и было достигнуто особым приспособлением. Подобно тому как воздушный змей, имея легкий наклон, взмывает вверх, когда его тащат против ветра, так и специальные плоскости на тралах, при движении вперед зарываются в воду и держат трал на нужной глубине.

Такие подводные змеи удобны тем, что их глубину можно регулировать, меняя длину оттяжек.

Кроме того, почти все тралы сейчас снабжаются особыми подсекателями; они подрезают минрепы, как только мина попадает в петлю трала. Мина всплывает, и ее расстреливают из винтовок или пулемета.\*

Но не всегда и не везде можно высылать вперед тральщиков для очистки дороги от мин. Да и подводные заградители, подкравшись незаметно, могут снова набросать мин там, где только что море было протралено. И вот в прошлую войну англичане, воспользовавшись новым изобретением — «параваном», вооружили «личной охраной» сами идущие по морю военные и торговые суда.

Англичане долго держали свое изобретение в глубокой тайне. Было придумано даже специальное название «otter» (выдра), чтобы слово «параван» не надоумило о чем-либо противника. Изобретение оказалось удачным. Из ста восьмидесяти английских кораблей, вооруженных параванами, пятьдесят два подсекли и уничтожили им вражеские мины. Три тысячи торговых судов получили параваны, и ни одно из них не подорвалось на mine.

\* С своей стороны, и мины «борются» с тралами. Известно, что немцы, например, стали теперь укреплять на минрепах такие же подсекатели-резаки, способные перерезать трал. Вообще, работа тральщиков очень опасна: их расстреливают вражеские корабли, бомбит авиация, торпедируют подводные лодки. Часто они сами взрываются на тех минах, которые тралят. Историки войны считают, что в 1914—1918 гг. на каждую пару расстрелянных мин приходится один погибший тральщик.

Что же такое «параван»?

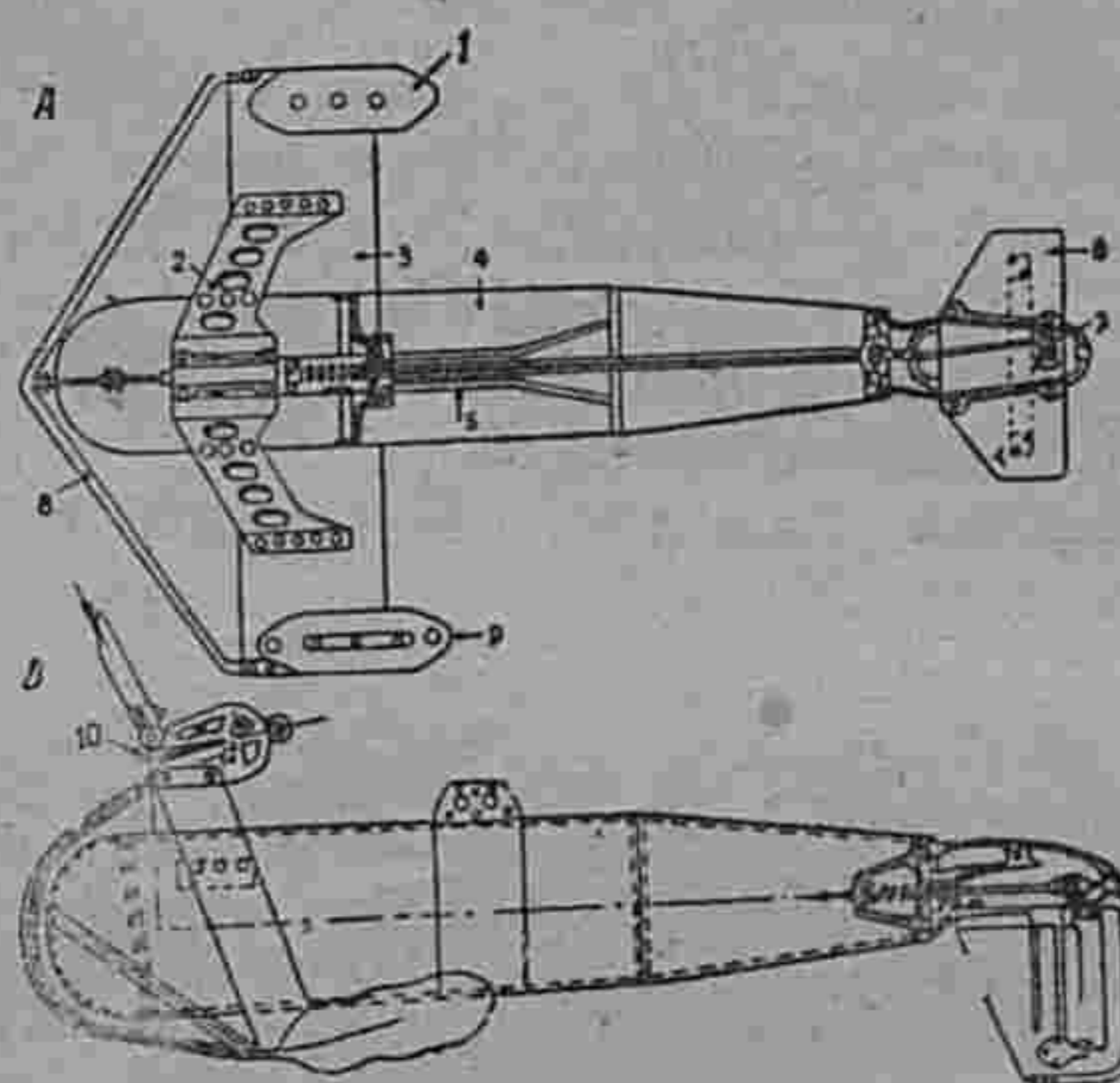
Это железный буй, похожий по форме на маленький самолет с железными крыльями. Он имеет резак, руль и автоматический прибор для управления. С каждого борта судна выпускается по такому бую. Они буксируются на тросах в пятьдесят—шестьдесят метров длиной. Вода во время буксировки давит на крыло и отводит параван от борта судна, удерживая его в этом положении. Он как бы летит под водой, подобно планеру. Руль и автоматический прибор заставляют параван идти на глубине два-три метра, таща между собой и судном туго натянутый трос.

Если параваны выпускают с носовой части судна, они работают как охранители самого корабля. Если же их выпускают с кормы и буксируют сзади, они действуют как обычный трал, но значительно лучше и чище.

Все эти способы хороши, конечно, только для борьбы с пловучими минами, имеющими минрепы и стоящими на якорю. Донную же магнитную мину, тихо лежащую среди камней и водорослей, не подцепит никакой параван.

Как же быть?

Чтобы найти способ защиты от донных мин, англичане, после начала нынешней войны, решили спешно добыть и исследовать хоть одну такую мину. Долго это не удавалось сделать. Наконец в ноябре 1939 года, лунной ночью, английское дозорное судно подсмотрело, как вражеский самолет сбросил на парашюте одну из этих мин. Место падения мины было тотчас же отмечено.



Устройство паравана.

А—вид сверху. В—вид сбоку.

1—деревянный поплавок. 2—рама. 3—крыло. 4—корпус паравана. 5—автоматический прибор. 6—вертикальное перо. 7—руль. 8—отводная дуга. 9—груз. 10—резак.

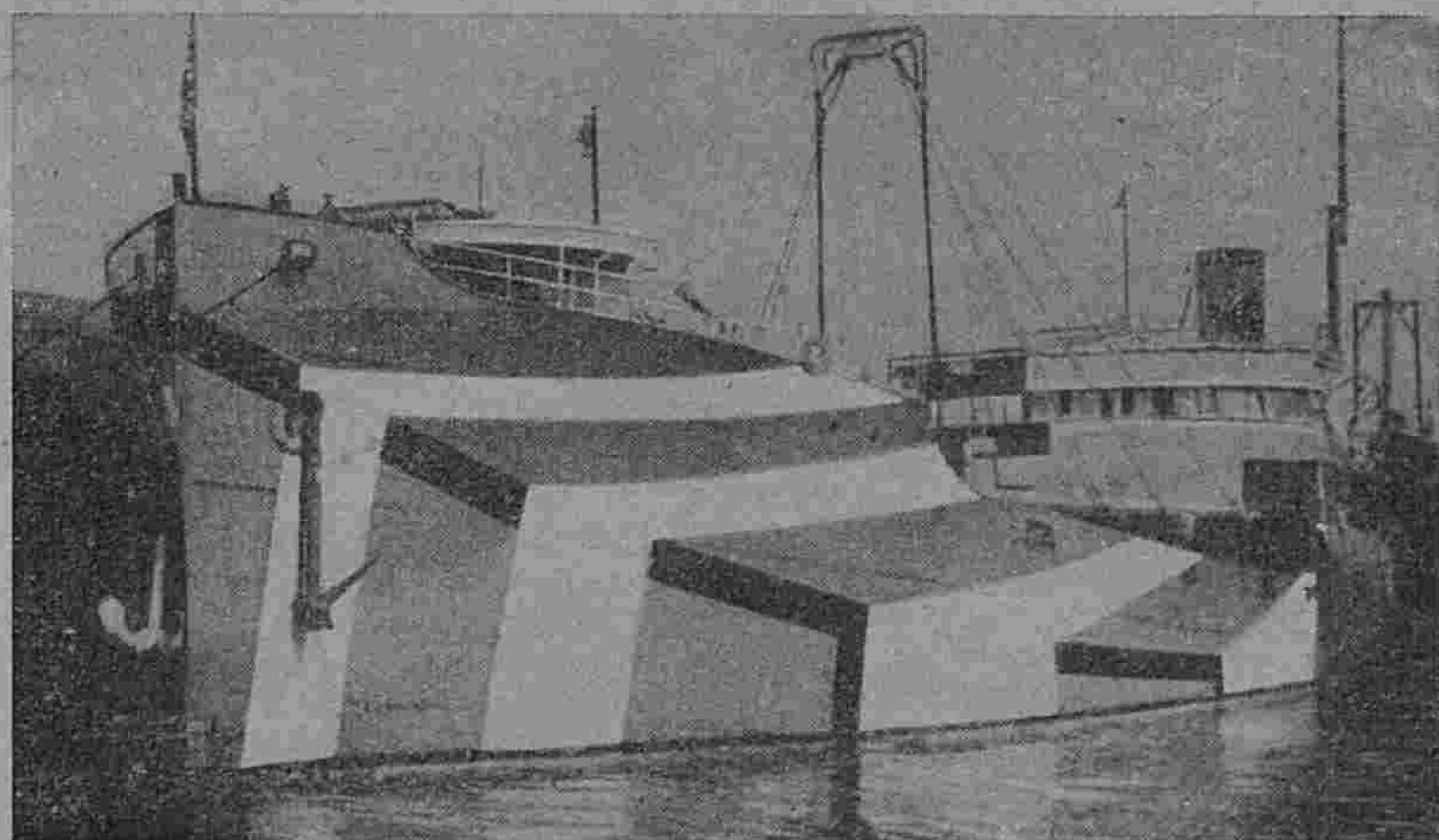
Прибыли специальные деревянные суда (железные — взорвали бы мину), и «подарок» противника удалось осторожно извлечь из воды.

Три месяца длилось изучение этой мины, а затем сотни английских судов были оборудованы особыми электрическими кабелями-поясами. Ток, пропускаемый по ним, «обманывает» мины, они или всплывают и рвутся раньше, чем судно окажется над ними, или же временно выводятся из строя и перестают действовать.

Французские газеты писали, что это изобретение оказалось очень удачным и позволило англичанам не бояться магнитных мин.

Однако, как бы там ни было, все воюющие страны продолжают совершенствовать минное оружие, ставить заградения, засеивать моря и океаны мира губительным посевом. Мина делает свое дело.





## ХИТРОСТИ НА МОРЕ

И. МЕТТЕР

Для того чтобы победить врага, надо быть не только сильным, но и умным, и ловким. Надо суметь неожиданно перехитрить врага, обмануть его внимание и быстро нанести ему сокрушительный удар. Особенно умело и хитро надо действовать в морской войне. На море человек чувствует себя не так свободно, как на суше или в воздухе. Ведь корабль не так подвижен, как танк или самолет.

Для того чтобы обмануть врага в морской войне, приходится поэтому прибегать к специальным хитростям. Обычно в каждой стране они держатся в строгой тайне.

Но многое из того, что уже применялось в прошлых войнах, теперь известно. Этим мы и воспользуемся, чтобы показать, как часто хитрость на море побеждает прямую силу.

### Маскировка в порту

Военные корабли должны быть замаскированы не только во время боя, но и тогда, когда они стоят в порту. Вот, например, как поступили немецкие фашисты, захватив Норвегию (см. верхний снимок). В норвежских портах их корабли немедленно подвергались маскировке. Если на причале фоном для корабля служил красный кир-

пич, то на его корпусе появлялся рисунок красного кирпича. Если фоном являлся камень или дерево, — корабль раскрашивался под цвет к этому фону. Маскировка проводилась настолько тщательно, что даже с самолета военные корабли не были видны.

### Невидимый корабль

Много раз делались попытки замаскировать военное судно так, чтобы издали оно было невидимым. Известен, например, такой случай в истории морских сражений. В 1865 году во время войны Северных штатов с Южными у берегов Америки перевозил военные материалы замаскированный военный корабль. Он глубоко сидел в воде, борта его и все выступающие над водой части были выкрашены в темносерый цвет. Мачты корабля легко откидывались набок и даже дымовые трубы были складными.

Когда корабль проходил мимо мест, где мог находиться неприятель, мачты и трубы спускались, в топку котлов забрасывали особый мало дымящий уголь, все освещение на корабле гасилось. При таких предосторожностях увидеть этот ко-

рабль издали было почти невозможно, тем более, что совершал он рейсы только в безлунные ночи.

Если же столкновение с неприятельским судном было неминуемо, то замаскированное судно подымало свои трубы, в топку спешно подбрасывали уголь, дающий густой дым, и обрезки тканей, пропитанные маслом: образовывалась дымовая завеса, скрывавшая корабль.

В настоящее время существуют многочисленные способы маскировочной окраски кораблей. Если надо сделать судно незаметным, когда на него смотрят с поверхности моря, его окрашивают в цвет неба у горизонта. На фоне неба такое судно будет невидимым. Чтобы сделать корабль незаметным для самолета, надо окрасить его в цвет моря.

### Обман зрения

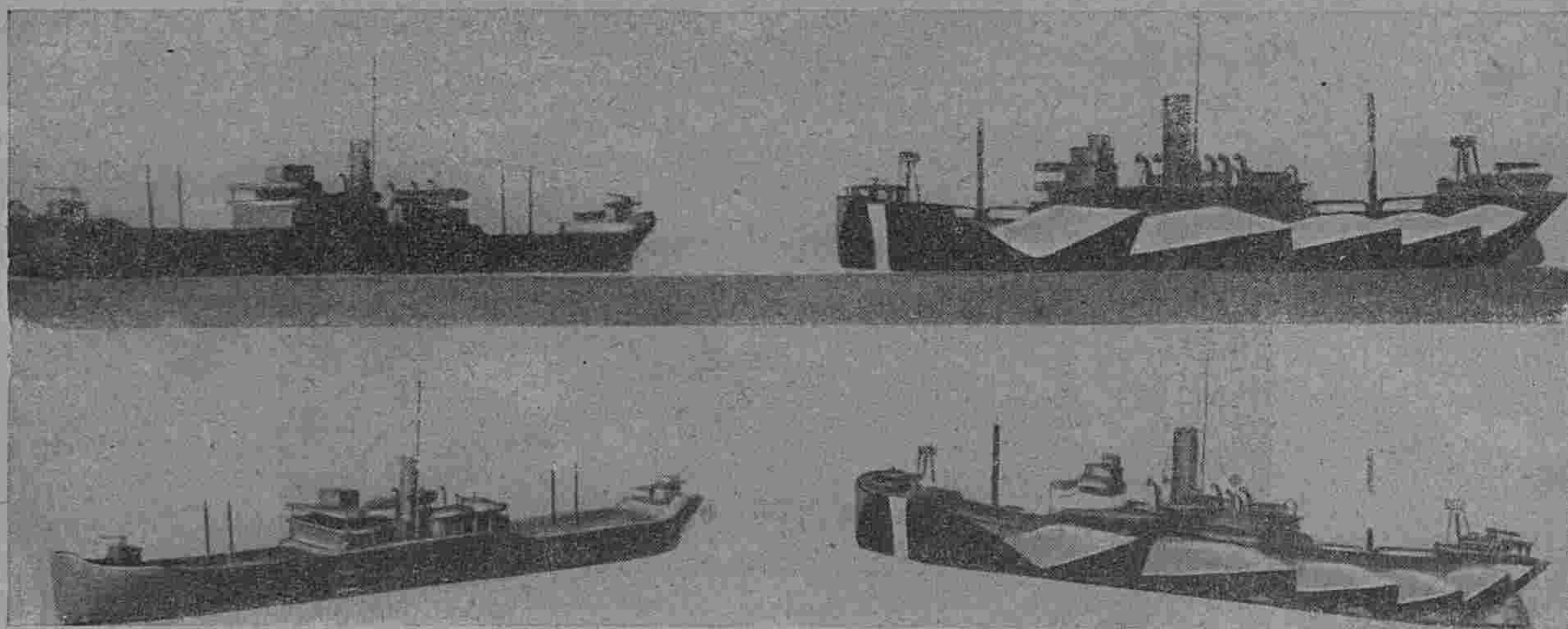
Вы смотрите на корабль, идущий по морю, и при этом видите его вполне ясно. Вы уверены, что безошибочно можете определить и курс корабля, и скорость его, и размеры, и тип судна. Все эти сведения, как вы сами понимаете, очень важно иметь в боевой обстановке. Но если бы на основании ваших сведений был открыт огонь по кораб-

лю, то оказалось бы, что снаряды в него не попадают или попадают только случайно. Точная проверка покажет вам, что все ваши зрительные наблюдения целиком ошибочны!

В чем же здесь дело?

Причина ошибки заключается в том, что корабль хитро замаскирован. Например, для того





*На верхнем снимке два корабля, сфотографированные с поверхности моря. Кажется, что они идут в одном направлении: слева направо. Но посмотрите на нижний снимок — он сделан с самолета. Оказывается, корабли идут под прямым углом друг к другу. Нас ввела в заблуждение искусственная маскировка.*

чтобы дать наблюдателю неверное представление о курсе корабля, пользуются глубокими «контрастными» красками, ими окрашивают те части его, по которым мы привыкли издали определять курс корабля: нос, мачты, трубы и выступы корпуса.

Существует еще один способ создания ложного впечатления о курсе судна: на бортах тщательно изображают искаженную перспективу; совершенно так же, как на плоском полотне, например, на декорациях в театре, художники создают картину уходящей вдаль дороги, текущей реки и т. д.

Иногда ошибка при наблюдении издали достигает 90°. Это значит, что наблюдатель, например, ясно видит, что корабль идет направо, а на самом деле он движется прямо на него. Последствия от такой ошибки могут оказаться для наблюдателя самыми печальными.

Таким же образом сбивают наблюдателя, пытающегося издали определить скорость корабля. Скорость корабля кажется гораздо больше настоящей, если на борту судна у его носа нарисовать большие, покрытые пеной буруны. Корабль, рассе-

кая воду, поднимает очень характерные волны. По этим волнам моряк со стороны может примерно судить о его скорости. Ясно, что рисованные волны дадут совершенно ложное представление о скорости хода.

Конечно, проделав несколько специальных опытов под разными углами наблюдения к замаскированному кораблю, можно установить, что буруны не настоящие. Но в боевой обстановке не всегда удастся провести такие дополнительные наблюдения. Хитрость же эта проста и почти всегда приводит к цели.

Интересно отметить, что при камуфляже пользуются красками различной яркости. Это выгодно потому, что один из оттенков неба может совпасть с одной из красок. Но когда какая-либо часть корабля окрашена в цвет неба, мы знаем, уже, что она становится невидимой. Если этот участок приходится на середине корпуса, корабль кажется издали разделенным на два судна. Этим объясняется нередко наблюдаемое даже опытными военными моряками «удвоение» или «раздвоение» миноносцев.

#### Структурная маскировка

Определение типа корабля и его национальности затрудняется также с помощью временной постройки разных бутафорских частей. Такая ма-

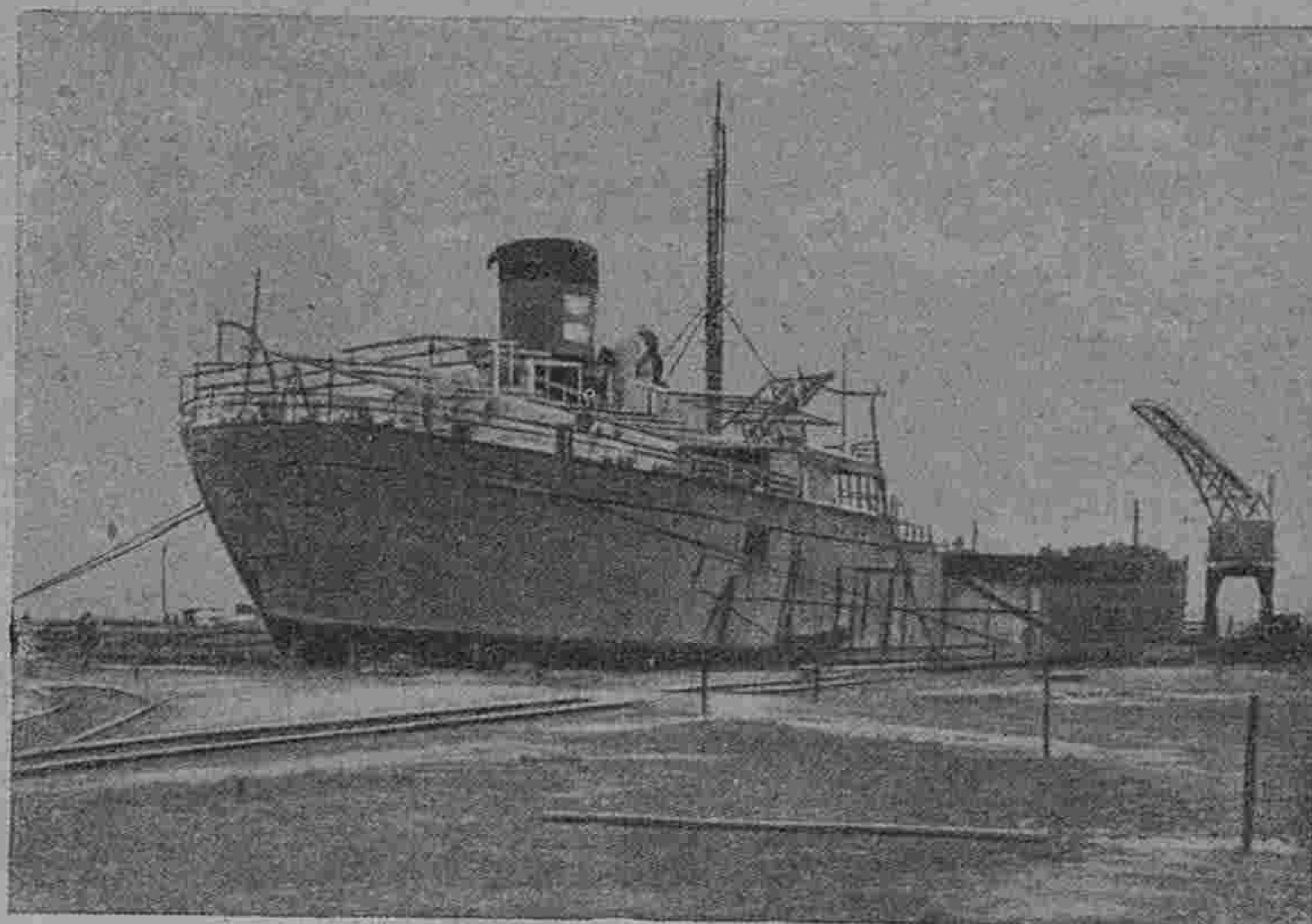
скировка называется «структурной», так как она меняет структуру строения корабля. Так в октябре 1914 года маскировался «Эмден» (см. «Костер» № 2).



*Слева — небольшое судно, на котором еще только начались маскировочные работы. Справа — это же судно выглядит уже как внушительный корабль, который, конечно, может испугать противника.*



## Необычайное прошествие с танкером „Ягуар“

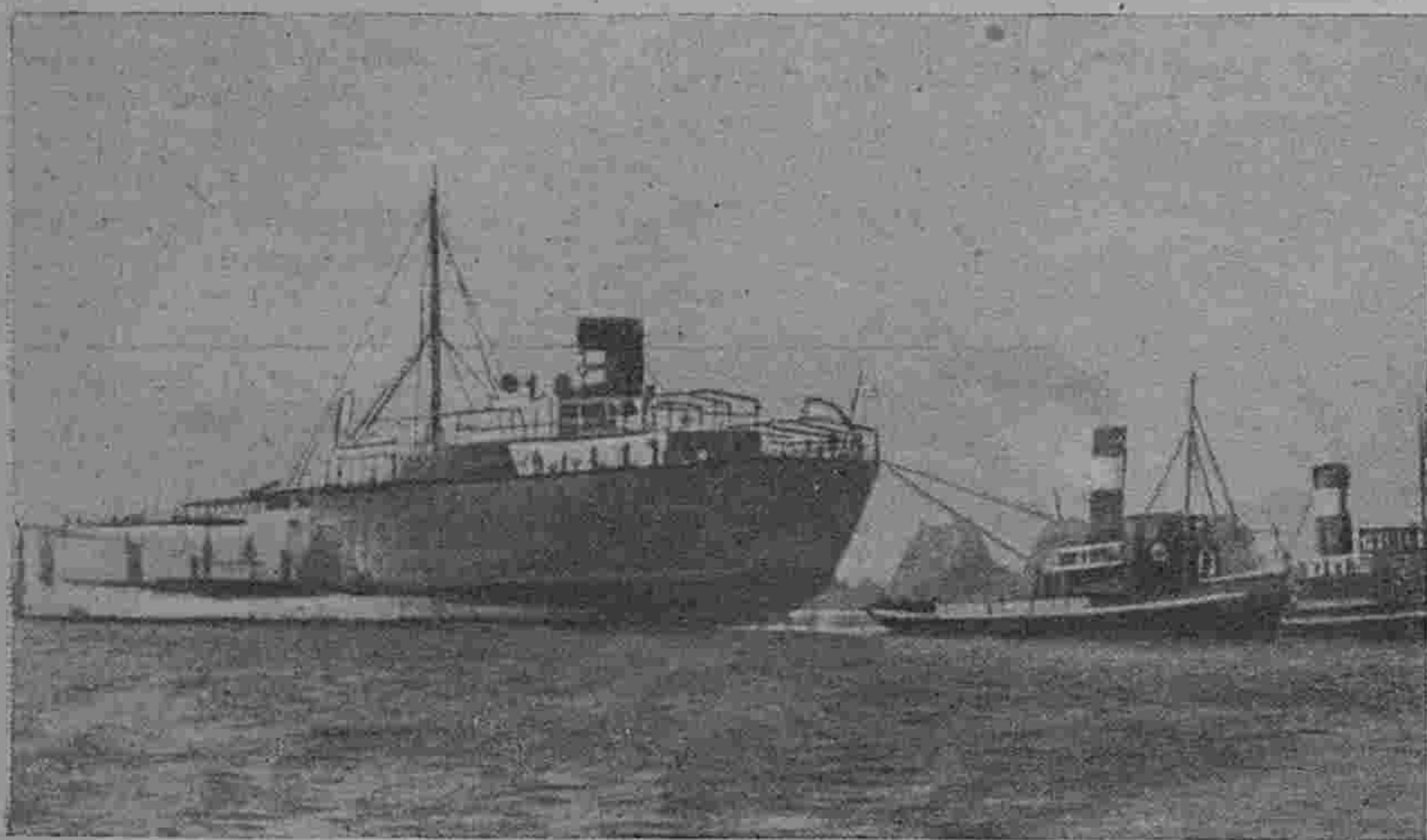


Танкер «Ягуар».

Всякие бывают на море истории. Но такая, какая стряслась с танкером «Ягуар», случается не часто. Самое же удивительное в ней то, что она совершенно правдива.

Произошло все в течение одной минуты. До этого громадное судно, уже не один год плававшее по Атлантическому океану, спокойно шло своим обычным курсом из Венецуэлы в Голландию. Трюмы его были полны нефти. Двигатели и все прочие механизмы работали исправно. Все люди были здоровы. На море ходила крупная волна. Плавание подходило к концу. Танкер был уже недалеко от Азорских островов.

И вдруг... Впрочем, минуту внимания. Да знаете ли вы, как устроен танкер-нефтевоз? Это — судно, разделенное на несколько непроницаемых для жидкости отсеков-цистерн. В них наливаются, точно в бочки, нефть, керосин или бензин. Паровых двигателей на танкере не бывает — это слишком опасно, — а только дизели. Все служебные и жилые помещения находятся на корме, а впереди торчит только капитанский мостик да радиорубка. Поэтому вид у этих танкеров не особенно изящный. Можете судить сами по снимку.



Буксиры тащат корму «Ягуара».

Так вот, вдруг... Надо сказать, что дело было поздно вечером, часов около одиннадцати в январе 1939 года. Вахтенные стояли на своих местах. Свободные от вахты люди спали, радист пошел к коку поесть чего-нибудь на ночь. Старший механик сидел в своей каюте и писал письмо. Неожиданно послышался страшный треск, и судно закачалось как-то по-особенному — очень быстро с кормы к носу. Капитан выскочил из каюты, бросился к мостику спросить у вахтенного, что случилось. Выскочил — и остолбенел. Он подумал, что сошел с ума. Все было на своем месте. Машина работала как обычно. А там, где полагалось быть мостику, радиорубке — всей носовой части, — там шумело море. Нос корабля оторвался от кормы и, немного задравшись кверху, спокойно уплывал куда-то в сторону. На мостике метался вахтенный начальник и орал, как безумный: «Радист! Где радист?» И ничего нельзя было сделать. Что случилось? Как это могло произойти? Вкралась ли ошибка в расчет строителей? Оказалась ли волна сильнее стальных швов? Неизвестно. Тем не менее — факт был неоспорим: судно разломилось пополам. Это выглядело страшно и немного комично.

В это время из камбуза показался радист. Он нес в руках котелок с горячим супом, полный до краев, и очень боялся пролить его, шагая по скользкой подвижной палубе. Он смотрел внимательно себе под ноги и не замечал ничего кругом. Ему предстояла трудная задача: не держась руками (они заняты котелком с супом), пройти по трапу. По середине пути он услышал голос вахтенного, поднял взгляд и увидел, что радиорубка уплывает от него с носовой частью судна. Радист так растерялся, что уронил в море котелок и закричал, не думая, точно на лошадь: «Стой! Тпру!» Потом выяснилось, что он — сын фермера, детство провел в деревне и плавать впервые.

Капитан немедленно приказал свистать аврал. Из тридцати семи человек команды тридцать оказа-



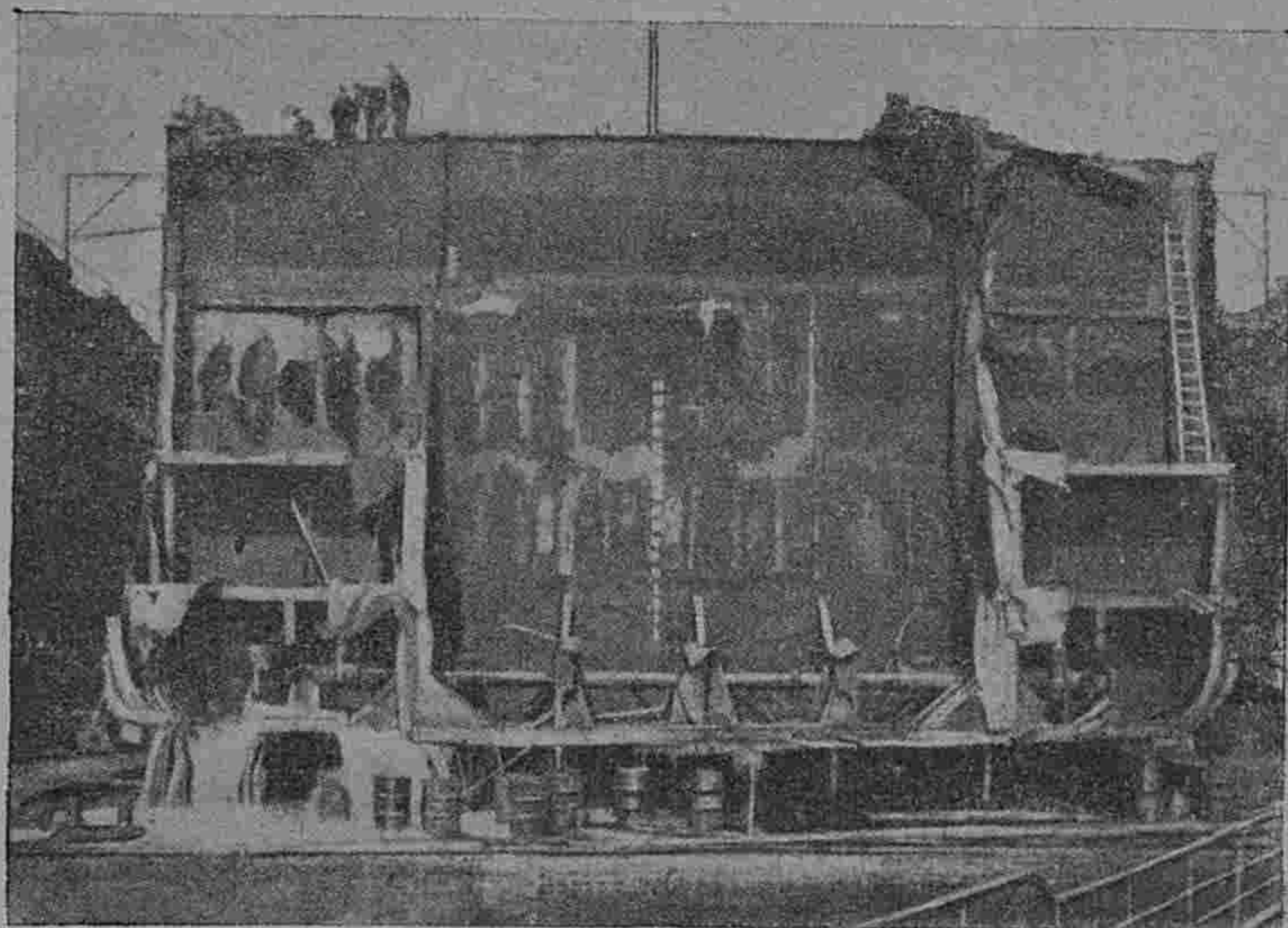
лось налицо. Значит, с носовой частью оторвалось семь человек. Что с ними стало, было совершенно не известно: тропические ночи темны, электростанция осталась в кормовой части, и света на носу не было. Вызвать кого-нибудь на помощь по радио? Но радиорубка моталась где-то в Атлантическом океане с носом корабля. А радист сидел в кормовой части. Он, бедняга, очень проголодался, суп его пропал, а идти к коку за второй порцией он стеснялся. Спать ему было тоже негде.

Между тем, стало ясно, что, лишившись такого важного украшения, как нос, судно вовсе не собирается тонуть.

Водонепроницаемые отсеки, заполненные отчасти воздухом, отчасти же жидкостью легче воды — нефтью, — держали искалеченный корпус на поверхности волн. Вначале очень донимала качка. Хотя двигатели работали исправно, но тупая стена, заменявшая теперь нос, не резала воду: танкер не двигался с места, а зыбь тормозила его во все стороны. Затем догадались: дали задний ход и стали, хотя и медленно, двигаться кормой вперед, благо кругом ни камней, ни островов не могло быть. Всмотривались только внимательно по сторонам, не заметят ли где-нибудь оторвавшийся нос. Тревожила судьба товарищей, да и очень было бы обидно разбиться в открытом море, наткнувшись на свой собственный нос.

Так прошла ночь. Никто, конечно, не спал, люди собрались кучкой и тихо обсуждали необычайное происшествие. Вахтенные сменялись как обычно, в машине все было исправно, даже утренний завтрак подали во-время. Только склянки не пришлось отбивать: колокол плавал где-то далеко, а может быть, и лежал уже на дне морском.

С рассветом все были на палубе, жадно всматриваясь в даль, — не покажутся ли признаки пропавшей половинки. Чуть взошло солнце — и на самом горизонте показалось странное сооружение — «Нос, нос!». Километрах в двенадцати действительно плавал нос «Ягуара», вздыбившись как-то форштевнем вверх. Палуба, или то, что от нее оставалось, стояла почти отвесно, мостик был наполовину под водой. Жив ли кто-нибудь на об-



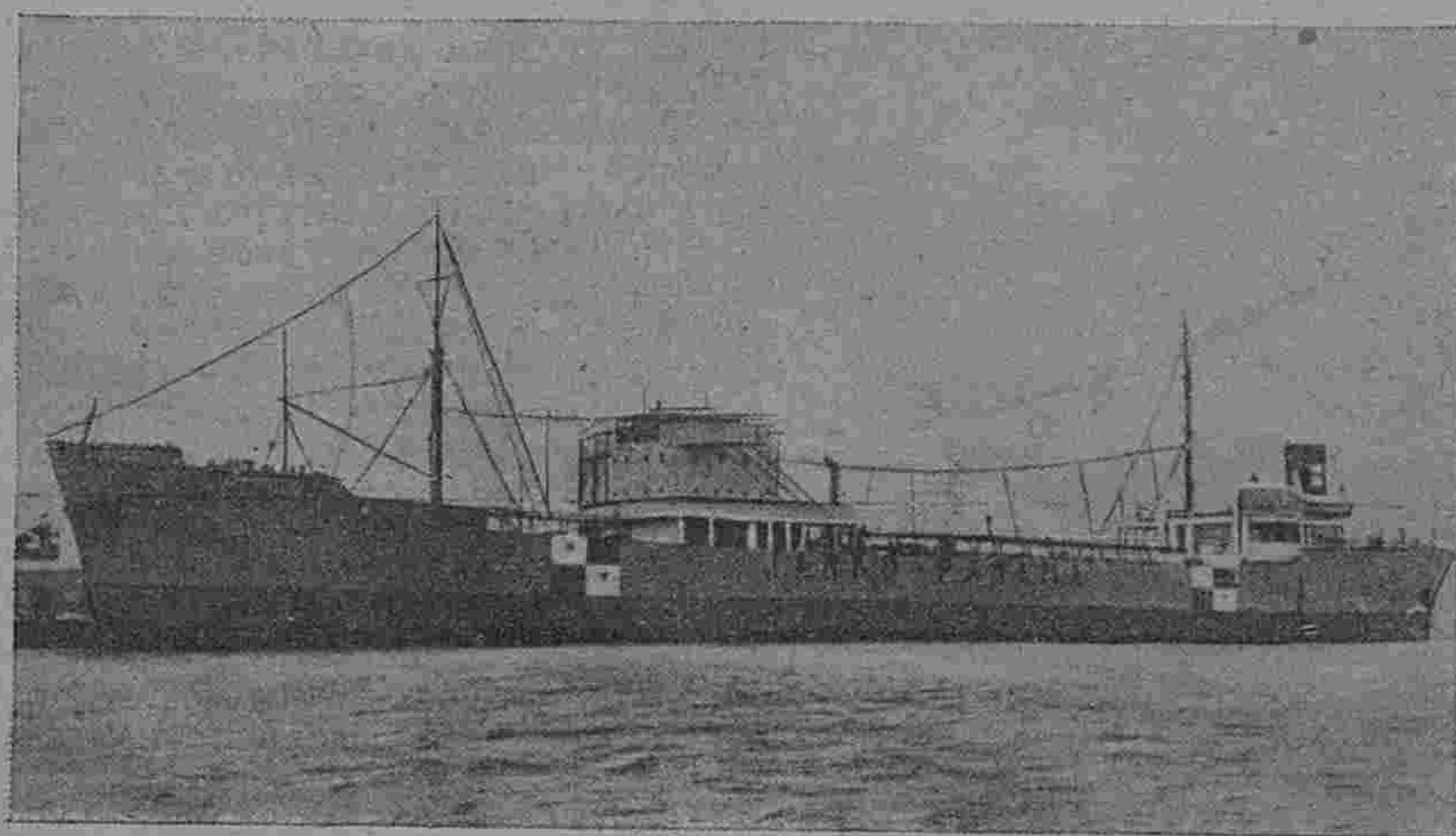
Корма «Ягуара» в доке.

ломке? Это было неизвестно. Шлюпок в носовой части не было, решили попытаться подойти поближе и снять людей, если они живы. Дело было небезопасное. Волнение было порядочное, корма управлялась еле-еле, а ударившись об нос, обязательно бы его потопила и сама неизбежно пошла бы ко дну.

Стали потихоньку разворачиваться, работая для этого одним винтом и застопорив другой, но в это время на горизонте показался дымок. Через полчаса все увидели очертания корабля. Это был теплоход «Дуала». С него заметили странное явление — чей-то одинокий нос, плывущий посреди океана, и поспешили на помощь. «Ягуар» остановился и стал ждать результатов.

Что же происходило за все это время на бывшем носу «Ягуара», так самонадеянно пустившемся в самостоятельное плавание? В момент катастрофы погас свет. Палуба резко накренилась, мостик частично погрузился в воду, а сойти с него было совсем мудрено: ведь трап ушел с кормовой частью. Радиорубка оставалась на месте, но, кроме радиста, никто не умел управляться с передатчиком, а где был радист, вы, вероятно, еще не забыли. Вдобавок, ни кают, ни камбуза, ни пи-

щи, ни пресной воды. С мостика пришлось все-таки выбираться, его непрерывно заливало волной, и вскоре смыло бы всех, кто на нем находился. С громадными трудностями, по шею в воде, привязавшись веревками, удалось в конце концов перебраться повыше — на бак и кое-как укрыться от ночного холода. Все промокли до нитки, огня не было. У одного из матросов нашлась завалившаяся в подкладке спичка, с величайшими предосторожностями подсушили ее на ветру и зажгли фонарь. Больше делать было нечего, всю ночь просидели, прижавшись друг к другу, у тусклого фонаря. Обломок корабля кидало немилосердно из стороны в сторону: ведь машины, которые должны были держать его по-



Танкер «Янко».



волне, остались в кормовой части. С трудом дождались утра, ежеминутно опасаясь гибели.

Теперь предстояла трудная задача: снять людей. Подойти к обломку посланная с «Дуалы» шлюпка не могла, ее неизбежно разбило бы. Посоветовались и решили: один из матросов «Ягуара» обвязался длинной тонкой бечевкой и бросился в море. Затаив дыхание, следили с обоих судов за борьбой смельчака с морем. Долго пришлось ему плыть, но он понимал, что от его выдержки зависит участь шести товарищей, и в конце концов доплыл до шлюпки. Дальше было уже проще. К тонкой бечевке привязали канат, перетянули его на шлюпку, и, держась за этот канат, все шесть человек перебрались на нее.

Затем пошли снимать людей с кормы. Здесь управиться было легче. Она, как мы знаем, управлялась и могла держаться против волны. Выкачали из трюмов большую порцию нефти. Волнение стихло, и шлюпка «Дуалы» без особого труда сняла всех людей. «Смотрите, смотрите!» вдруг вскрикнул радист. Он неотрывно следил за своей радиорубкой. В этот момент нос, до тех пор хотя и наклонно, но прочно державшийся на воде, как-то сразу дернулся и погрузился в воду. Очевидно, внутренние переборки не выдержали необычного давления и разошлись.

Первой заботой капитана «Ягуара» по прибытии на «Дуалу» было вызвать по радио пару буксиров из ближайшего порта с Азорских островов. Уже на пути туда «Дуале» встретились эти буксиры, капитан и несколько человек команды пересели на них и вернулись посмотреть, что стало с половинкой «Ягуара». Оказалось, что она как ни в чем не бывало покачивалась все на том же месте, благо ветер стих и волнение ослабло. Два мощных морских буксира подхватили ее и потащили на Азорские острова. Путешествие прошло настолько благополучно, что капитан решился на неслыханную вещь. Те же два буксира потащили половинку танкера с Азорских островов в Роттердам на расстояние свыше 3000 километров. Расчет капитана был правильный. Раз «Ягуар» выдержал такую передрыгу, то уж дальше ему ничего не было страшно.

А в Роттердаме на судостроительной верфи построили новый нос, еще длиннее старого, спустили на воду, подвели к корме и приклепали. Стал танкер опять как новый.

Не знали только, как быть с его именем. Называть «Ягуар» — неудобно: ведь от него только, можно сказать, хвост и остался. Решили подобрать имя такое, чтобы кусочек «Ягуара» в него входил, и назвали «Янко». Так он до сих пор и плавает.

Да, удивительные бывают на море происшествия!

Ю. Бронштейн.

Наш дед — солдат Суворова,

Отец —

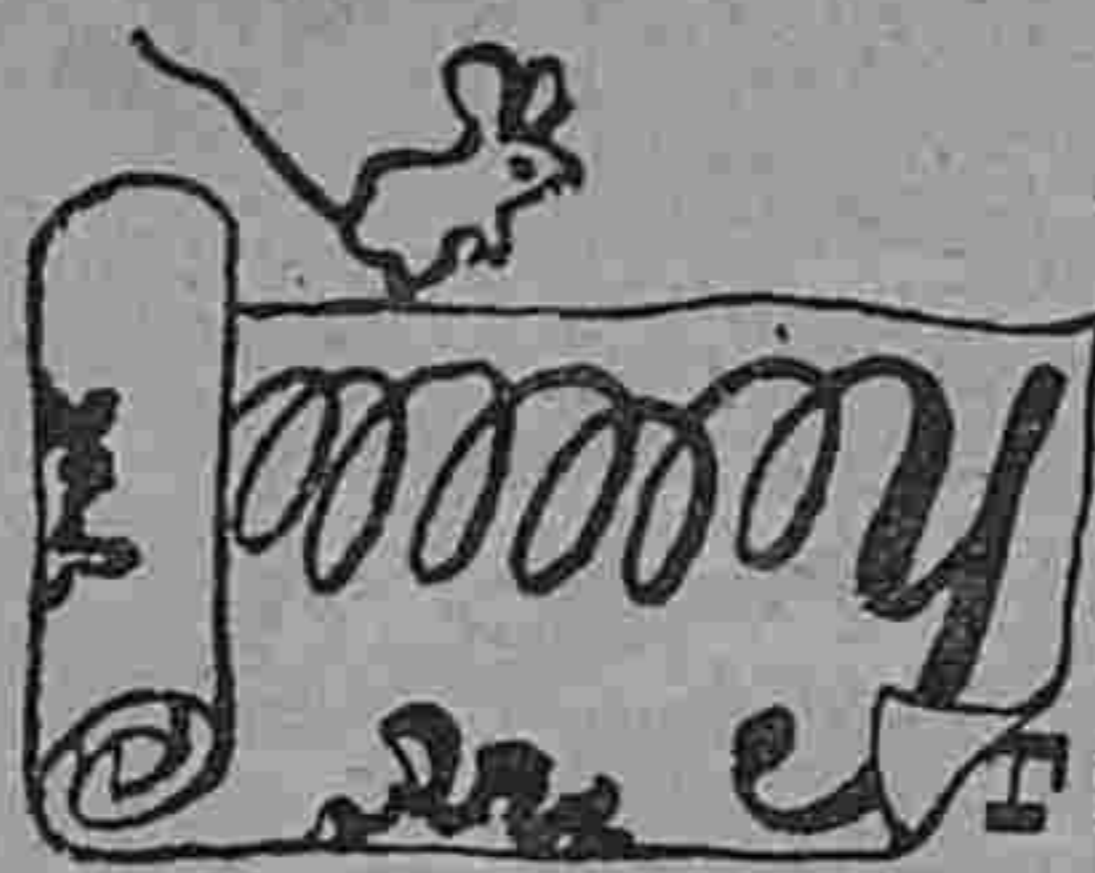
боец

Чапаева.

С врагом дерутся здорово

Своей страны хозяева.

С. МАРШАК.



## ВЕСЕЛОГО АРХИВАРИУСА

### ДЮМА И ОЖЬЕ

Александр Дюма-сын и Эмиль Ожье, известный драматург, сидели в театре Французской Комедии на представлении пьесы последнего. Дюма усмотрел в партере какого-то зрителя, который сладко спал в своем кресле, и обратил на это внимание Ожье.

— Посмотрите, какой эффект производит ваша пьеса.

Ожье промолчал.

Через несколько дней оба писателя присутствовали на представлении пьесы Дюма.

Ожье внимательно вглядывался в публику, и наконец обнаружил среди нее какого-то спавшего зрителя и с ядовитой усмешкой указал на него Дюма.

Дюма внимательно поглядел на спящего и воскликнул:

— Так и есть! Я его узнаю. Это тот же самый зритель, который спал на представлении вашей пьесы. Он так глубоко заснул, что до сих пор еще не проснулся!

### ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

Отец одного человека умер в Александрии, вдали от родины. Сын умершего, решив привезти тело покойного отца на родину, велел набальзамировать его. Ему сказали, что накопилось много набальзамированных трупов и есть опасность перепутать покойников.

— Есть ли, — спросили его, — какая-нибудь примета, с помощью которой легко можно было бы узнать твоего отца?

— Да, — ответил сын, — у моего отца всегда был сильный кашель.

### ОТВЕТ ПОСЛАНЦА

Посланец самосцев просил македонян о помощи чрезвычайно длинной речью. Когда речь была окончена, македоняне ответили:

«Первую часть речи мы уже забыли, а последнюю не понимаем, потому что забыли первую».

### ЗДЕСЬ РОДОС, — ЗДЕСЬ И ПРЫГАЙ

Некто, вернувшись на родину, где отсутствовал несколько лет, хвастался, что, будучи на острове Родосе, он научился так хорошо прыгать, что победил всех соперников в этом искусстве. Свидетелями его мастерства могут быть все родосцы. Тогда один из присутствовавших сказал: «Если ты говоришь правду, то нет надобности в свидетельстве родосцев. Вообрази, что здесь Родос, — здесь и прыгай».

Это выражение стало нарицательным для разоблачения хвастунов.





Ученики одной из школ Ленинградской области помогают колхозникам в сельскохозяйственных работах.

## СОДЕРЖАНИЕ

Отлично учиться, по-военному работать! На 2-й странице обложки.		На фронтах Великой Отечественной войны. . .	17
Давите гадов-фашистов! Письмо пионеров Ташкента на фронт . . . . .	1	А. БЕЛЯЕВ. Лапотный Муций Сцевола. Рассказ.	18
Фронтовые рассказы:		Борись с паникой . . . . .	19
В. КАВЕРИН. Из дневника танкиста. Дом на холме . . . . .	2	Г. МЕЙЕР. Хороший боксер—хороший боец . .	21
Б. КАЗАНСКИЙ. Счетовод Протасьев. . . . .	7	А. ГИТОВИЧ. Спасибо, товарищи шоферы . . .	24
И. ВСЕВОЛОЖСКИЙ. Командир корабельных коков . . . . .	9	Н. МУРАТОВ и Б. ТИМОФЕЕВ. О крысе голодной и силе народной . . . . .	25
Д. БРОДСКАЯ и А. ГОЛУБЕВА. 105-й разъезд.	10	РУТ ШТЕРН. Город в плену. Записки . . . .	26
А. КОНЯЕВ. Подводная атака . . . . .	13	С. КРЕНИЦИН. Кью-шип . . . . .	32
В бой пойдем. Стихи Саши Соколовского . .	16	Л. УСПЕНСКИЙ. Васыль. Рассказ . . . . .	35
Друзья. Стихи Воли Плащинского . . . . .	16	С. ЖИЛИН. Пловучая смерть . . . . .	39
		И. МЕТТЕР. Хитрости на море . . . . .	43
		Ю. БРОНШТЕЙН. Необычайное происшествие с танкером «Ягуар» . . . . .	45
		Уголок веселого архиварнуса . . . . .	47

На обложке рисунок В. Тамби «Крейсер в походе».

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, УЛ. БРОДСКОГО, 2, ТЕЛ. 456-00  
Непринятые рукописи не возвращаются.



Редакционная коллегия: М. Е. Адрианова, В. П. Беляев, А. М. Гольдин, В. А. Каверин, Н. Ф. Лапшин, Я. И. Перельман, Л. С. Савельев, Ю. А. Эшман.

Ответственный редактор Ю. А. Эшман.

А. одписано в печать 9/IX-1941 г. 6 печ. лист. В печ. лист. 25,000 т. зн. Заказ № 1747. М 78325. Авт. л. 5,25. Тираж 50,000 экз. (—30000. Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.





## НА САМОЛТЕ С ФОТОАППАРАТОМ

Фотография необходима на войне.

Ведь стрелять наугад, тратить зря снаряды — бессмысленно.

Если каждый боец, спускающийся на парашюте, не будет точно себе представлять, где находятся вражеские склады, укрепления, дороги и селения, то такой воздушный десант будет обречен на гибель.

Поэтому, прежде чем установить батарею и открыть огонь или начать атаку, прежде чем возвести укрепления или двинуть в бой танки и пехоту, прежде чем сбросить парашютный десант, надо хорошо изучить и местность, и скрытые укрепления, и, наконец, расположение сил противника.

Найти верную цель, обнаружить замаскированные рвы и траншеи, заметить мосты, здания и дороги удобнее всего с воздуха. И самое удобное — воспользоваться для этих целей фотоаппаратом.

Поэтому на каждом разведывательном самолете имеется фотоаппарат.

Стеклянный глаз фотоаппарата ничего не упустит, ничего не забудет и не только увидит возможное, но и запечатлеет его на пленке.

Фотографирование с воздуха — аэросъемка — это большая и сложная отрасль науки. Зародилась она около восьмидесяти лет назад и вскоре же была применена на войне.

Это случилось во время войны между южными и северными штатами Америки.

Несколько месяцев южане упорно отстаивали свой город Ричмонд. Сколько бы атак ни предпринимали северяне, каждый раз они неожиданно наткнулись на новое укрепление.

Неизвестно, на чьей стороне была бы победа, если бы один офицер северян не попытался сфотографировать укрепления Ричмонда с воздуха.

Он поднялся на воздушном шаре и с высоты семидесяти-восьмидесяти метров стал снимать траншеи противников, замаскированные рвы и скрытые батареи.

Через месяц Ричмонд пал. Это была первая победа, выигранная благодаря воздушной фотографии.

Об искусстве фотографирования с воздуха, о том, как зарождалась и совершенствовалась аэросъемка, о том, какие трудности приходилось разрешать при первых съемках, как постепенно

учились разбирать и читать аэроснимки — обо всем этом рассказывается в книге А. Гавемана „На самолете с фотоаппаратом“.

Неоценимую пользу оказала аэросъемка и картографии. Чтобы составить точные и подробные карты на всю площадь Советского Союза, тысяча человек инженеров и техников должна была бы работать тысячу лет. Инженеры-топографы со своими инструментами должны были бы пробраться в самые глухие уголки, пройти по болотистым топям, проникнуть в безводные пустыни и всюду измерить расстояния, произвести точную съемку, составить кропотливые расчеты.

Теперь же работу топографа взял на себя самолет с фотоаппаратом. Вместо тысячи топографов нужно двести самолетов, а вместо тысячи лет — всего десять лет.

Сколько тайн, сколько загадок природы помог разгадать человеку аэрофотоаппарат! Так, в песках Сирийской пустыни отыскивали следы древних римских укреплений. Так, удалось установить место падения огромного тунгусского метеорита, а ведь его искали не один десяток лет. Так, можно разыскивать тюленьи лежбища и помогать полярным промышленникам бить зверя. Так, можно находить ценные ископаемые, залегающие в недрах, обнаруживать замаскированные укрепления и притаившиеся в глубине моря подводные лодки. А разведка льдов, изучение русла рек, определение их глубин и течений?

Кто мог думать несколько лет назад, что изучать леса, определять породу деревьев, их высоту окажется гораздо быстрее и удобнее с воздуха, нежели на земле. А ведь дерево на аэроснимке представляется чуть заметной икринкой и совсем не похоже на то, что мы привыкли видеть, находясь на земле.

Много увлекательного о своей специальности аэросъемщика и фоторазведчика рассказывает участник аэросъемочных работ и экспедиций автор книги „На самолете с фотоаппаратом“, изданной Детиздатом в 1941 году.

Лет восемьдесят назад один ученый геолог мечтал подняться над землей и окинуть единым взглядом горные хребты, равнины, очертания берегов морей. Как удалось ученым осуществить эту мечту и что еще предстоит сделать — это вы тоже узнаете из книги „На самолете с фотоаппаратом“.



# О ТОМ, КАК СОЛДАТ СО СВАСТИКОЙ ЗАНИМАЛСЯ ГИМНАСТИКОЙ

1729

41

Текст Б. Тимофеева

Рисунки Н. Муратова



УТРЕННЯЯ ЗАРЯДКА.



ПОДНЯТИЕ ТЯЖЕСТЕЙ.



Б Е Г.



**Не**

ВОЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ.



1941 г.  
кст. № 13 28/1  
кладн. л.